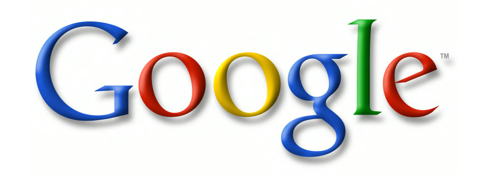

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817
M
Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17-го Января 1849 года.

Ценсоръ *И. Срезневскій*.

Khmel'nitskii, Nikolai Ivanovich.

СОЧИНЕНІЯ

ХМѢЛЬНИЦКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Карла Крайя.

1849.

Цѣна за три тома три рубля серебромъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

ХМѢЛЬНИЦКАГО.

ТОМЪ II.

Стр.

РУССКІЙ ФАУСТЪ

или

БРЮСОВЪ КАБИНЕТЪ,

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ПРОЛОГОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

—

Графъ Яковъ Виллимовичъ Брюсъ.
Александръ Романовичъ Брюсъ, его племянникъ.
Князь Михаилъ Владиміровичъ.
Княжна Настасья Михайловна, его дочь.
Пасторъ Либманъ.
Машинька Сибелева, его воспитанница.
Графъ Левенвольдъ.
Василій Кириловичъ Третьяковскій.
Делиль, профессоръ астрономіи.
Иванъ Кондратьичъ, камердинеръ графа.
Хозяинъ съ хозяйкою.
Пожилая вдова.
Ея прикащикъ.
Ея сидѣльцы } **1-й. 2-й.**
Сосѣдка.
Хороводникъ, онъ же и *разнощикъ-букинистъ*.
Штукарь съ райкомъ.
Мартынъ Мартынычъ Задека, библіотекарь графа Брюса
Гофъ-коммисаръ.
Сторожъ на кладбищѣ.
Ѳома, ливрейный лакей Брюса.
1-я горожанка.
2-я горожанка.
Хороводъ дѣвушекъ, хоръ пѣсенниковъ, солдаты и про

—

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ день Семика, въ Марьино рощѣ, разукрашенной березками и вѣнками съ разн цвѣтными лентами. Вездѣ толпятся гуляющіе, разнощи ки, шерманки и фигляры съ разными штуками.

РУССКІЙ ФАУСТЪ

или

БРЮСОВЪ КАБИНЕТЪ.

ПРОЛОГЪ.

При поднятіи занавѣсы хоръ пѣсенниковъ и хороводъ сходятся вмѣстѣ, становятся полукругомъ, а хороводникъ съ балалайкою въ серединѣ; онъ разными движеніями, сообразными словамъ пѣсни: *Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!* представляетъ собою Дона Иваныча.

ПѢСНЯ.

Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы на конецъ....
  Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!
  Сынъ Ивановичъ Донъ!
Ахъ! какъ звали молодца,
Прозывали удальца....
  Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!
  Сынъ Ивановичъ Донъ!

Какъ во пиръ пировать,
На игрищѣ поиграть....
Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Ужъ какъ мнѣ ли молодцу,
Худо можется,
Худо можется,
Играть хочется.
Иль я выду молодецъ
На свой новый на крылецъ,
Закричу я молодецъ
Громкимъ голосомъ своимъ:
Ахъ! какъ если у меня
Слуги вѣрные мои!
Вы беритека-сь ключи,
Отмыкайте сундуки,
Вынимайте кафтанъ
Рудожелтъ камчатъ;
Вынимайте шапку
Черную мурмашку;
Вы подайте гусли,
Звончатые мои!
Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Ко вдовушкѣ на конецъ....
Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ
Противъ вдовушки на скамьѣ....
Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ Донъ!

При этомъ хороводникъ садится на землю.

Онъ подъигрываетъ на балалайкѣ, кланяется вдовушкѣ, шапка съ него спадаетъ. Съ отказомъ вдовы, онъ встаетъ и поднимаетъ шапку.

Заигралъ онъ во гусли,
Во звончатыя свои....
    Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!
    Сынъ Ивановичъ Донъ!
Молодецъ вдовѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой....
    Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!
    Сынъ Ивановичъ Донъ!
Ужъ ты вдовушка моя,
Молодая вдова
Подними шапку-мурмашку....
    Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!
    Сынъ Ивановичъ Донъ!
Не твоя, сударь, слуга,
Я не слушаю тебя....
    Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!
    Сынъ Ивановичъ Донъ!
Ужъ ты дѣвушка моя,
Ты красавица моя,
Подними шапку-мурмашку?
    Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!
    Сынъ Ивановичъ Донъ!
Я твоя, сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя....

Въ это время дѣвица выходитъ изъ круга, поднимаетъ его шапку, хороводникъ благодаритъ ее и цѣлуетъ.

    Ахъ, Донъ! ты нашъ Донъ!...

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ГУЛЯЮЩИХЪ.

Славно, славно! поцѣлуй еще! вишь какая красотка.

ДРУГІЕ.

Ай да хороводникъ!

ХОЗЯИНЪ, (*увидя вдову съ подвязанною щекою*).

Анна Карповна! здравія желаемъ, съ честнымъ Семикомъ поздравляемъ.

ВДОВА.

И васъ, и васъ также, Артамонъ Трифонычъ, Агафья Романовна. Да ужъ какой тутъ Семикъ, у насъ и того больше праздникъ. Поздравляю съ новой государыней, матушкою Анною Іоанновною.

ХОЗЯИНЪ.

И васъ, и васъ, Анна Карповна.

ВДОВА.

Матушка-то государыня, говорятъ, такая умная, добрая, красивая. Дай-то Богъ ей жить, да царствовать. На дняхъ только соизволила прибыть въ Москву, а сегодня и сама хочетъ взглянуть на дѣтокъ, да на гулянье. Сказываютъ такъ: дай-то Богъ, только чтобъ пожаловала.

ХОЗЯЙКА.

Какъ можите, поживаете, по добру ли, по здорову, Анна Карповна?

ВДОВА.

Эхъ, матушка! не спрашивайте: дѣло вдовье, хлопотъ съ три короба.

ХОЗЯИНЪ.

Полно, полно, не гнѣвайте Господа Бога, хозяюшка. Женщина вы почетная и капитальная, и доселева торговля ваша идетъ на порядкѣ.

ВДОВА, (*умильно поглядывая на своего прикащика*).

Спасибо еще молодцу, прикащику, да сидѣльцамъ, вотъ такъ и рвутся, голубчики, чтобъ чѣмъ ни на есть услужить горемышной.

ХОЗЯИНЪ.

Да, такъ, купечество наше молодецкое.

ВДОВА.

Все бы ладно, Артамонъ Трифонычъ, да меня болѣсти и недуги совсѣмъ одолѣли и теперь еще щека подвязана.

ХОЗЯЙКА.

Никакъ вздуло, Анна Карповна?

ВДОВА.

Да ужъ какъ было вздуло, любезнѣйшая.... Отъ зубной скорби мучусь, какъ угорѣлая: изъ стѣны въ стѣну, изъ угла въ уголъ, ночи не сплю, свѣта не вижу, изъ силъ выбилась.

ХОЗЯИНЪ.

Этому горю и пособить возможно бы.

ВДОВА.

Да ужъ чего не дѣлали: и полоскали, и прижигали, и заговаривали — ничто не помогаетъ.

ХОЗЯИНЪ, (*увидя сосѣдку съ узелкомъ*).

А вотъ, какъ бы напала на нашу сосѣдку, кумушку, Василису Лукьяновну, такъ вышло бы

иначе; такая лечейка — такая отгадчица, что упаси Господи!

ВДОВА.

Неушто? Да ужъ не толкуешь ли ты сновъ, Лукьяновна?

СОСѢДКА.

Ахъ ты, моя матушка, да я первая мастерица: ко всѣмъ барамъ приглашаютъ.

ХОЗЯИНЪ СЪ ХОЗЯЙКОЙ.

Потолкуйте, потолкуйте, а мы не помѣшаемъ. (*отходятъ*).

ВДОВА.

Ахъ ты, голубушка! вотъ видишь ли что.... (*поглядывая на прикащика*) все тоскуется, кручусь въ тоскѣ невидимой, въ кручинѣ несказанной.... истинно, дурные сны покоя не даютъ, Лукьяновна.

СОСѢДКА.

А что-жъ видится, золотая моя?

ВДОВА.

Хоть бы и сегодня видѣлось: что живу будто я, какъ бывало прежде, съ своимъ Агафономъ Карпычемъ, на первомъ году, въ любви, въ согласіи. Домъ нашъ полнымъ полонъ, семья-то все красная и почетная. Гостей-то, гостей-то, что и Боже упаси! Въ какихъ нарядахъ ужъ не было: были молодыя молодушки, были пожилыя въ мою пору, были и старыя старушки. Ужъ мой ли Агафонъ Карпычъ не сидитъ, не ходитъ, а все гостей подчиваетъ; ужъ и я ли молода за столомъ не сижу, а все гостей чествую. Вдругъ на дворѣ мяте-

лица и въ покояхъ стемнѣло. Не вижу гостей и своего Агаѳона Карпыча. Осталась одна одинёшенька. Тошнымъ тошно стало мнѣ въ одиночествѣ. Вдругъ солнышко засвѣтило на дворѣ. Гляжу — ужъ въ зеленомъ саду, вокругъ меня калина съ малиной, да розовый кустъ.... я и проснулась. Къ добру ли, къ радости мой сонъ, ума не приложу, моя голубушка.

СОСѢДКА.

Къ добру и къ радости твой дорогой сонъ, моя золотая хозяюшка. Ужъ какъ солнышко вышло, такъ на радость тебѣ въ твоемъ одиночествѣ. А ужъ розовый кустъ — то суженый-ряженый.

ВДОВА.

Ой-ли, родная?

СОСѢДКА.

Много радостей было въ твоей жизни и еще больше будетъ.

ВДОВА, (*цѣлуя Лукьяновну*).

Спасибо, спасибо, дорогая отгадчица! а за радостное слово, за добрый отгадъ, да за розовый кустъ, вотъ тебѣ на сбитенекъ да стрючки сладкіе.

СОСѢДКА.

Спасибо, спасибо, золотая хозяюшка!

ВДОВА.

Прошу и напередъ быть знакомой; любить да жаловать, а живу я на Золотомъ Рожкѣ, спроси только домъ Кудряшкиной — всякой знаетъ.

СОСѢДКА.

Непремину, родимая. (*За сценой слышится хороводная пѣсня*).

Ахъ береза моя, березонька,
Береза моя бѣлая, и проч.

ВДОВА.

Слышишь, новый хороводъ. (*оглядываясь*). Да гдѣ же мои молодцы? прощай, голубушка, смотри жъ, не забудь: на Золотомъ Рожкѣ, домъ Кудряшкиной.

СОСѢДКА, (*вслѣдъ*).

Не забуду, не забуду, моя государыня.

(*Сосѣдка пристаетъ къ хороводу, который входитъ на сцену съ березкой, разукрашенной вѣнками и разноцвѣтными лентами. За хороводомъ идетъ Ѳома, ливрейный лакей графа Брюса, щегольски разодѣтый. Онъ увивается около дѣвушекъ, особенно около одной горожанки*).

ХОРОВОДНАЯ ПѢСНЯ.

Береза моя березонька,
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березонька,
Осередь долинушки;
На тебѣ, березонька,
Листья бумажные;
Подъ тобой, березонька,
Трава шелковая;
Близъ тебя, березонька,
Красныя дѣвушки
Въ Семикъ поютъ;
Подъ тобой, березонька,
Красные дѣвушки

Вѣнокъ плетутъ;
Что не бѣлая березонька
Къ землѣ клонится;
Не шелкова травонька
Подъ ней разстилается;
Не бумажны листочки
Отъ вѣтру раздуваются —
Подъ этой березонькой
Съ красной дѣвицей
Молодецъ разговариваетъ.

СОСѢДКА, (*дѣвушкамъ*).

Спасибо, спасибо, красныя дѣвицы; теперь бы, знаете, поплясать да поиграть въ разныя разности, какъ водится.

ѲОМА, (*1-й горожанкѣ*).

И впрямъ, красныя дѣвицы. Семикъ праздникъ дѣвичій: дозволяется и поиграть, и погадать пожалуй. (*подчуя орѣхами*). Да не угодно ли орѣшковъ? миндаль, ей Богу!

1-я ГОРОЖАНКА.

Спасибо, спасибо! да во что-жъ бы намъ поиграть, дѣвушки?

2-я ГОРОЖАНКА.

Мало ли во что.... ну въ плетень, аль въ селезня?

ѲОМА, (*любезничая*).

Али загадать загадочку?

1-я ГОРОЖАНКА.

А какую бы примѣрно будучи?

ѲОМА.

А какъ шла коза изъ Питера
Вся истыкана?

1-я ГОРОЖАНКА.

Знаю, знаю: это наперстокъ.

ѲОМА

Отгадала, отгадала, плутовка! добро, а эта...

Мету, мету —
Не вымету;
Несу, несу —
Не вынесу.

2-я ГОРОЖАНКА.

Это свѣтъ, солнечный свѣтъ изъ окна.

ѲОМА.

Экія отгадчицы, подумаешъ! постойте же... какую бы еще?

Зимою грѣетъ,
Весною тлѣетъ,
Лѣтомъ умираетъ,
Осенью оживаетъ.

1-я ГОРОЖАНКА.

Это снѣгъ.

ѲОМА.

Такъ и есть, какъ снѣгъ на голову! Ахъ ты злодѣйка послѣ этаго! (*Хочетъ ее поцѣловать*).

1-я ГОРОЖАНКА, (*вырываясь*).

Отвяжись, отвяжись, какой безпокойный!

2-я ГОРОЖАНКА.

Не поиграть ли намъ въ заиньку, подружки, а хороводникъ нашъ великой мастеръ.

1-я ГОРОЖАНКА.

А что и впрямъ — въ заиньку такъ заиньку (*).
(*Хороводникъ входитъ въ середину хоровода и, сообразно словамъ пѣсни, представляетъ своими тѣлодвиженіями разныя гримасы*).

ПѢСНЯ.

Заинька, поскачи!
Заинька, попляши!
Кружкомъ, бочкомъ повернись!
Вотъ такъ, такъ, такъ!
Заинька, въ ладоши!
Сѣренькой, въ ладоши!
Кружкомъ, бочкомъ повернись!
Вотъ такъ, такъ, такъ!
Здѣсь города все нѣмецкіе,
Закрѣпочки желѣзныя...
Кружкомъ, бочкомъ повернись!
Вотъ такъ, такъ, такъ!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть сѣрому куда выскочить...
Кружкомъ, бочкомъ повернись!
Вотъ такъ, такъ, такъ!

(*Подъ конецъ хоровода, заинька падаетъ на землю и убѣгаетъ сквозь хороводъ*).

ѲОМА.

Славно, славно! вишь пострѣлъ, всюду поспѣлъ.
(*Является штукарь съ райкомъ; онъ уставляетъ его по серединѣ и, вертя за ручку, показываетъ передвижныя картины*).

(*) Сказанія Русскаго Народа г. Сахарова, Томъ IV, Рус. хор. пѣсни, стр. 46.

штукарь, (*котораго многіе окружаютъ*).

Господа, господа! Богатыри да витязи, люди думные да разумные! кто хочетъ полюбоваться разными штуками, да славными русскими баталіями. Вотъ островъ Гангутъ, море, галерная авангардія, русская и шведская. Вотъ царь государь Петръ Алексѣевичъ беретъ корабль Элефасту да шведскаго Шаубенахта. Вотъ другая баталія, какъ гибнутъ шведы подъ Полтавою. Вотъ король шведскій подъ Бендерами. И вотъ какъ Карлу XII подъ Фридрихсгаломъ смерть приключилась.

заглядывающіе въ раекъ!

Верти, верти, да разсказывай.

штукарь.

Господа! андеръ маниръ, зндеръ маниръ! новыя новости, разныя разности, да фигуры, да диковинки. Глядите, глядите: какъ шведскій чародѣй Стевенборнъ вызываетъ духа Айера, да чертямъ душу продаетъ.

разнощикъ-букинистъ.

Не бось, у насъ и свои черти не хуже шведскихъ.

хозяинъ, (*разнощику*).

Ой-ли? а кто-жъ бы такіе, молодецъ смышленый.

ѳома, (*подходя*).

Что тутъ за черти? что за чертовщина?

хозяинъ, (*разнощику*).

Да доскажи жъ, любезнѣйшій.

разнощикъ, (*тихо*).

Послѣ, послѣ, хозяинъ. (*Указывая таинственно на Ѳому*) слуга Брюса, бѣсовскій прислужникъ!

хозяинъ

Ой ли? а вѣдь и впрямь слухи носятся.

штукарь.

Господа! штучка славная да послѣдняя: глядите, глядите, глядите, какъ чародѣй бесѣдуетъ съ мертвыми, обольщаетъ православныхъ, да сыплетъ золото.

ѳома, (*прогоняя штукаря*).

Чего тутъ смотрѣть! что на чертей сваливать! не мѣшай празнику.

разнощикъ, (*тихо хозяину, указывая на Ѳому*).

Видишь, какъ за своихъ вступается.

(*штукарь уходитъ*)

ѳома, (*горожанкѣ*).

Ну что-жъ, красавица.... познакомились, покумились, теперь бы узнать твое имячко?

разнощикъ, (*тихо горожанкѣ*).

Смотри, берегись, красотка!

1-я горожанка.

Ой-ли? (*Ѳомѣ*) А самъ ты у кого служить изволишь, кавалеръ-честной?

ѳома, (*вызывая свою ливрею*).

Сами видите, по шкамъ съ галунами, красавица.

1-я горожанка.

Весьма-съ прекрасно, а примѣрно сказать, у кого именно?

ѲОМА, (*важно*).

У его высокографскаго сіятельства фельдмаршала графа Якова Виллимовича Брюса.

РАЗНОЩИКЪ, (*тихо горожанкѣ*).

Слуга чародѣя!

2-я ГОРОЖАНКА, (*въ страхѣ*).

Неужто! Ахъ мои матушки! за мной, за мной, подруженьки! (*Многіе убѣгаютъ*).

ѲОМА.

Чортъ возьми! что это значитъ? да ихъ словно жаромъ обдало. Ахъ вы разбойницы! во чтобъ ни стало, догоню и допытаюсь. (*Уходитъ*).

ХОЗЯИНЪ, (*преслѣдуя разнощика*).

Ушелъ, ушелъ! разскажи жъ, разскажи жъ, любезнѣйшій, что же ты слышалъ про Брюса.

РАЗНОЩИКЪ.

Чего тутъ слышалъ, весь городъ знаетъ, что онъ завладѣлъ бѣсовскою черною книгою, о которой упоминается даже въ Стоглавѣ.

ХОЗЯИНЪ.

Объ черной-то книгѣ мы наслышались, да досканально-то всего не знаемъ. (*Гуляющіе любопытствуютъ и окружаютъ разговаривающихъ*).

РАЗНОЩИКЪ.

Видишь.... черная-то книга хранилась на днѣ морскомъ, подъ горячимъ камнемъ алатыремъ и послѣ, извѣстно, запрятана была въ Сухареву Башню,

ХОЗЯИНЪ.

Ахъ, мои батюшки! да какъ же она ходитъ по бѣлу свѣту?

РАЗНОЩИКЪ.

А вотъ какъ, коли хочешъ прислушаться: въ нашей деревнѣ жилъ одинъ удалый малый, собой не великъ, а прыти въ немъ было возовъ на десять. Ужъ коли вздумаетъ, бывало, потѣшиться, то вся деревня стономъ стонетъ. Онъ былъ всѣмъ съ руки: пропадетъ ли корова, лошадка, всѣ идутъ къ нему. Просватаютъ ли кого: онъ первый гость. Загруститъ ли кто, посылаютъ къ нему на утѣху. Одна бѣда съ нимъ была: попался было онъ въ рекрутчину, да и тутъ откашлялся. Въ деревнѣ зимовали солдаты. Онъ былъ имъ подъ руку. Солдаты, видишь, научили его, какъ спознаться съ нечистою силою; повели его на островъ, а лѣсникъ шелъ за ними издали, не въ домекъ имъ. Ходили, ходили по лѣсу и напали на козюлку. Долго шептали на ней, окаянные; потомъ сорвали ей голову. Лѣсникъ-то былъ не промахъ: залѣзъ на дубъ, да и давай посматривать на нихъ. Вотъ какъ сорвали голову, да набили въ нее гороху, давай зарывать въ землю, давай класть примѣты. Лѣсникъ себѣ давай примѣчать. Прошла зима. Выросъ горохъ. Нашъ малый похаживаетъ себѣ въ лѣсъ, да любуется горохомъ. А лѣсникъ все за нимъ примѣчаетъ. Вотъ зацвелъ горохъ. Удалый нашъ пришелъ полюбоваться. Какъ замѣтилъ цвѣтъ, и ну кривляться кругомъ. Кривлялся, кривлялся, да и давай вырывать горохъ съ корнемъ,

Какъ выдернулъ, ну свивать кольцо изъ травы. Вотъ онъ, видишь, и пошелъ въ стадо. Лѣсникъ выскочилъ изъ дупла, да и себѣ свилъ кольцо. Вотъ нашъ удалый пришелъ въ стадо, прищурилъ лѣвый глазъ, а правымъ ну смотрѣть въ кольцо. Лѣсникъ себѣ тоже дѣлаетъ. Вишь, какъ саранча, подлетѣла къ удалому нечистая сила. Всѣ были въ шапкахъ, а одинъ въ красномъ колпакѣ: все подобраны молодецъ къ молодцу. Лѣсникъ было и струсилъ; да спасибо, у него въ головѣ заиначено было. Подбѣжалъ въ красномъ колпакѣ и долго спорилъ съ удалымъ. Чуть было дѣло не дошло до драки. Вдругъ — удалый, знаешь, подкрался, вскочилъ на цыпочки, тяпъ да ляпъ — и сорвалъ красный колпакъ. Какъ взмолился онъ, какъ началъ просить свой колпакъ. Удалый ни гугу, — стоитъ да и только. Вотъ и давай твердить о посулахъ. Удалой запросилъ черную книжку, что заперта на Сухаревой Башнѣ. Долго отнѣкивался онъ отъ мѣны; однако поскакалъ за лѣсъ — и мигомъ явился! Давай колпакъ, а тотъ давай себѣ требовать книжку. Маяли, маяли другъ друга да и размѣнялись. Нечистая сила скрылась съ колпакомъ размѣненымъ, а нашъ удалый зажилъ съ черною книжкою.

ХОЗЯИНЪ.

Вотъ страсти, подумаешъ!

РАЗНОЩИКЪ.

Удалый, умирая, передалъ ее другому, другой третьему и подъ конецъ, какъ всѣмъ вѣдомо, она досталась *Брюсу*.

ХОЗЯИНЪ.

Вотъ что!

РАЗНОЩИКЪ.

Я, знаешь, самъ человѣкъ смышленый и грамотный; маракую въ цифири, торгую всякой всячиной и разными книженками. Вотъ однажды на Каменномъ мосту, какъ теперь вижу, подходитъ ко мнѣ человѣкъ незнакомый.... суровый.... страшный.... подозрительный. Впердлъ, знаешь, въ меня очи; перебралъ, перебросалъ книги всѣ: видишь, не по немъ были. Коли случится что путное, сказалъ онъ: такъ приноси въ домъ графа Брюса, къ его библіотекарю.

ХОЗЯИНЪ.

Ну, что-жъ?

РАЗНОЩИКЪ.

Вотъ мнѣ и попалась однажды изрядная повѣсть, о безбожномъ татарскомъ царѣ Мамаѣ, какъ онъ хотѣлъ русскую землю подъ свое иго подвести. Я, знаешь, хоть и смѣкалъ, что значитъ домъ Брюса, но была не была, скрѣпился, отправился, отыскалъ. Вижу, на крышѣ городятъ каланчу, чтобъ подсматривать за православными. Я перекрестился, стучусь, спрашиваю.... меня впускаютъ, вхожу въ комнату—ни души, въ другую—пусто. Дѣло худо. Я пріостановился, прислушиваюсь.... слышу голосъ: кто тамъ! войди! чортъ силенъ! Дѣлать нечего — иду, а ужъ чего.... колѣни-то, знаешь, вотъ такъ и подгибаются, душа вотъ такъ и прыгаетъ. Вхожу, вижу знакомца: въ рукахъ у него книга, въ зубахъ трубка, на головѣ.... на головѣ.... красный колпакъ!

ХОЗЯИНЪ.

Красный колпакъ!

РАЗНОЩИКЪ.

То-то и есть!... а книгъ-то, книгъ-то, повѣришь ли, инъ до самаго потолка, какъ саранча, облѣпили горницу.

ХОЗЯИНЪ.

Ахъ, мои матушки!

РАЗНОЩИКЪ.

Одна, знаешь, была чуть не въ ростъ человѣческій, я такъ и обмеръ!... глядь на столъ.... стклянки, банки, шары, колеса и разные бѣсовскія орудія и художества.... Душа въ пятки ушла, Артамонъ Трифонычъ. Пріятель смѣкнулъ дѣломъ: ну меня задабривать, да опутывать сѣтью дьявольскою, такой, сякой, не бойся, ты малый грамотный, учись — научишься добру: нынче все возможно: пожалуй, научатъ дѣлать и золото.

МНОГІЕ.

Неуштo?

РАЗНОЩИКЪ.

Нѣтъ, думаю, ужъ тутъ не до золота; учиться лихому дѣлу я былъ ненамѣренъ; сунулъ ему книгу, которую принесъ, онъ взглянулъ, адски улыбнулся, а я, знаешь, пятиться, пятиться, и такъ, и сякъ, и бокомъ, и задомъ, поклонъ, да направо кругомъ — и давай драла, неоглядываясь. Что я вытерпѣлъ, Артамонъ Трифонычъ, вспомнить не могу безъ содраганія; истинно, какъ теперь гляжу на этого оборотня.... когда онъ подошелъ ко мнѣ на Каменномъ мосту: въ красномъ

плащѣ, въ темномъ кафтанѣ, въ трех-угольной шляпѣ, съ нахмуренной харей, съ густыми бровями... длинный... черный... страшный... истинно сатанинское изображеніе!

(Въ это самое время библіотекарь Задека, точно такъ одѣтый (à la Фрейшюцъ) показывается разскащику).

ЗАДЕКА, (*узнавъ разскащика*).

А! пріятель!

РАЗНОЩИКЪ, (*въ страхѣ*).

Кого я вижу.... ужъ не мерещется ли? (*товарищамъ*). Ахъ, мои батюшки! не оставьте, не покиньте, голубчики!

ЗАДЕКА, (*важно*).

Узнаешь ли Мартына Задеку?

ХОЗЯИНЪ И ДРУГІЕ, (*въ страхѣ*).

Мартына Задеку?

РАЗНОЩИКЪ.

Двѣсти лѣтъ назадъ тому умершаго!

ЗРИТЕЛИ, (*между собою*).

Ребята, ребята! спасайтесь, спасайтесь.... кто куда можетъ. (*Зрители разбѣгаются*).

ЗАДЕКА.

Чортъ возьми! что за вздоръ, куда бѣжите? что это значитъ?

(*Вбѣгаетъ Ѳома, разсерженный и подпивши*).

ЗАДЕКА.

Ѳома — ты ли это?

ѲОМА.

Власть ваша.... дѣло худое; перепугали, разогнали народъ, Мартынъ Мартынычъ.

ЗАДЕКА.

Ѳома! ты глупъ.

ѲОМА.

Хоть глупъ — да не чортъ.

ЗАДЕКА, (*грозно*).

Ѳома! ты пьянъ.

ѲОМА, (*спохватившись*).

Никакъ нѣтъ-съ.... милость ваша, Мартынъ Мартынычъ.

ЗАДЕКА.

Ни слова! и сей-часъ за мной на расправу.

ѲОМА.

Вотъ тебѣ и праздникъ!

(*Пока они идутъ, дальній хороводъ съ разукрашенной березкой и вѣнками поетъ пѣсню: «Ай во полѣ липенька». Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ГОРОСКОПЪ.

(Въ домѣ графа Брюса).

—

I.

КОНДРАТЬИЧЪ; ѲОМА.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Ну, что-жъ, Ѳома, все ли готово къ пріѣзду петербургскихъ гостей?

ѲОМА.

Будьте благонадежны, Иванъ Кондратьичъ; да зачѣмъ, скажите, ѣдетъ къ намъ графскій племянникъ?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Вотъ еще, зачѣмъ ѣдетъ? теперь собирается въ Москву вся православная Россія. Къ намъ соизволила пожаловать изъ Митавы новая Императрица, матушка Анна Іоанновна. Говорятъ, будутъ разные милости, да перемѣны; такъ онъ и хочетъ представиться ко Двору, повидаться съ дядей, а можетъ быть и еще кой съ кѣмъ по старой памяти.

ѲОМА.

А! а! видно есть зазноба?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Не безъ того: молодо, влюбчиво; да видишь, для крупной знати племянникъ графа показался недовольно богатъ, да недовольно чиновенъ.

ѲОМА.

За то дядюшка и богатъ, и знатенъ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Еще бы.... но племянникъ не сынъ.

ѲОМА.

За то графъ бездѣтенъ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Оно и такъ, но это будущее, а намъ подавай настоящее, смотри жъ, чтобъ пріѣзжимъ было и тепло, и привольно.

ѲОМА.

Будьте благонадежны, Иванъ Кондратьичъ. Истинно три ночи не сплю, ожидая молодаго барина.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Что-жъ за бѣда.... я самъ не сплю по милости графа.

ѲОМА.

Ума не приложу, куда по ночамъ шляется старый баринъ?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Все науки, да нѣмецкій звѣздарь, чортъ ихъ побери, прости Господи! мало того, что на Воробьевыхъ горахъ взгромоздилъ каланчу подъ самое небо, такъ нѣтъ, уговорилъ графа выстроить та-

вую же и надъ нашимъ домомъ съ разными входами и выходами, и теперь — то на той, то на другой чуть не деннюютъ и не ночуютъ.

ѲОМА.

Для какой же это потребы, Иванъ Кондратьичъ?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Ну, вѣдомо.... пялятъ глаза на звѣзды: замѣчаютъ, вычисляютъ, записываютъ. Звѣзды есть разныя: большія, малыя, важныя и неважныя. Есть ходящія, есть и такія, которыя съ мѣста никогда не сходятъ. По звѣздамъ узнаютъ и край, и время, гдѣ знобитъ, гдѣ грѣетъ. Извѣстно, что за звѣздой и волхвы путешествовали.

ѲОМА.

То-то и есть, что волхвы.... а гдѣ волхвы, тамъ и волхвованье.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Словомъ, эта наука не про насъ писана.

ѲОМА.

Можетъ быть, и мы кой-что знаемъ, да говорить-то не смѣемъ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Ой-ли? а что-жъ ты знаешь?

ѲОМА.

Да то, что объ графской наукѣ шибко поговариваютъ и въ деревнѣ, и въ городѣ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

И въ деревнѣ? да за что-жъ наши крестьяне поносятъ добраго барина?

ѲОМА.

Народъ простой, любитъ старину, а тутъ все

нововведенія. Видишь, завелъ больницу, да лѣкаря.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Дурачье! да коли при всякомъ конномъ заводишкѣ есть коновалъ, какъ же въ деревнѣ не имѣть хоть фельдшера?

ѲОМА.

Да лѣкарь-то.... нѣмчина, Иванъ Кондратьичъ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Ну, что-жъ.... Нѣмецъ нѣмцу рознь, и изъ нихъ бываютъ добрые люди.

ѲОМА.

Оно такъ, но все-таки, знаете, невольно боися не доброхотства и злохитрыхъ козней вселукаваго врага и супостата.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Страшенъ не лѣкарь, страшна наша глупость. А что-жъ говорятъ въ городѣ?

ѲОМА.

Охъ, охъ! и того пуще, Иванъ Кондратьичъ. Не дальше, какъ сегодня въ Семикъ, я, знаешь, какъ водится, умылъ себѣ руки въ Самотекѣ, и отправился въ Марьину рощу. Вездѣ у воротъ столы съ яичницей, вездѣ вѣнки, вездѣ березки съ разноцвѣтными лентами. Чудо! сады и пиры по всѣмъ улицамъ. Тутъ семицкія пѣсни: *Ай во полѣ липенька* или: *Донъ, Донъ, Донъ Ивановичъ Донъ*, тамъ нѣмецкіе фигляры и гаеры показываютъ райки и выкидываютъ апрѣльскіе штуки. Вездѣ радость, пѣсни, пляски, игры, притчи во языцѣхъ, да и только. Я, знаешь, былъ въ

парадной ливреѣ, въ галунахъ — шляпа набекрень, подбоченясь молодцемъ залихватскимъ. Подошелъ къ хороводу..... вижу красотокъ, и одну горожанку въ лазоревомъ платочкѣ. Я ближе, въ разговоры, то, другое, пятое, десятое. «У кого служить изволишь, кавалеръ честной?» — «Сами видите по швамъ, зашитымъ галунами.» — «Очень-съ прекрасно, а примѣрно сказать, у кого именно?» — «У его высокографскаго сіятельства фельдмаршала графа Якова Виллимовича Брюса!» Лишь только я это сказалъ, Иванъ Кондратьичъ.... повѣришь ли, весь хороводъ какъ паромъ обдало.... «Ахъ! мои матушки! Охъ! мои батюшки!» и одна за другой шмыгъ, да шмыгъ — и всѣ отхлынули.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Экія дурищи, подумаешь!

ѲОМА.

Тутъ-то я досканально узналъ, что москвичи, будь сказано между нами, почитаютъ нашего графа самымъ злымъ чернокнижникомъ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

И ты не вступился, не зажалъ имъ глотки?

ѲОМА.

И спорилъ, и кричалъ, и заушилъ нѣсколькихъ; да вѣдь съ Москвой не справишься.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Ну что-жъ говорятъ они?

ѲОМА.

Говорятъ, что нашъ графъ сочинилъ какой-то чертовскій календарь, называемый Брюсовъ; что

у него есть тайный кабинетъ и кухня, съ разными навожденіями; что по ночамъ, изъ этой чертовой кухни, безъ всякаго топлива, клубится столбомъ черный дымъ; что графъ заключилъ нечистаго духа въ корчагу и запряталъ въ погребъ....

КОНДРАТЬИЧЪ.

Разбойники!

ѲОМА.

Твердятъ, что у насъ на крышѣ всунутъ какой-то шпиль, который заговариваетъ всякую молнію: «громъ грянетъ», говорятъ они: «а Брюсъ не перекрестится». Что тутъ же, на крышѣ, придѣланъ недавно фонарь, изъ котораго за воѣми смотрятъ въ подозрительныя трубы, такъ что и сама полиція начинаетъ побаиваться, и что, наконецъ, у его сіятельства есть черная цыфирная книга, величиною съ человѣка, по которой онъ предсказываетъ будущее.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Глупцы, невѣжи! Слушай Ѳома: все это ложь и клевета; конечно, въ баринѣ есть причуды, такъ что я самъ многаго не понимаю, но тутъ нѣтъ ни на волосъ чародѣйства. Баринъ нашъ житья честнаго; отъ барскихъ смутъ вышелъ въ отставку; живетъ почти отшельникомъ, убѣгаетъ болтовни, не любитъ женщинъ и въ нашъ домъ входятъ только одни ученые.

ѲОМА, (*недовѣрчиво*).

Положимъ, что и такъ.... но нашъ библіотекарь, Мартынъ Мартынычъ?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Мартынъ Мартынычъ?

ѲОМА, (*настоятельно*).

Да, Мартынъ Мартынычъ?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Этотъ.... дѣло другое; онъ, видишь, шотландецъ, землякъ графскій. Вдался въ какую-то астрологію, прости Господи! Графъ надъ нимъ смѣется, а онъ пуще хорохорится.

ѲОМА.

То-то и есть, его не даромъ побаиваются: онъ насквозь видитъ человѣка. Станетъ, какъ вкопанный, вытянетъ шею, уставитъ глаза, наморщитъ лобъ: «Ѳома! ты глупъ! Ѳома, ты пьянъ». Чортъ возьми! отъ него ничего не скроется. (*Изъ окошекъ видна сильная зарница*). Ай, ай! какая молнія!

(*Подходятъ къ разнымъ окошкамъ*).

КОНДРАТЬИЧЪ.

Это зарница; смотри какая яркая, красная.

ѲОМА.

Да, да, всё небо кажется кровавымъ. Ахти! какой шумъ на улицѣ.... бѣгутъ солдаты.... всё въ огнѣ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Русскіе огня не боятся.

(*Слышенъ звонъ колокольчика, Ѳома отворяетъ дверь*).

—

II.

ТѢЖЕ, ГРАФЪ БРЮСЪ *(при сильной зарницѣ, входитъ въ плащѣ съ надвинутой шляпой; онъ вводитъ двухъ женщинъ, закрытыхъ вуалями, окидываетъ взглядомъ комнату и, торопливо уводя ихъ съ собою въ боковую дверь, говоритъ повелительно слугамъ).*

ГРАФЪ.

Смотрите жъ, ни слова!

КОНДРАТЬИЧЪ *(Ѳомѣ, послѣ нѣкотораго молчанія).*

Ну, что-жъ разинулъ ротъ, вытаращилъ глаза—остолбѣнелъ?

ѲОМА.

Иванъ Кондратьичъ.... вѣдь это женщины?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Смотри жъ, ни слова!

(Слышенъ шумъ у подъѣзда).

ѲОМА.

Шумъ у подъѣзда.... ужъ не наши ли пріѣзжіе?

КОНДРАТЬИЧЪ.

А что ты думаешь! *(Каждый беретъ со стола по свѣчкѣ и бѣгутъ на лѣстницу).*

III.

ТѢЖЕ, БРЮСЪ (*племянникъ*) потомъ **ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.**

КОНДРАТЬИЧЪ.

Александръ Романовичъ! добро пожаловать!

БРЮСЪ.

Здорово, здорово, Кондратьичъ! (*Оборачиваясь къ двери*). Василій Кирилычъ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*за кулисами*).

Сей моментъ! дайте ухватить мои бумаги: Роллена и Дейдамію!

БРЮСЪ.

Что-жъ, дома ли дядюшка?

КОНДРАТЬИЧЪ, (*въ замѣшательствѣ*).

И дома, и нѣтъ — онъ въ кабинетѣ и очень занятъ.

БРЮСЪ.

Все равно! (*увидя входящаго Третьяковскаго*). Василій Кирилычъ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*съ портфелемъ и мѣшкомъ*).

Сознаюсь вамъ, Александръ Романовичъ, что сія бревенчатая мостовая, отъ С. Петербурга до Москвы, весьма потрясла мою физику.

БРЮСЪ.

У такого хозяина мы скоро оправимся.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

И такъ, я увижу русскаго миѳа, русскаго Фауста; увижу ученаго и таинственнаго Брюса.

БРЮСЪ.

Ученаго — согласенъ, но таинственнаго Брюса не существуетъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Мы увидимъ, мы узнаемъ, Александръ Романовичъ. Съ ребячества твердили намъ о Брюсѣ, читали Брюса, пугали Брюсомъ. Его ученость, его календарь съ предсказаніями, его недоступный и таинственный кабинетъ.... все сіе вмѣстѣ составляетъ нѣчто заманчивое, любопытное, странное....

БРЮСЪ.

Искренняя бесѣда съ графомъ дастъ вамъ объ немъ самое вѣрное понятіе. Я очень радъ, что дядюшка не въ деревнѣ, а въ городѣ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

И дома?

БРЮСЪ.

Онъ вѣрно скоро выйдетъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Воля ваша, а въ моемъ дорожномъ безобразіи я никакъ неосмѣлюсь представиться его сіятельству.

БРЮСЪ.

И, полноте! что за церемоніи между учеными.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Конечно.... ученикъ Роллана.... извѣстный писатель, но съ другой стороны выходитъ иначе. *(Ѳомѣ)*. Эй, малый! проводи меня въ предназначенные намъ аппартаменты.

ВРЮСЪ, (*удерживая Третьяковскаго*).

Право, напрасно, Василій Кирилычъ....

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*съ нетерпѣніемъ освобождаясь*).

Помилуйте, надо же переодѣться; сами вникните, сами разберите — и вамъ будетъ довольно причины сей и вышеупомянутой. (*Уходитъ за Ѳомою*).

—

IV.

ВРЮСЪ, КОНДРАТЬИЧЪ.

ВРЮСЪ.

Ну, Кондратьичъ! теперь проводи меня къ дядюшкѣ.

КОНДРАТЬИЧЪ, (*загораживая дверь*).

Это невозможно.

ВРЮСЪ.

Невозможно?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Онъ въ кабинетѣ.

ВРЮСЪ.

Что-жъ за бѣда?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Онъ занятъ.

БРЮСЪ.

Я не помѣшаю.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Навѣрно помѣшаете.

БРЮСЪ, (*отталкивая Кондратьича*).

Что за вздоръ! Я войду насильно.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Александръ Романовичъ! Ради Бога не погубите.... у насъ гостьи.

БРЮСЪ.

Гостьи! какія гостьи?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Такія, что и сказать не смѣю?

БРЮСЪ.

Неужели женщины!

КОНДРАТЬИЧЪ.

Тише! ради самого Создателя!

БРЮСЪ.

И эти гостьи.... молоденькія, хорошенькія!

КОНДРАТЬИЧЪ.

Онѣ были закутаны, но по замашкамъ видно, что должны быть знатныя!

БРЮСЪ.

Такъ вотъ кометы съ хвостами, за которыми волочутся гг. астраномы. (*Подбѣгая къ двери*). Дай заглянуть хоть въ щелочку.

КОНДРАТЬИЧЪ, (*удерживая его*).

Ничего не увидите; вѣдь эта пріемная — кабинетъ дальше.

БРЮСЪ.

Да надобно жъ какъ-нибудь сказать объ насъ дядюшкѣ. По крайней мѣрѣ постучись, Кондратьичъ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Доложить худо, не доложить того хуже. Ужъ такъ и быть, исполню по вашему.

(Онъ стучится за сценой въ дверь, а молодой Брюсъ смотритъ и прислушивается).

—

V.

ТѢЖЕ, ГРАФЪ.

ГРАФЪ, *(за кулисами)*.

Что за надобность? вѣрно Делиль съ новыми открытіями!... *(Входя)*. Ба! Александръ! дай обнять тебя! гдѣ жъ твой товарищъ?

БРЮСЪ.

Онъ переодѣвается.

ГРАФЪ.

Жаль! вы пріѣхали не во время.

БРЮСЪ, *(поглядывая на кабинетъ)*.

Очень жаль.

ГРАФЪ *(дѣлаетъ знакъ, чтобъ Кондратьичъ вышелъ)*.

Александръ! узнай новость: Москва поражена ужаснымъ событіемъ! Члены Верховнаго Совѣта,

подвигнувшіе на себя гнѣвъ императрицы, сейчасъ взяты подъ стражу. Родственники и друзья ихъ ждутъ того же; на всѣхъ улицахъ, для безопасности, поставлены караулы — всѣ бѣгутъ, скрываются, вездѣ страхъ и опасеніе.

БРЮСЪ, (*съ безпокойствомъ*).

Но князь Михаилъ Владиміровичъ?

ГРАФЪ.

Онъ не виноватъ, я увѣренъ; но въ общемъ смятеніи и страхѣ онъ просто потерялъ голову. Страшась преслѣдованія по близкому родству его съ виновными, онъ скрылся какъ преступникъ.

БРЮСЪ.

Возможно ли!

ГРАФЪ.

Непростительную ошибку надобно скорѣй поправить, но я не знаю, гдѣ отыскать его. Слушай Александръ! время дорого, промедленіе опасно. Бѣги въ домъ князя.... тамъ тебя знаютъ, въ тебѣ увѣрены: узнай и увѣдомь меня, гдѣ онъ скрывается.

БРЮСЪ.

Дядюшка! заступитесь, спасите и князя, и княжну Настасью Михайловну! Вы пользуетесь уваженіемъ императрицы.... она добра, она ищетъ не жертвъ, но милостей. Она повѣритъ вашему ручательству и не откажетъ въ просьбѣ сподвижнику и вѣрному слугѣ Петра Великаго.

ГРАФЪ.

Князь Михаилъ Владиміровичъ отказалъ тебѣ въ рукѣ своей дочери. Ты показался молодъ для

его надмѣнности и богатства; ты вправѣ обижаться, и не смотря на то, готовъ за него въ огонь и въ воду. Славно, Александръ! ты добрый малый! Обойми стараго дядю. (*Увидя входящаго Третьяковскаго*). А! это вѣрно твой спутникъ?

—

VI.

ТѢЖЕ, ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

БРЮСЪ, (*торопливо встрѣчая Третьяковскаго*).

Позвольте рекомендовать и оставить съ вами Василія Кириловича Третьяковскаго; я бѣгу исполнить ваше порученіе. (*уходитъ*).

ГРАФЪ, (*Третьяковскому*).

Очень радъ покороче съ вами познакомиться.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*поднося письмо*).

Имѣю счастіе представить въ подносъ вашему сіятельству сіе рекомендательное письмо отъ высокопочтеннѣйшаго господина президента Академіи Наукъ, барона Остермана.

ГРАФЪ, (*принимая письмо*).

Ваша ученость и трудолюбіе лучше всякой рекомендаціи.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Вашему сіятельству, можетъ быть, извѣстно, что я имѣлъ честь быть ученикомъ Роллана.

графъ, (*пробѣгая письмо*).

Знаю, знаю! когда вы учились у Роллана, я переписывался съ Лейбницемъ и Ньютономъ. Присядемъ-те же! (*садятся*) Ну, что-жъ.... какъ себя чувствуетъ баронъ Андрей Ивановичъ?

третьяковскій.

Подагра и хирагра совершенно разстроили его драгоцѣнное здоровье.

графъ.

Онъ всегда кстати умѣетъ захворать и выздоровѣть.

третьяковскій.

При отъѣздѣ моемъ, онъ примѣтно начиналъ поправляться.

графъ.

Да, съ сегоднишняго дня онъ совершенно выздоровѣетъ. (*Третьяковскій удивляется*). Ну, что-жъ.... волею или неволей пріѣхали вы къ намъ, Василій Кириловичъ?

третьяковскій.

Долженъ сознаться вашему сіятельству, что мнѣ предстоитъ здѣсь весьма выгодный случай, то есть, сватаютъ невѣсту очень хорошаго достоинства и съ значительнымъ приданымъ, какъ-то: деньгами и тому подобнымъ.

графъ.

Тѣмъ лучше.

третьяковскій.

Дѣло, съ помощью одной родственницы, почти слажено и я пріѣхалъ для смотра.

ГРАФЪ.

Могу ли спросить, кто эта дѣвица?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Дочь майора Сибилева, дѣвица Марья Филиповна.

ГРАФЪ.

Машинька Сибилева! пріятельница княжны Настасьи Михайловны! да это очень кстати, если можетъ состояться.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*раскланиваясь*).

Благодарность моя будетъ безпредѣльна!

ГРАФЪ.

Между тѣмъ, скажите, что вы теперь подѣлываете?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*вынимая изъ кармана двѣ книги*).

Позвольте имѣть счастіе представить вашему сіятельству сію новую книгу или: *Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ: объ ортографіи и о всемъ, что принадлежитъ къ сей матеріи.*

ГРАФЪ.

Это очень любопытно.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Лицепріятные пренебрегатели называютъ ее мелочью; но безъ самохвальства доношу, что эта мелочь довольно крупная.

ГРАФЪ.

Кто первый нашелъ тоническій размѣръ въ

языкѣ русскомъ и началъ писать гекзаметрами, тотъ заслуживаетъ полную благодарность.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ничего больше не желаю и ни о чемъ такъ не стараюсь, какъ чтобъ тѣмъ или другимъ нѣкоторую услугу показать отечеству.

ГРАФЪ.

Весьма похвально.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Въ знакъ милостиваго вниманія, я надѣюсь получить на память многіе англійскія и нѣмецкія книги, кои ваше сіятельство соизволили учинить русскими.

ГРАФЪ.

Это книги сухія и учебныя. Я перевелъ ихъ по повелѣнію Петра Великаго для инженерныхъ и артиллерійскихъ училищъ, которыхъ былъ учредителемъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Но столѣтній календарь вашего сіятельства?

ГРАФЪ.

Это просто астрономическія таблицы. Онѣ были началомъ календаря, котораго требовала Россія. Я сдѣлалъ дурно, что увлекся духомъ суевѣрнаго времени и, показавъ въ календарѣ моемъ теченіе солнца, луны и прочія небесныя явленія, прибавилъ нѣкоторыя предсказанія. Предвижу, что со временемъ книжные спекуляторы, для приманки легковѣрныхъ, выставятъ меня Зароастромъ, Альбертомъ, Фаустомъ, чародѣемъ. Тогда

какъ у меня только свой взглядъ на вещи, своя философія, даже своя исторія.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Безъ сомнѣнія, по методѣ Роллана?

ГРАФЪ.

Совсѣмъ нѣтъ, по своей собственной. По моему, въ исторіи народовъ были только четыре вѣка: вѣкъ Перикла, вѣкъ Августа, вѣкъ Медицисовъ и вѣкъ Петра Перваго. Великій императоръ, которому я служилъ, съ которымъ росъ, выросъ, состарѣлся — это мой идеалъ, это геній, оживотворившій Россію! Чтобъ вполнѣ оцѣнить его, надлежало быть его сотрудникомъ, чувствовать его волю, видѣть его самоотверженіе, знать его лично, знать его мысли и удивляться вѣрному взгляду на вещи.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Не осмѣливаюсь прекословить, но Петръ Великій былъ также человѣкъ и могъ всеконечно ошибаться.

ГРАФЪ.

Ошибаться могутъ себялюбцы, но люди, живущіе для блага народа, какъ Петръ — никогда.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Однако, я могу доказать сіе собственнымъ примѣромъ. Когда онъ соизволилъ быть въ Астрахани, я обучался въ тамошнемъ народномъ училищѣ. Государь повелѣлъ представить ему двухъ учениковъ: самаго лѣниваго и самаго прилежнаго. Онъ гораздо пожурилъ лѣнивца, потомъ всемилостивѣйше подошелъ ко мнѣ — самому прилежно-

му, взялъ меня такимъ образомъ за подбородокъ, взглянулъ проницательно и, оборотясь къ своей свитѣ, сказалъ: «*Это труженикъ: изъ него ничего не выйдетъ.*»

ГРАФЪ.

И онъ это сказалъ?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Сказалъ заподлинно, я весьма слышалъ.

ГРАФЪ, (*смѣясь*).

Онъ, конечно, ошибся.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ибо изъ сего труженика — вышелъ ученикъ Роллана, секретарь Академіи Наукъ и всѣмъ извѣстный писатель.

ГРАФЪ.

Кстати о писателяхъ: скажите, Василій Кириловичъ, выйдетъ ли что нибудь путное изъ молодаго Ломоносова?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Рѣшительно ничего, ваше сіятельство; я читалъ кой-что изъ его дѣтскихъ бездѣлокъ: въ нихъ нѣтъ надлежащаго книжнаго языка, нѣтъ обученыхъ искусовъ, слова любовнаго и удивительнаго, нѣтъ надлежащей піитической выспренности: онъ пишетъ, какъ будто разговариваетъ.

ГРАФЪ, (*улыбаясь*).

Это жаль! (*вставая*), Прощайте, однако-жъ! я съ вами не церемонюсь. Мнѣ надо кой чѣмъ заняться.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ваше сіятельство! послѣднее слово, послѣдняя просьба....

БРЮСЪ.

Что такое?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, *(вынимая бумагу)*.

Отправляясь въ нынѣшнее путешествіе, я сочинилъ торжественную оду, которую имѣю дерзновенное желаніе поднести государынѣ императрицѣ. Не угодно ли будетъ одобрить мою оду вашимъ благосклоннымъ выслушаніемъ.

БРЮСЪ.

Я плохой цѣнитель нынѣшней литературы.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Я надѣюсь, что ваше сіятельство замѣтите въ ней особый штиль или пописъ, то есть, образъ изъявленія порядка рѣчи къ лучшему употребленію діалекта и при томъ вирши весьма сладкія и пріятныя.

БРЮСЪ, *(садясь)*.

Если вы непремѣнно хотите... дѣлать нечего: извольте, я слушаю.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, *(читаетъ)*.

Да здравствуетъ днѣсь императриксъ Анна!
На престолъ сѣдша увѣнчанна,
Краснѣйше солнца и звѣздъ, зіяющихъ нынѣ?
Да здравствуетъ на многія лѣта!
Порфирой златой одѣта,
Въ императорскомъ чинѣ!

БРЮСЪ.

Ну что-жъ? это очень хорошо... мнѣ [illegible]...

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*раскланиваясь*).

И вотъ строфа послѣдняя:

Торжествуйте всѣ Россійски народы,
У насъ идутъ златые годы!
Воспріимемъ съ радостію полны стаканы,
Восплещемъ громко и руками,
Заскачемъ весело ногами,
Мы, вѣрные граждане!

БРЮСЪ, (*вставая*).

Да, это такъ хорошо.... что право.... не усидишь на мѣстѣ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Крайне признателенъ!

БРЮСЪ.

Меня ждутъ, однако-жъ; Александръ скоро воротится; не соскучтеся, ради Бога.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Напрасно безпокоиться изволите; въ случаѣ скуки, я обыкновенно прохаживаюсь и, будучи одинъ, мыслями себя забавляю.

—

VII.

ТѢЖЕ, МАРТЫНЪ МАРТЫНЫЧЪ ЗАДЕКА.

ГРАФЪ.

Ба! очень кстати. Рекомендую вамъ моего библіотекаря, Мартына Мартыныча Задеку. Это въ

лицахъ хиромантія, символика, кабалистика, астрологія, цѣлая мистерія! счастливые и несчастные годы, мѣсяцы, дни и часы онъ знаетъ по пальцамъ. У него свой календарь, по которому онъ ложится, встаетъ, ѣстъ, пьетъ, стрижется, брѣется и даже ходитъ въ баню.

—

VIII.

ТѢЖЕ, ДЕЛИЛЬ.

ДЕЛИЛЬ, (*вбѣгая*).

Графъ Яковъ Виллимовичъ! я ее видѣлъ, я ее видѣлъ!

ГРАФЪ, (*схватывая его за руку*).

Счастливецъ!

ДЕЛИЛЬ.

Кто жъ виноватъ? вамъ нѣкогда: у васъ пріемы, визиты, дворцы, искательства. Какой вы ученый! стыдитесь, вы просто фельдмаршалъ и ничего болѣе. Но я, я дождался, я видѣлъ ее, видѣлъ въ самой perигелліи; она прелестна, свѣтла, вѣрна въ своемъ теченіи, она съ хвостомъ, съ хвостомъ восхитительнымъ.

ГРАФЪ.

Делиль! мой другъ! можетъ быть мы ее вмѣстѣ увидимъ?....

ДЕЛИЛЬ.

Развѣ съ вашей обсерваторіи.

ГРАФЪ.

Посмѣшникъ!

ѲОМА, (*вбѣгая*).

Ваше сіятельство, ваше сіятельство.... письмо съ нѣмецкаго кладбища....

ГРАФЪ, (*съ нетерпѣніемъ схватываетъ и пробѣгаетъ письмо*).

Слава Богу! онъ нашелся.

ѲОМА.

Письмо это.... отъ князя тьмы.... сказалъ мнѣ присланный.

ГРАФЪ.

Глупецъ! я самъ знаю, кто пишетъ.

ѲОМА.

Онъ ждетъ отвѣта.

ГРАФЪ, (*про себя, взглянувъ на письмо*).

Скажи, что въ полночь я съ нимъ увижусь. Делиль! за мною.

(*Уходитъ съ Делилемъ*).

IX.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, ЗАДЕКА.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ; (*таинственно*).

Мартынъ Мартынычъ! могу ли спросить, что сіе значитъ?

ЗАДЕКА, (*въ раздумьи*).

Полагаю, что они говорили о кометѣ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Комета не иное что есть, развѣ планета нѣкая, которая свойственна нѣкоему ближнему къ ней вихрю. Положимъ, что вышеупомянутый хвостъ принадлежитъ оной кометѣ; но полночь.... кладбище.... князь тьмы?....

ЗАДЕКА, (*таинственно*).

Оставьте, это дѣло адептовъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*въ сторону*).

И такъ, таинственная молва гораздо подтверждается.

ЗАДЕКА.

Если я не ошибаюсь, то имѣю честь говорить съ господиномъ секретеремъ Академіи и знаменитымъ нашимъ піитомъ, Васильемъ Кириловичемъ Третьяковскимъ?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Такъ точно, и сей піитъ ожидаетъ отъ васъ важной услуги.

ЗАДЕКА.

Вѣрно онъ желаетъ видѣть нашу библіотеку?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Нѣтъ, кабинетъ.

ЗАДЕКА.

Кабинетъ натуральной исторіи и минералогическій, которые графъ завѣщаетъ вашей Академіи?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Нѣтъ, просто графскій кабинетъ, въ которомъ онъ занимается.

ЗАДЕКА.

Это невозможно.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Мартынъ Мартынычъ! любопытство мое вышло изъ предѣловъ: я горю желаніемъ сдернуть завѣсу, открыть тайну, постигнуть истину!

ЗАДЕКА.

Повторяю, что это невозможно. Хотя я имѣю изъ моей комнаты особый входъ и ключь отъ графскаго кабинета, но мнѣ запрещено не только вводить постороннихъ, ниже самому безъ крайней надобности въ него заглядывать.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

За вашу услугу я бы могъ отплатить таковою же.

ЗАДЕКА.

Повѣрьте, меня ничто не поколеблетъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

По вашей учености я намѣревался предложить вамъ званіе.... корреспондента или коммисіонера Академіи.

ЗАДЕКА.

Возможно ли? Члена корреспондента или коммисіонера!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

То есть, вы будете носить ученое званіе и мундиръ, вельми зело взрачный, получать награды и ровно ни чего не дѣлать.

ЗАДЕКА.

Превосходное мѣсто!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Его сіятельство отправляется въ полночь на кладбище, мы свободно совершимъ наше ученое обозрѣваніе.

ЗАДЕКА.

Есть истинны и доводы, которые убѣждаютъ съ разу, высокопочтеннѣйшій господинъ академикъ. И такъ, по рукамъ! Линія препятствія сгладилась.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*улыбаясь*).

По хиромантіи?

ЗАДЕКА.

Я не ограничиваюсь мелочью и силу моей науки могу доказать собственнымъ вашимъ гороскопомъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

А! гороскопомъ? то есть: Cardo Orientalis, что ныньче въ великой модѣ!

ЗАДЕКА.

Скажите только: годъ, мѣсяцъ и число вашего рожденья.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Мартынъ Мартынычъ! предупреждаю васъ, что я многократы мнителенъ есмь.

ЗАДЕКА, (*настоятельно*).

Годъ, мѣсяцъ и число вашего рожденья?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Я произошелъ на свѣтъ февруарія въ 22-й день 1703 года.

ЗАДЕКА, (*на лоскуткѣ дѣлаетъ вычисленіе*).

Вы родились въ субботу.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Тако. Вы спознали сіе по вычисленіямъ?

ЗАДЕКА.

Посредствомъ арифмомантіи. И такъ, вы родились въ субботу. Суббота покровительствуется планетой Сатурномъ; Сатурнъ сухъ, холоденъ и мраченъ, а февруарій, то есть, мѣсяцъ вашего рожденья, по знаку рыбъ, водянъ чрезмѣрно.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

И такъ....

ЗАДЕКА.

И такъ, *(вынимая тетрадку)* сообразивъ все это, выходитъ: «что человѣкъ, родившійся между 9 днемъ февруарія и 12 днемъ мартуса, есть отъ природы знака рыбъ, сирѣчь—студенъ, водянъ и темнословенъ. Любитъ хвалу самъ о себѣ, желаетъ быть мудрымъ и подъемлетъ тяжкія работы. Онъ искусенъ въ политикѣ и во многихъ тонкихъ мудростяхъ. *(Третьяковскій дѣлаетъ знакъ одобренія)*. Любезенъ женскому полу. (*Третьяковскій охорашивается*). Смерть приметъ: окормленіемъ, волшебствомъ или дьявольскимъ навожденьемъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Мартынъ Мартынычъ! сіе ужасно!

(За кулисами слышенъ голосъ молодаго Брюса).

БРЮСЪ.

Гдѣ дядюшка?

ЗАДЕКА.

Я слышу голосъ Александра Романовича! Василій Кириловичъ! онъ можетъ проникнуть нашу конкуренцію и остановить.... слѣдуйте за мною.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Чего бъ то ни стоило—се слѣдую во срѣтеніе моего гороскопа! *(Уходятъ).*

X.

БРЮСЪ, КОНДРАТЬИЧЪ, потомъ ГРАФЪ.

БРЮСЪ, *(входя).*

Гдѣ дядюшка?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Извѣстно: на каланчѣ или въ кабинетѣ.

ГРАФЪ, *(сверху).*

Эй, плащь! *(Сходя съ лѣстницы).* Делиля не выживешь. *(увидя племянника).* Александръ! ты ужъ воротился.

БРЮСЪ.

Все напрасно: никто ни чего не знаетъ о князѣ Михаилѣ Владиміровичѣ,

ГРАФЪ.

Радуйся: я получилъ отъ него записку и надѣюсь съ нимъ увидѣться.

БРЮСЪ.

Дядюшка! ради Бога, поправьте его опрометчивость. Виновный не скроется, правому нечего бояться: князь долженъ воротиться.

ГРАФЪ.

Тутъ мало того, чтобъ воротиться; надобно сыскать предлогъ, которой бы могъ прикрыть и оправдать его ошибку и удаленіе, (*запирая дверь отъ кабинета*). Александръ! на всякій случай — возьми этотъ ключъ.

БРЮСЪ, (*вспомнивъ разговоръ Кондратьича о женщинахъ*).

Отъ кабинета? нѣтъ, воля ваша.... я за себя не отвѣчаю.

ГРАФЪ.

Бери, этотъ ключъ волшебный.

БРЮСЪ.

Дядюшка!

ГРАФЪ.

Напримѣръ, чего бы ты желалъ всего болѣе?

БРЮСЪ.

Спасти князя, увидать княжну Настасью Михаиловну!

ГРАФЪ, (*отдавая ключъ*).

Загадай, и едва ты повернешь ключь въ замкѣ; они явятся. (*Уходитъ*).

брюсъ, *(въ восторгѣ)*.

Что я слышу! Иванъ! Ѳома! люди! одѣваться, одѣваться!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

АВТОМАТЫ.

Графскій кабинетъ установленъ глобусами и разными астрономическими инструментами. По бокамъ двѣ лѣстницы, изъ которыхъ одна ведетъ внизъ, а другая на обсерваторію. Въ задней стѣнѣ, изъ-подъ занавѣсъ, видно семь полукруглыхъ впадинъ или нишей для помѣщенія статуй.

I.

КНЯЖНА НАСТАСЬЯ МИХАЙЛОВНА (*сидитъ въ готическихъ графскихъ креслахъ у кабинетнаго стола, на которомъ стоятъ двѣ зажженыя свѣчи*), **МАШИНЬКА**.

машинька.

Княжна! ради Бога, успокойтесь хоть не множко.

княжна.

Машинька! я не могу опомниться,

машинька.

Можетъ-быть, все кончится благополучно.

КНЯЖНА.

Если бы батюшка не былъ виноватъ, онъ бы не скрылся.

МАШИНЬКА.

Неожиданное несчастіе вашихъ родныхъ могло испугать всякаго.

КНЯЖНА.

Если бы я была дома, я бы удержала батюшку.

МАШИНЬКА.

Графъ обѣщаетъ отыскать его и уговорить воротиться.

КНЯЖНА.

Этотъ праздникъ, который кончился слезами и рыданіями, этотъ ужасный, похоронный праздникъ, Машинька, съ котораго добрый графъ, не найдя батюшку, рѣшился увезти насъ, такъ поразилъ меня, что я не могу вспомнить объ немъ безъ ужаса. При малѣйшемъ шумѣ, я теперь еще дрожу отъ страха.... мнѣ кажется, что графъ является на балъ, гдѣ мы съ тобой веселились; онъ говоритъ мнѣ: «Княжна! отецъ вашъ скрылся. Его, можетъ быть, вездѣ ищутъ; вамъ нельзя вернуться домой, васъ могутъ взять къ допросу; я увезу васъ и скрою у себя до времени....» вотъ и теперь.... слышу голоса.... и здѣсь, и сверху, и снизу....

МАШИНЬКА.

Это вамъ не чудится, а въ самомъ дѣлѣ кругомъ насъ люди, вѣрно домашніе. Мнѣ показалось даже, что я слышала голосъ Александра Романовича.

КНЯЖНА, (*вскакивая съ креселъ*).

Графъ сказалъ, что сюда запрещено входить— кому бы то ни было.

МАШИНЬКА.

Входить — это дѣло другое; но вѣрно не запрещено разговаривать. Я увѣрена, что этотъ шумъ надѣлалъ пріѣздъ Александра Романовича.

КНЯЖНА.

Машинька! Я ни за что здѣсь не останусь.... Въ страхѣ, я не успѣла одуматься, но ты видишь, здѣсь нѣтъ ни души женской. Участіе графа къ дочери мнимаго преступника можетъ даже погубить его. Всего лучше, до времени, мнѣ скрыться въ семействѣ твоего опекуна, почтеннаго пастора. Онъ любитъ тебя, какъ дочь, и вѣрно охотно меня приметъ.

МАШИНЬКА.

О! безъ всякаго сомнѣнія! но кто-жъ отвезетъ насъ? безъ графа этого сдѣлать невозможно.

КНЯЖНА, (*вслушиваясь*).

Машинька!... послушай... опять голоса.

МАШИНЬКА.

Это съ другой стороны. (*подбѣгая къ нижней лѣстницѣ*). Что я вижу! княжна, не пугайтесь!... сюда идутъ.

КНЯЖНА.

Боже мой! вѣрно за нами.

МАШИНЬКА.

Не бойтесь, они кажется не изъ такихъ.... они сами какъ будто боятся и прячутся.

КНЯЖНА.

Что-жъ намъ дѣлать?

МАШИНЬКА, (*подбѣгая къ занавѣсамъ*).

Чего жъ лучше! здѣсь пусто: они пройдутъ и можетъ быть насъ не увидятъ. Скорѣй, скорѣй, ради Бога! (*Каждая прячется за особую занавѣсъ*).

—

II.

КНЯЖНА, МАШИНЬКА (*за занавѣсами*), ЗАДЕКА, ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*каждый со свѣчею*).

ЗАДЕКА (*останавливается на послѣдней ступени и окидываетъ глазами кабинетъ*).

Василій Кирилычъ! входите смѣло.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*придерживая Задеку*).

Мартынъ Мартынычь! если васъ обучетъ страхъ вельми, то не лучше ли намъ весьма оставить наше предпріятіе?

ЗАДЕКА.

Мы слишкомъ далеко зашли, чтобъ воротиться.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*со свѣчой, оглядывая кабинетъ*).

Привѣтствую тебя, храмъ цѣломудріа! храмъ наукъ! храмъ государственныхъ доблестей! (*Ста-*

вить на столъ свѣчу) Мартынъ Мартынычъ.... замѣчаете ли вы первую странность?

ЗАДЕКА.

Какую?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*протирая глаза*).

Или у меня двоится въ глазахъ, или вмѣсто нашихъ двухъ, здѣсь дѣйствительно четыре свѣчи?

ЗАДЕКА.

Ихъ вѣрно забыли потушить.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

По моему гороскопу—въ которомъ вы предрѣкли мнѣ яко-бы всевозможные ужасы, какъ то: окормленіе, волшебство и дьявольское навожденіе, мнѣ надлежало бы быть гораздо осторожнымъ.

ЗАДЕКА.

Это никогда не мѣшаетъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Надлежало бы, во-первыхъ, отказаться отъ вашего ужина, похожаго на окормленіе и, во-вторыхъ, съ обремененнымъ желудкомъ, который нелегко переноситъ сильныя впечатлѣнія, не пускаться въ лабиринтъ таинствъ бѣлой и черной магіи, сирѣчь, на вторую часть вашего гороскопа.

ЗАДЕКА.

Все зависитъ отъ твердости характера.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

То-то и есть. Будь на моемъ мѣстѣ.... токмо такъ говорю: будь на моемъ мѣстѣ человѣкъ мнительный, вы бы слишкомъ потрясли егѣ вашимъ неосторожнымъ предсказаніемъ.

ЗАДЕКА.

Я сказалъ то, что мнѣ открыла будущность. Но лучше приступимъ къ обозрѣнію.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*взглядывая на письменный столъ, читаетъ заглавія нѣкоторыхъ книгъ и рукописей*).

Исторія Астрономіи, *Брюсовъ Календарь*, *Apocalypsis revalata* — *Шведенборга*, *О привидѣніяхъ*, (*про себя*) какъ нарочно: *Мысли о смерти*. Довольно! не станемъ любопытствовать далѣе: рукописи ученыхъ и литераторовъ должны быть священны.

ЗАДЕКА, (*показывая кабинетъ*).

Вы видите, что въ графскомъ кабинетѣ тьма удобностей: вездѣ входы и выходы. Изъ преисподней, откуда мы вышли, эта лѣстница ведетъ прямо къ поднебесью, на нашу обсерваторію, а въ этой сторонѣ разположены: библіотека, кабинетъ натуральной исторіи и минераллогическій. Всѣхъ этихъ инструментовъ, вамъ, какъ ученому, объяснять нечего.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Весьма любопытно знать, что находится подъ сими занавѣсами?

ЗАДЕКА.

Покуда ничего, но здѣсь будутъ мраморныя статуи семи греческихъ мудрецовъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Идея луминарная! (*Подходя къ занавѣсамъ, на-*

чинаютъ съ разныхъ сторонъ ихъ отдергивать и оба, въ одно и тоже время, открываютъ княжну и Машиньку, которыя стоятъ неподвижно).

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*съ ужасомъ отскакиваетъ, схватываетъ за руку Мартына Мартыныча и отводитъ его на авансцену*).

Мартынъ Мартынычъ! Гороскопъ совершается!

ЗАДЕКА.

Василій Кирилычъ! ободритесь! Не давно графъ толковалъ мнѣ объ автоматѣ Алберта Великаго, который издавалъ звуки, ходилъ по комнатѣ и даже отворялъ двери.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Что-жъ изъ онаго слѣдуетъ?

ЗАДЕКА.

Слѣдуетъ-то, что какъ живыя женщины ни по какому отношенію, въ ночное время, не могутъ здѣсь находиться, то это и должны быть: женщины — андроиды, женщины — автоматы.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

То есть, женщины на пружинахъ, куклы.... особеннаго механизма?

ЗАДЕКА.

Безъ всякаго сомнѣнья.... стоитъ разсмотрѣть.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Быть не можетъ! впрочемъ извольте.... я рѣшаюсь разсмотрѣть, Мартынъ Мартынычъ.

ЗАДЕКА.

Охотно.... если онѣ не кусаются.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Мартынъ Мартынычъ.... вы аки бы робѣете?

ЗАДЕКА.

Нисколько—одушевляюсь вашимъ примѣромъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*подходя и всматриваясь*).

Нѣтъ сомнѣнья, это живыя госпожи!

ЗАДЕКА.

Живыя куклы!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*отводя Задеку на авансцену*).

Мартынъ Мартынычъ! побойтесь Бога! всмотритесь въ ихъ лица, (*показывая на княжну*) въ сію особу: всякая черта лица въ совершенной натуральности, румянецъ имѣетъ живой и свѣтлой, глаза черные и превеликіе зѣло, уста сахарныя и всѣ стати и прикрасы въ ней жилище свое имѣютъ!

ЗАДЕКА, (*показывая на Машиньку*).

И это сдѣлано весьма искусно.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Да, сія тако-жде имѣетъ нѣчто все пріятное, что она не лукава и воздержательна есть, имѣя всѣ казусы, кои во любовь приводить способность изъявляютъ.

«Зракъ весьма свѣжій, краску, величество сладко
«И бѣлизну румяну, лице также гладко,
«Розъ и лилей при груди смѣшанье любимо,
«Нудятъ сдаться очамъ ея необходимо!»

ЗАДЕКА.

Разумѣется, графъ дурнаго не выберетъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Репертую, вы можете заблуждаться и спорить, но въ этомъ акціденціальномъ обстоятельствѣ самое лучшее — бѣжать неоглядываясь.

ЗАДЕКА.

Я хотѣлъ только показать вамъ обсерваторію, на которой Делиль по сіе время наблюдаетъ комету.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, *(торопливо)*.

Въ другое время я бы бросился туда съ восторгомъ, но при сихъ ночныхъ госпожахъ....

ЗАДЕКА.

При этихъ куклахъ, которыя молчатъ и стоятъ, какъ вкопанныя.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

И впрямь! Странное дѣло!

ЗАДЕКА.

За то вы увидите комету, комету живую, чудесную, съ хвостомъ — длиннѣе женскаго.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Но если графъ воротится?

ЗАДЕКА.

Если и воротится, то не въ кабинетъ, а прямо въ спальню.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Вы думаете?

ЗАДЕКА.

Даже увѣренъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Мартынъ Мартынычъ! принимаю вашу пропозицію: иду на обсерваторію. Все меня къ тому увлекаетъ: и сіи госпожи, и желанье скрыться, и комета, и Делиль, и крайняя необходимость съ нимъ объясниться.

ЗАДЕКА.

Съ Делилемъ?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Да, съ Делилемъ, котораго Академія Наукъ приглашаетъ во 2-ю камчатскую экспедицію, подъ начальствомъ капитана Беринга.

ЗАДЕКА.

Беринга! моего соотечественника! Василій Кирилычъ! по страсти моей къ морскимъ путешествіямъ, нельзя ли меня, въ званіи астролога, включить въ число вашихъ странствователей?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Повѣрьте, Мартынъ Мартынычъ, что нынѣшняя экспедиція мимо сихъ госпожъ весьма стоитъ камчатской! куда жъ итти?

ЗАДЕКА.

По этой лѣстницѣ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*проходя близъ Машиньки, говоритъ двусмысленно.*)

Для чего я не Пигмаліонъ, чтобъ одушевить сію Галлатею!

—

III.

КНЯЖНА, МАШИНЬКА.

КНЯЖНА.

Машинька!... я чуть не закричала.

МАШИНЬКА.

Я чуть не расхохоталась.

КНЯЖНА.

Эти господа должны быть очень глупы.

МАШИНЬКА.

Если мы куклы, они просто болваны послѣ этаго.

КНЯЖНА.

Этотъ молодой ученый, однако-жъ, довольно любезничалъ.

МАШИНЬКА.

Этотъ сколько нибудь похожъ еще на человѣка.

КНЯЖНА.

Что-жъ намъ дѣлать, если они воротятся?

машинька.

Постойте, стучатся!... (*подбѣгаетъ къ двери*) Кто тамъ?

брюсъ, (*изъ-за двери*).

Александръ Брюсъ.

машинька, (*княжнѣ*).

Александръ Романовичъ Брюсъ! я отгадала, онъ пріѣхалъ!

княжна.

Машинька, не откликайся, не пускай, ради Бога!

брюсъ, (*изъ-за двери*).

Съ позволенья дядюшки.

машинька.

Княжна! слышите ли? съ позволенія дядюшки.

княжна.

Я право не знаю.... какъ ты думаешь, Машинька?

машинька.

Почему жъ.... если это съ позволенія дядюшки?

княжна.

Развѣ только для защиты насъ отъ этихъ господъ....

машинька.

И конечно. (*Брюсу*) Александръ Романовичъ! войдите, княжна позволяетъ.

княжна, (*съ досадой*).

Позволяетъ!

—

IV.

ТѢЖЕ, БРЮСЪ.

БРЮСЪ.

Княжна, простите! я спѣшилъ васъ успокоить.

КНЯЖНА.

Александръ Романовичъ! нѣтъ ли извѣстія отъ батюшки?

БРЮСЪ.

Графъ получилъ отъ него записку; онъ съ нимъ увидится и вѣроятно уговоритъ его возвратиться.

КНЯЖНА.

Это самое лучшее.

БРЮСЪ.

Отсутствіе князя съ разными прибавленіями дошло до Бирона.... думаютъ, что князь скрылся у дядюшки и подозрительные люди слѣдятъ около дома.

КНЯЖНА.

Боже мой! ужъ не они ли входили въ кабинетъ.

БРЮСЪ.

Даже сюда! Какая дерзость!

КНЯЖНА.

Александръ Романовичъ! я ни за что здѣсь не останусь, и прошу васъ сейчасъ же отвести насъ къ пастору.

БРЮСЪ.

Княжна, я готовъ, но дядюшка?...

КНЯЖНА.

Ни онъ, ни я не предвидѣли всѣхъ послѣдствій.

Я не хочу навлекать на него не только несчастья, даже немилости! Довольно, что его подозрѣваютъ въ дружбѣ съ батюшкой. Мое присутствіе въ его домѣ еще болѣе усилитъ клевету и погубитъ ихъ обоихъ. Поспѣшимте, ради Бога. Теперь ночь, и можетъ быть насъ не примѣтятъ.

БРЮСЪ.

Располагайте, приказывайте! я вашъ душою, вы это знаете; но я слышу шумъ.... голоса на обсерваторіи!

МАШЕНЬКА.

Это они! что съ нами будетъ! (*Бѣгутъ и становятся подъ другими занавѣсами*).

БРЮСЪ.

Княжна! что-жъ мнѣ дѣлать?

КНЯЖНА.

Спрячтесь также на всякій случай, но недопускайте только насъ разсматривать, ради Бога!

БРЮСЪ, (*про себя*).

Что это значитъ?

МАШИНЬКА, (*выглядывая*).

Александръ Романовичъ! станьте со мною, я право боюсь.

КНЯЖНА, (*также выглядывая*).

Александръ Романовичъ! гораздо лучше.... станьте на этой сторонѣ, чтобъ и я небоялась.
(*Брюсъ прячется подъ занавѣсью подлѣ княжны*).

—

V.

ТѢЖЕ, ЗАДЕКА, ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, ДЕЛИЛЬ.

ДЕЛИЛЬ.

Мартынъ Мартынычъ! вы подстрекнули мое любопытство; смотрите жъ, вы будете отвѣчать, если графъ узнаетъ.

ЗАДЕКА.

Боже избави! онъ вытянетъ изъ меня послѣдній воздухъ, изотретъ въ ретортѣ, испаритъ въ тигелѣ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Я утверждаю, что то суть живыя женщины.

ЗАДЕКА.

Я докажу, что онѣ настоящія куклы.

ДЕЛИЛЬ.

Странный случай: тутъ вѣрно вмѣшался оптическій обманъ или лунная инфлуенція.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Помилуйте! стоитъ размыслить.

ЗАДЕКА.

Стоитъ взглянуть.

ДЕЛИЛЬ.

Стоитъ дотронуться.

(Третьяковскій и Задека отдергиваютъ тѣ занавѣсы, подъ которыми въ первый разъ увидѣли дѣвицъ).

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ихъ нѣтъ! я торжествую! что скажите?

ЗАДЕКА.

Являться и изчезать.... участь всѣхъ вещей.

ДЕЛИЛЬ.

Господа! вы, можетъ быть, ошиблись занавѣсами, посмотрите подъ другими.

(Третьяковскій подходитъ къ той, за которой стоитъ Брюсъ; но этотъ, толкая и даже сталкивая его съ ногъ, говоритъ чужимъ голосомъ). Остановитесь!

ДЕЛИЛЬ.

Что это значитъ?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, *(вставая)*.

Мартынъ Мартынычъ! Гороскопъ совершился!

ЗАДЕКА.

Дѣйствіе силъ!... отторгательной и притягательной.

ДЕЛИЛЬ.

Какія тутъ силы, чортъ возьми! это разрушеніе цѣлаго міра!

(Всѣ они, толкая другъ друга, спускаются по нижней лѣстницѣ, на которой слышенъ грохотъ и стукъ паденья).

—

VI.

ДѢВИЦЫ, БРЮСЪ, *(выходя изъ-подъ занавѣсъ)*.

БРЮСЪ.

Успокойтесь, успокойтесь! эти лазутчики не опасны.

КНЯЖНА.

Однако-жъ, вмѣсто двухъ, ихъ очутилось трое.

БРЮСЪ.

Одинъ изъ нихъ графскій библіотекарь[1], другой астрономъ Делиль, третій г. Третьяковскій.

МАШИНЬКА, (*печально*).

Третьяковскій!

БРЮСЪ, (*догадываясь*).

Онъ, право, человѣкъ.... очень хорошій....

КНЯЖНА.

Теперь скорѣй, скорѣй отсюда! (*Брюсу*). Ради Бога! удалите людей, чтобъ насъ невидали, а мы готовы и васъ ожидаемъ.

БРЮСЪ, (*уходя*).

Я все исполню въ минуту.

МАШИНЬКА.

Смотрите, княжна!.... хорошо ли мы дѣлаемъ? что скажетъ князь.... что скажетъ графъ?

КНЯЖНА.

Я одна за все отвѣчаю.

БРЮСЪ, (*отворяя двѣрь*).

Все готово.

КНЯЖНА, (*убѣгая*).

За мной, за мной! къ пастору, къ пастору!

МАШИНЬКА, (*слѣдуя за нею*).

Сперва къ пастору, а тамъ и въ церковь по дорогѣ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ВАМПИРЫ.

Театръ представляетъ нѣмецкое кладбище въ Лефортовѣ. Ближе къ сценѣ виденъ надгробный памятникъ, который за живо соорудилъ себѣ Брюсъ, съ надписью на фронтонѣ его имени; съ боку крыльцо пасторскаго дома; видъ Москвы.

—

I.

ГРАФЪ БРЮСЪ, СТОРОЖЪ (*съ фонаремъ*).

БРЮСЪ.

Ты здѣсь новичекъ, г. инвалидъ, и потому меня не знаешь. Я старый другъ почтеннаго пастора, но куда же онъ запропастился?

СТОРОЖЪ.

Я знаю только то, что въ полночь прибѣжали къ нему какіе-то перепуганные люди; толковали о какой-то бѣдѣ, да о праздникѣ, на который отправилась одна изъ его барышень, да и канула какъ въ воду, такъ вотъ г. пасторъ и бросился ее отыскивать.

БРЮСЪ, (*про себя*).

Какая мысль! если пасторъ отыскиваетъ свою воспитанницу, почему жъ князю неброситься отыскивать своей дочери? Да, да, вотъ причина его от-

сутствія! вотъ то, надъ чѣмъ я ломалъ голову, чтобъ поправить его опрометчивость, разсѣять мнимыя подозрѣнія и спасти моего друга. Чего жъ лучше? скорѣй, скорѣй, разпустимъ, поддержимъ эти слухи. Слушай, служака: коль скоро воротится г. пасторъ, скажи ему, что его дожидался Брюсъ.

СТОРОЖЪ, (*показывая на гробницу*).

Ужъ не сродни ли покойному фельдмаршалу?

БРЮСЪ.

Даже онъ самый.

СТОРОЖЪ, (*въ недоумѣньи вытягиваясь передъ фельдмаршаломъ*).

Ваше высокографское сіятельство!....

БРЮСЪ.

Небойся, я не совсѣмъ еще умеръ, но за этимъ дѣло не станетъ. Скажи жъ пастору, чтобъ онъ негорѣвалъ и что его воспитанница скоро найдется.

СТОРОЖЪ.

Слушаю, ваше сіятельство!

БРЮСЪ.

Еще одно слово: сюда долженъ былъ придти и вѣроятно явится другой человѣкъ. Если онъ спроситъ обо мнѣ и назовется княземъ тьмы.... (*замѣтя удивленіе сторожа*) да, княземъ тьмы.... это имя условное: то скажи, что я никакъ не могъ его дождаться и отдай ему вотъ эту записку. Но это должно быть исполнено вѣрно, знаешь — по нашему, по военному.

СТОРОЖЪ.

Все будетъ въ точности исполнено, ваше сіятельство....

БРЮСЪ.

Прощай же и береги мою гробницу. (*Проходя мимо ее, пріостанавливается*). И такъ, она со всѣмъ готова?

СТОРОЖЪ.

Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, сказываютъ, что недостало камня для погреба.

БРЮСЪ.

Ужъ эти мнѣ строители! подай фонарь, я самъ взгляну на отдѣлку внутренности. (*входятъ въ гробницу*).

—

II.

ТѢЖЕ, ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, ЗАДЕКА (*оба въ плащахъ и съ фонарями*).

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Единственно для васъ, Мартынъ Мартынычъ, рѣшился я на посѣщеніе сего весьма начальнаго мѣста.

ЗАДЕКА.

Услуга должна быть взаимна.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Весконечно взаимна; но не забудьте, однако-жъ, что при первомъ похожденіи нашемъ по таинствен-

ному кабинету, я поплатился уже шишкою на лбу, при паденіи съ лѣстницы, и уязвленіемъ моего сердца наипрекраснѣйшею госпожею.

ЗАДЕКА.

Сердце, шишка и прочее, тому подобное, ничего не значутъ, г. профессоръ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Всякому свое, Мартынъ Мартынычъ.

ЗАДЕКА.

Конечно, васъ занимаютъ куклы....

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Опять куклы! говорятъ вамъ: живыя, наипрекраснѣйшія госпожи!

ЗАДЕКА.

Положимъ, васъ занимаютъ живыя госпожи и графскій кабинетъ; а меня, напротивъ, таинственное кладбище, гдѣ, какъ вы сами слышали, князь тьмы назначаетъ свиданія своимъ агентамъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Но кто-жъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ чортъ, дьяволъ или князь тьмы по вашему?

ЗАДЕКА, (*таинственно*).

Я могу ошибаться, но между нами, я полагаю, что онъ долженъ быть тотъ самый, который нѣсколько разъ являлся нашему знаменитому современнику, шведскому чародѣю Сведенборгу!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Помилуйте!....

ЗАДЕКА.

Это признано, доказано и даже напечатано.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Вѣрите всему печатному; хороши вы будете съ вашимъ печатнымъ!

ЗАДЕКА.

Не будемъ спорить, г. профессоръ! обойдемъ лучше кладбище и изберемъ мѣсто для нашихъ наблюденій.... Ба! да чья же эта новая гробница?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*приближаясь съ фонаремъ*).

Тутъ есть и надпись.... Возможно ли! (*читаетъ*) Фельдмаршалъ графъ Брюсъ.

ЗАДЕКА.

Фельдмаршалъ Брюсъ!

БРЮСЪ, (*изъ внутренности гробницы*).

Я здѣсь!

ЗАДЕКА.

Графскій голосъ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Боже мой! да что-жъ это въ самомъ дѣлѣ.... нарочно что ли, Мартынъ Мартынычъ.

БРЮСЪ, (*выходя изъ гробницы*).

Кого я вижу? Г. Третьяковскій съ моимъ сумазбродомъ! что это значитъ? здѣсь, ночью, на кладбищѣ?

ЗАДЕКА.

Я полагаю.... что на кладбищѣ всякій легко можетъ отправиться.

БРЮСЪ.

И даже очень легко, но въ свое время, а не теперь, не прямо за мною въ видѣ лазутчика?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ваше сіятельство!

БРЮСЪ.

Нѣтъ, сударь, такое непростительное любопытство не пройдетъ ему даромъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ваше сіятельство, позвольте донести....

БРЮСЪ, (*про себя*).

Это просто шпіонство! Но они оба поплатятся за это. (*вслухъ*). Однако-жъ, мы кстати встрѣтились, г. Третьяковскій; чтобъ сообщить вамъ новость....

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Новость? Но какую же, если смѣю спросить ваше сіятельство?

БРЮСЪ, (*съ притворнымъ участіемъ*).

Спросите у вашего сердца.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Сознаюсь.... что по нѣкоему случаю.... дѣйствительно мое печальное сердце находится въ крайнемъ отчаяніи.

БРЮСЪ.

Не скрывайтесь! я все знаю, г. Третьяковскій.

ЗАДЕКА, (*желая подслужиться*).

И настоящее, и прошедшее, и будущее!

БРЮСЪ, (*вслушиваясь*).

Да, да, и въ особенности будущую раздѣлку съ тобою! (*Третьяковскому*). Новость эта состоитъ въ томъ, что близкая сердцу вашему дѣвица Сибилева съ своей пріятельницей, княжной Долгоруковой, были вчера на балѣ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

А! на балѣ!.... на которомъ, вѣроятно, весьма повеселились?

БРЮСЪ.

Конечно.... но вотъ видите: онѣ ужъ такъ завеселились, что даже домой не воротились.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ваше сіятельство!

БРЮСЪ.

Словомъ сказать: во время случившейся тамъ страшной суматохи, ихъ обѣихъ похитили.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Похитили! Боже всемогущій! что я слышу! Но кто-жъ сей наглый похититель?

БРЮСЪ.

Это неизвѣстно покуда. Отчаянный князь повсюду ищетъ дочери; пасторъ своей воспитанницы; я помогаю имъ обоимъ и потому, встрѣтясь съ вами, я твердо былъ увѣренъ, что и вы, убитые этой новостью, бросились искать похищенную невѣсту. Пастора нѣтъ дома. Дождитесь и увѣдомите меня о послѣдствіяхъ. До свиданія! душевно жалѣю, но какъ быть!... мало ли что случается! Эй, г. сторожъ! проводи меня до улицы.

(*Оба уходятъ*).

—

III.

ТѢЖЕ, кромѣ БРЮСА.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Марья Филиповна!... побойтесь Бога!

ЗАДЕКА.

Не унывайте, все къ лучшему, Василій Кириловичъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Вы сами убирайтесь лучше къ чорту, прости Господи! лишиться невѣсты и увѣрять, что сіе къ лучшему.

ЗАДЕКА.

Она отыщется.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Отыщется! прошу покорно! нѣтъ, милостивый государь, Мартынъ Мартынычъ, подобныя вещи не отыскиваются — безъ крайняго злоупотребленія!

ЗАДЕКА.

Но что-жъ вамъ до нее, когда вы влюбились въ другую.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Вы просто ничего не понимаете по сей части! Похвалить или временно даже кѣмъ-либо воспламениться, не значитъ еще любовно возгорѣть. Это ни что иное, какъ мгновенный порывъ или, такъ сказать, фантазія, поэзія молодости. Но лишиться едва необрученной невѣсты съ весьма

значительною капитальностію, это дѣло иное и даже совсѣмъ другое. Словомъ: я обманутъ, раззоренъ, убитъ, уничтоженъ!

ЗАДЕКА.

Вы можете отдохнуть и освѣжиться, а я, между тѣмъ, выиграю время для моихъ наблюденій.

—

IV.

ТѢЖЕ, потомъ СТОРОЖЪ, КНЯЗЬ.

ЗАДЕКА, (*увидя возвращающагося сторожа*).

А, кстати! скоро ли воротится твой пасторъ, г. сторожъ?

СТОРОЖЪ.

А кто его знаетъ! онъ пустился за барышней, которая убѣжала.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*про себя*).

Убѣжала!

СТОРОЖЪ.

Хороша видно барышня!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ахъ, Марья Филиповна!

ЗАДЕКА, (*сторожу*).

Намъ нужно дождаться пастора.

СТОРОЖЪ.

И мнѣ также приказано отъ графа дождаться какого-то ночнаго князя.

ЗАДЕКА.

Ночнаго князя? ужъ не князя ли тьмы?

СТОРОЖЪ.

Какъ тутъ попали.

ЗАДЕКА, (*про себя*).

Какой случай представиться и отрекомендоваться! (*вслухъ*). Но что-жъ нашъ графъ велѣлъ сказать тебѣ этому князю?

СТОРОЖЪ.

Приказалъ отдать ему записку.

ЗАДЕКА, (*про себя*).

Чего жъ лучше! (*сторожу*). Послушай служба: ты измучился, а мнѣ заодно дожидаться. Знаешь что.... передай мнѣ записку для доставленія князю, а самъ съ Богомъ отправляйся на боковую.

СТОРОЖЪ.

Оно бы не дурно, да тутъ, вотъ видите, нужна вѣрность.

ЗАДЕКА.

За вѣрность я ручаюсь головою. (*Показывая на Третьяковскаго*). И вотъ свидѣтель....

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Слуга покорный!

СТОРОЖЪ.

Оно бы и такъ, а все-таки воля ваша.... выходитъ, какъ будто пополамъ съ лѣнью, какъ-то не по нашему, не по солдатски!

ЗАДЕКА.

Послѣ этого дѣлай, какъ знаешь. По крайней мѣ-

рѣ дай взглянуть на надпись записки, чтобъ увѣриться, къ кому она адресована.

СТОРОЖЪ.

Вотъ это дѣло другое. (*вынимая и подавая записку*). Взгляните-ка въ самомъ дѣлѣ, точно ли это къ князю тьмы, прости Господи!

ЗАДЕКА, (*приподнимая фонарь взглядываетъ на записку*).

Тутъ нѣтъ никакой надписи? къ кому жъ это? (*Въ это время князь проходитъ сзади разговаривающихъ, вслушивается въ ихъ слова и, выхвативъ записку съ словами: «это ко мнѣ!» скрывается въ ту же минуту*).

СТОРОЖЪ.

Князь тьмы! князь тьмы! Постойте! держите! караулъ! караулъ! (*Убѣгаетъ за княземъ*).

—

V.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, ЗАДЕКА, потомъ ГОФЪ-КОММИСАРЪ СЪ СОЛДАТАМИ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*въ страхѣ*).

Мартынъ Мартынычъ?

ЗАДЕКА, (*радостно*).

По крайней мѣрѣ я его видѣлъ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Да, да, мы не то еще увидимъ, не того дождемся! (*увидя солдатъ*). Такъ и есть! солдаты! караулъ!... чортъ возьми! этого не доставало!

КОММИСАРЪ.

Господа! сдавайтесь! кто изъ васъ князь тьмы, котораго мы ищемъ?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*Задекъ*).

Кончено! насъ подстерегли! насъ схватятъ и сошлютъ на послѣднюю черту государства!

КОММИСАРЪ, (*всматриваясь въ Третьяковскаго*).

Возможно ли! г. Третьяковскій! дорогой петербургскій знакомецъ! Какими судьбами? давно ли въ Москвѣ? зачѣмъ здѣсь, ночью, на кладбищѣ?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Г. гофъ-коммисаръ! истинно не знаю, какъ благодарить довольно оную судьбу, которая командировала сюда васъ, а не кого другаго. Причина нашей встрѣчи самая драматическая, даже самая трагическая! У здѣшняго пастора воспитывалась едва необрученная мнѣ невѣста. Вчера она съ своей пріятельницей, княжной Долгоруковой, отправилась на балъ.... и балъ кончился тѣмъ.... что ихъ обѣихъ похитили!

КОММИСАРЪ.

Похитили!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Да, да, г. коммисаръ, похитили со всѣмъ! на поралъ похитили!

КОММИСАРЪ.

Какое счастье!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

И вы называете это счастьемъ?

КОММИСАРЪ.

Счастьемъ, невѣроятнымъ счастьемъ, г. Третьяковскій. Узнайте, что князь Долгоруковъ былъ всегда моимъ благодѣтелемъ. За нѣсколько часовъ, при шумномъ паденіи его родственниковъ, его хотѣли видѣть, разпросить и онъ ни гдѣ не отыскался. Тутъ невольно возникли подозрѣнія и всѣ считаютъ, что онъ скрылся какъ виновный, избѣгая преслѣдованія и наказанія. Судите жъ, не радостно ли мнѣ узнать настоящую причину его отсутствія: Изъ мнимаго преступника, онъ является отчаяннымъ отцомъ, у котораго похитили единственную дочь, онъ ее ищетъ, не находитъ и проситъ не о пощадѣ, но о покровительствѣ. Дайте, дайте, обнять васъ за радостную новость, я бѣгу сообщить ее графу Левенвольду. Онъ человѣкъ добродушный, хорошъ съ княземъ и вѣрно поспѣшитъ оправдать его въ глазахъ герцога. Прощайте, г. Третьяковскій. (*уходитъ съ солдатами*).

VI.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, ЗАДЕКА.

ЗАДЕКА.

Я говорилъ вамъ, что все къ лучшему!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Мартынъ Мартынычъ! въ послѣдній разъ! не выводите меня изъ терпѣнья! Послѣ всего, со мной случившагося, по вашей милости, я не постигаю, какимъ образомъ я еще вижу, слышу, держусь на ногахъ и не разтянулся на этомъ проклятомъ кладбищѣ!

ЗАДЕКА.

Все пройдетъ, все пройдетъ; успокойтесь, присядьте и отдохните, г. профессоръ. Повѣрьте, что утренній вѣтеръ, который шипко меня прохватываетъ, освѣжитъ и васъ безъ сомнѣнія.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*облокачиваясь на Задеку*).

Дѣйствительно, зефиры, которые вѣютъ своимъ сладкимъ благоуханіемъ, вѣроятно возобновятъ и мои разслабленные силы. (*Онъ садится на одну изъ гробницъ*).

ЗАДЕКА, (*глядя вдаль*).

О, о! да ужъ примѣтно разсвѣтаетъ; вотъ и Москва! Василій Кирилычъ! взгляните на бѣлокаменную!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Да, мѣстечко очень пріятное..... котораго мѣстоположеніе есть удивительное!

ЗАДЕКА.

Посмотримъ теперь, что-то понаписано на этихъ гробницахъ. (*читаетъ*). Доброму отцу, доброму супругу, доброму .... все добрые! Это утѣшительно. (*продолжая читать*). Добродѣтельной матери....

все добродѣтельные! это удивительно! Родъ человѣческій видимо исправился.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Если и неисправился, то сіе доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что стоитъ умереть, чтобъ съ нимъ помириться.

—

VII.

ТѢЖЕ, МОЛОДОЙ БРЮСЪ съ ДѢВИЦАМИ, (*послѣдніи быстро пробѣгаютъ чрезъ всю сцену къ крыльцу пастора и стучатся въ дверь*).

БРЮСЪ.

Честь и слава моимъ храбрымъ спутницамъ.

КНЯЖНА.

Развѣ Машинькѣ, а я страшная трусиха.

МАШИНЬКА.

Да, но не на кладбищѣ и не въ эту пору.

БРЮСЪ.

Что-жъ это значитъ, намъ не отворяютъ?

(*Задека и Третьяковскій, примѣтя новыя лица, вытягиваются и даже встаютъ на могилы, чтобы разсмотрѣть хорошенько*).

КНЯЖНА, (*оглянувшись*).

Ахъ, Боже мой! и здѣсь какія-то люди.

МАШИНЬКА.

Въ самомъ дѣлѣ! Княжна, посмотрите.... они выше, выше, они ростутъ, какъ привидѣнія!

БРЮСЪ.

Стыдитесь! они вѣрно здѣшніе.

КНЯЖНА.

Богъ знаетъ! но намъ все-таки не отворяютъ!

МАШИНЬКА.

Всѣ спятъ, по этому крыльцу рѣдко ходятъ и мы, право, здѣсь недостучимся; главный входъ у насъ съ улицы.

КНЯЖНА.

Но я совсѣмъ измучилась.

МАШИНЬКА.

И я также. Александръ Романычъ! ради Бога.... потрудитесь!

БРЮСЪ.

Но какъ же я васъ оставлю?

КНЯЖНА.

Это правда.

МАШИНЬКА.

Но мы дома, на крыльцѣ и намъ сей-часъ отворятъ...., бѣгите, бѣгите, Александръ Романычъ: на лѣво, на углу улицы.

БРЮСЪ, (*убѣгая*).

Не бойтесь, не бойтесь, я ворочусь въ минуту.

—

IIIV.

ТѢЖЕ, кромѣ **БРЮСА, ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, ЗАДЕКА,** (*приближаясь*).

ЗАДЕКА.

Странное явленіе!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Да, да, онѣ такъ скоро шли, что почти летѣть такъ невозможно, и идучи говорили и чинили изрядный шумъ.

КНЯЖНА.

Машинька! они подходятъ.

МАШИНЬКА, (*всматриваясь*).

Возможно ли! я узнаю ихъ, не бойтесь! это Третьяковскій!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*всматриваясь также*).

Я не вѣрю глазамъ моимъ, кого я вижу! чудо! истинное чудо!

ЗАДЕКА.

Что-жъ такое?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Представьте, что сіи наипрекраснѣйшія госпожи не иныя кто, какъ тѣ самыя, оныя, вышеупомянутыя, которыхъ мы видѣли въ графскомъ кабинетѣ!

ЗАДЕКА.

Быть не можетъ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*съ жаромъ*).

Да, да, я узнаю ту самую персону, которая станомъ и величавостью походитъ на нѣкую богиню, отъ которой изходитъ сіянье, ослѣпляющее мои очи, и которая возжигаетъ любовный огонь, снѣдающій мое сердце!

КНЯЖНА.

Да что-жъ онъ вретъ, Машинька?

МАШИНЬКА.

Я ничего не понимаю.

ЗАДЕКА.

Странный случай!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Вы видите, по крайней мѣрѣ, что я правъ: это не куклы, не автоматы....

ЗАДЕКА, (*таинственно*).

Да, да, не куклы, а ночные существа.... совсѣмъ другаго рода.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*съ жаромъ*).

Я вамъ открою глаза послѣ этого и во чтобъ ни стало, рѣшусь подойти и объясниться съ сими наипрекраснѣйшими дѣвицами.

ЗАДЕКА.

Кто-жъ вамъ мѣшаетъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Мѣшаетъ токмо то, что я до сихъ поръ съ дамскимъ поломъ.... не имѣлъ почти ни какого обходительства. Сіе будетъ первый мой дебютъ съ сими госпожами и потому дайте мнѣ придумать, какую бы позицію принять, чтобъ показать себя болѣе привлекательнымъ.

ЗАДЕКА.

Разумѣется.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*оправляясь, приближается*).

Подступаю ближе, весь дрожа, къ онымъ наипрекраснѣйшимъ дѣвицамъ.... (*Между тѣмъ, изъ внутри имъ отворяютъ двери и онѣ при первомъ словѣ Третьяковскаго: «милостивѣйшія госуда-*

рыни!» въ минуту скрываются, а Третьяковскій продолжаетъ):

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Милостивѣйшія государыни!.... (*взглядывая*). Возможно ли! Мартынъ Мартынычъ! онѣ исчезли!

ЗАДЕКА.

Онѣ исчезли! я ожидалъ этого.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Вы ожидали?

ЗАДЕКА, (*схватывая Третьяковскаго за руку*).

Василій Кирилычъ, берегитесь!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Какъ, что, для-чего, почему опятъ сомнѣнье, явленье, привидѣнье по вашему?

ЗАДЕКА, (*таинственно*).

Вы знаете, что въ англійскихъ газетахъ нынѣшняго года ясно доказано существованіе вампировъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Но что-жъ изъ этого?

ЗАДЕКА.

По странному явленью этихъ полунощницъ, сперва въ графскомъ кабинетѣ, а потомъ на кладбищѣ, я утвердительно заключаю, что онѣ.... ничто иное, какъ женщины-вампиры!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Вампиры!

ЗАДЕКА.

Да, вампиры, которые преслѣдуютъ, впиваются и высасываютъ кровь нашу.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Чортъ возьми! я жалѣю, что онѣ до послѣдней капли не высосали вашей по сіе время!

БРЮСЪ, (*увѣдомленный дѣвицами, проворно отворяетъ тужe самую дверь, въ которую онѣ скрылись и, непоказываясь, кричитъ*).

Василій Кирилычъ! Мартынъ Мартынычъ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Что я слышу!....

ЗАДЕКА.

Зовутъ по имени! (*Бросаясь опрометью*). Спасайтесь, спасайтесь! Вампиры насъ преслѣдуютъ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*оглядываясь*).

Онъ удралъ....варваръ! чего же и мнѣ дожидаться послѣ этаго! (*Убѣгаетъ за Задекою*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КНЯЗЬ ТЬМЫ.

Пріемная графа Брюса.

I.

КОНДРАТЬИЧЪ, ѲОМА.

ѲОМА.

Ну ужъ ночька! дивлюсь, право, какъ вы по сіе время съ ногъ не свалились, Иванъ Кондратьичъ!

КОНДРАТЬИЧЪ.

Эхъ, братецъ! не въ томъ дѣло! Боюсь, чтобъ съ графомъ не случилось чего дурнаго.

ѲОМА.

Ну вотъ! еще бы! съ нимъ отправился Андрей, а этотъ гайдукъ хоть кого на плечахъ вынесетъ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Оно и такъ, а все, судя по времени, выходитъ какъ-то не ладно.

ѲОМА.

Что не ладно, такъ ужъ сильно не ладно, Иванъ Кондратьичъ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

А что-жъ по твоему?

ѲОМА.

А что-жъ по вашему?.... то-то и есть, не хорошо,

це по лѣтамъ, воля ваша, не по лѣтамъ, Иванъ Кондратьичъ. Примѣръ дѣло великое. Оно такъ и вышло: глядя на графа, весь домъ разбѣжался.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Ума не приложу!.... куда, зачѣмъ, по сіе время? Истинно, дѣло не бывалое.

ѲОМА, (*поглядывая на кабинетъ*).

Со вчерашняго вечера перебывало здѣсь много не бывалаго.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Ѳома! ты слышалъ—ни слова!

ѲОМА.

Ой ли? поздно хватились! вы думаете онѣ здѣсь? дожидайтесь, поминайте какъ звали, Иванъ Кондратьичъ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Ахти! неужли! да куда жъ онѣ дѣвались?

ѲОМА.

То-то и есть.... «ѣхала кума невѣдома куда». Вчера, знаете, лишь только я расположился здѣсь, чтобы дождаться графа, вдругъ слышу, что потихоньку отворилась дверь изъ кабинета; я будто сплю, одинмъ глазомъ жмурюсь, другимъ присматриваю. Вотъ оттуда, украдкой, вышелъ Александръ Романовичъ, взглянулъ, увидѣлъ меня, пріосамился. «Ѳома! пожалуйста выди отсюда!» — «Помилуйте! да куда же Александръ Романовичъ?» — «Вонъ! говорятъ тебѣ!» — Что-жъ тутъ прикажите? дѣлать было нечего — я вышелъ. Хоть господа крѣпко не любятъ, чтобы наша братья за ними присматривала,

но виноватъ — не утерпѣлъ, Иванъ Кондратьичъ. Вы сами знаете, что у насъ въ домѣ спроста ни чего не дѣлается, такъ поневолѣ лукавый вотъ такъ и тянетъ ко всякой щелкѣ. Лишь только я вышелъ, онъ опять къ кабинету, что-то шепнулъ, и вотъ оттуда — шмыгъ одна, шмыгъ другая, и прямо на лѣстницу. Онъ заперъ кабинетъ, кликнулъ меня; я былъ не за горами. «Ѳома!» сказалъ онъ: «отдай этотъ ключь дядюшкѣ и скажи, чтобы онъ небезпокоился».

КОНДРАТЬИЧЪ.

Смотри, Ѳома, чтобъ и намъ, чего добраго, за это не досталось.

ѲОМА.

Еще бы!.... пустилъ козла въ огородъ, да мы же виноваты!

КОНДРАТЬИЧЪ.

Кажись, кто-то подъѣхалъ?

ѲОМА.

Вѣрно его сіятельство. (*Бѣгутъ на встрѣчу*).

—

II.

ТѢЖЕ, ГРАФЪ ВРЮСЪ.

ГРАФЪ.

Скорѣй позвать племянника.

ѲОМА.

Онъ..... приказалъ вамъ кланяться, ваше сіятельство.

ГРАФЪ.

Приказалъ кланяться.... что это значитъ?

ѲОМА.

Александръ Романовичъ изволилъ уѣхать; велѣлъ отдать вашему сіятельству вотъ этотъ ключъ и сказалъ, чтобъ вы не изволили безпокоиться.

ГРАФЪ, (*взявъ ключъ*).

Это странно! (*Подходя къ кабинету*). Скорѣй, скорѣй къ моимъ затворницамъ. (*отворяя ключемъ дверь*). Я замѣшкался, онѣ однѣ, безъ прислуги, безъ женщины — это невозможно. Въ торопяхъ я дурно распорядился и вижу, что имъ невозможно здѣсь оставаться. (*Входитъ въ кабинетъ*).

ѲОМА, (*Кондратьичу*).

Хорошо ли я сдѣлалъ, что смолчалъ о барышняхъ?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Увидитъ, такъ самъ догадается.

ГРАФЪ, (*выходя изъ кабинета, говоритъ про себя*).

Что-жъ это? шутка или настоящее похищеніе?

ѲОМА, (*тихо Кондратьичу*).

Видно.... шибко забрало, Иванъ Кондратьичъ?

ГРАФЪ.

Эй! вы оба! слышите ли, куда дѣлись.... понимаете! куда, дѣвался мой племянникъ?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Его провожалъ Ѳома, ваше сіятельство.

ѲОМА, (*про себя*).

Ну такъ и есть! Какъ худо, такъ и Ѳома!

ГРАФЪ, (*Ѳомѣ*).

Ты слышалъ! куда дѣвался племянникъ?

ѲОМА.

Я докладывалъ, что скрылся, изволилъ уѣхать.

ГРАФЪ.

И онъ уѣхалъ не одинъ—разумѣется?

ѲОМА.

Онъ въ это время изволилъ выслать меня изъ комнаты, такъ я не могъ видѣть барышень....

ГРАФЪ.

Какихъ барышень? Слышите ли, у меня нѣтъ, у меня и не бывало ни какихъ барышень!

ѲОМА.

Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ваше сіятельство.

ГРАФЪ.

Смотрите же! (*Про себя*). Онѣ уѣхали съ нимъ вѣрно къ пастору — иначе быть не можетъ. Тѣмъ лучше, что онѣ еще болѣе поддержатъ мою выдумку. (*Вслухъ*). Я увѣренъ, однако-жъ, что кромѣ Александра никто не былъ въ моемъ кабинетѣ?

КОНДРАТЬИЧЪ.

Развѣ по лѣстницѣ Мартына Мартыныча....

ГРАФЪ.

О! этотъ не впуститъ посторонняго.

ѲОМА.

Богъ вѣсть.... всякое бываетъ, ваше сіятельство....

ГРАФЪ.

Что-жъ это значитъ?

ѲОМА.

Да то.... вотъ изволите видѣть, что Мартынъ Мартынычъ не дальше, какъ сегодня ночью съ пріѣзжимъ гостемъ взобрался не только въ кабинетъ, но даже на каланчу вашего сіятельства.

БРЮСЪ.

И ты это видѣлъ?

ѲОМА.

Какъ теперь вижу, ваше сіятельство.

ГРАФЪ.

Безъ моего позволенія! О! это ужъ слишкомъ, г. Задека. Я держалъ тебя, какъ собаку отъ воровъ, а ты за одно съ ворами. Это предательство, подлость, шпіонство. Нѣтъ, чортъ возьми! съ глазъ долой, вонъ изъ дому послѣ этаго!

КОНДРАТЬИЧЪ.

Давно бы пора, давно бы пора, ваше сіятельство.

БРЮСЪ.

Если пора, зачѣмъ же вы оба молчали!

КОНДРАТЬИЧЪ.

До сихъ поръ я самъ не зналъ, какъ много онъ вредитъ доброму имени и славѣ вашего сіятельства.

ГРАФЪ.

Задѣка! педантъ, сумашедшій можетъ вредить славѣ Брюса!

КОНДРАТЬИЧЪ.

Истинно вредитъ въ глазахъ простаго народа, ваше сіятельство! не дальше, какъ вчера самъ Ѳома и видѣлъ, и слышалъ, какъ онъ перепугалъ народъ и что, по милости его, объ насъ толкуютъ.

ГРАФЪ.

Я не замедлю прекратить всѣ эти бредни. Сейчасъ, сей-часъ ко мнѣ и того, и другаго, если они воротились. (*Ѳама уходитъ*).

—

III.

ТѢЖЕ, ПАСТОРЪ.

ПАСТОРЪ, (*вбѣгая*).

Она пропала, пропала! ее увезли, похитили; на васъ, на васъ однихъ моя надежда, Яковъ Виллимовичъ.

ГРАФЪ.

Успокойтесь, успокойтесь, г. пасторъ: ручаюсь, что ваша Машинька сегодня же воротится.

ПАСТОРЪ.

Я обѣгалъ всѣхъ.... спрашивалъ, узнавалъ, никто не знаетъ! ни слуху, ни духу, Яковъ Виллимовичъ.

ГРАФЪ.

Боже мой! (*про себя*). Во что бы ни стало.... но для пользы князя, я выдержу и не скажу ни слова,

ПАСТОРЪ.

Вы знаете: я любилъ, берегъ ее, какъ дочь родную.

ГРАФЪ.

Все знаю, и даже больше, чѣмъ вы думаете.... дайте только время пройти общему страху и все объяснится само собою.

ПАСТОРЪ.

Богъ вамъ судья! Вы, вы одни всему причиной, г. фельдмаршалъ!

ГРАФЪ.

Я? г. пасторъ! но почему жъ бы это?

ПАСТОРЪ.

А кто познакомилъ, сдружилъ мою Машиньку съ вашею княжною? Вотъ вамъ и княжна! вотъ вамъ и выѣзды, и танцы, и образованность, вотъ вамъ страхъ Божій, вотъ вамъ знатные бары!

ГРАФЪ.

Боже мой! не будьте такъ скоры на обвиненія, г. пасторъ. Ради Бога! не смѣшивайте настоящихъ баръ съ временщиками или съ чиновными пролазами. Прямой русскій баринъ не таковъ, какъ вы думаете. Онъ баринъ по рожденію, по воспитанію, по дѣламъ, по богатству. Онъ не возносится и не раболѣпствуетъ; онъ служитъ царю, не забывая народа, любя Россію; творитъ судъ, несмотря на лица; стоитъ за правду, невзирая на сильныхъ. Имя его — возгласъ потомства, дѣла его—принадлежность исторіи. Таковъ Долгоруковъ и таковы русскіе бары временъ Петра Великаго.

ПАСТОРЪ.

Виноватъ, виноватъ, но сами разсудите, что подумаютъ, что заговорятъ обо мнѣ послѣ такихъ ужасовъ!

ГРАФЪ.

Зная васъ, никто не скажетъ ничего дурнаго. Повторяю, успокойтесь и обождите.

ПАСТОРЪ.

Нѣтъ, воля ваша! я не оставлю этого вопіющаго дѣла; буду просить, жаловаться и всюду искать и преслѣдовать похитителя!

—

IV.

ТѢЖЕ, СЛУГА, за нимъ **ГРАФЪ ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.**

СЛУГА.

Графъ Левенвольдъ!

БРЮСЪ.

Графъ Левенвольдъ! такъ рано, что это значитъ?

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ, (*входя*).

Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти, г. фельдмаршалъ.

БРЮСЪ.

Тѣмъ лучше! добрый геній всегда спѣшитъ на встрѣчу скорбящимъ. Эй, стулья!

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

А! г. пасторъ! добраго здоровья! (*садясь*). Слу-

шайте же и порадуйтесь, Яковъ Вилимовичъ, вамъ извѣстно, чему было подвергся вашъ пріятель, князь Михаилъ Владиміровичъ?

БРЮСЪ.

Друзья Брюса, какъ и онъ самъ, всегда вѣрно служили своимъ государямъ. Ручаюсь, что князь ни когда не былъ властолюбцемъ и не принадлежалъ къ господствовавшей партіи.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Очень вѣрно. Но его близкое родство, его внезапное отсутствіе....

БРЮСЪ.

Боже мой! не спѣшите казнить, не выслушавъ человѣка! иначе.... зависть, мщенье и клевета погубятъ каждаго.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Вѣрю, вѣрю! Но представьте же мою радость, когда я узналъ о настоящей причинѣ его отсутствія....

БРЮСЪ.

То есть, что у него увезли дочь?

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ, (*двусмысленно*).

Разумѣется.

ПАСТОРЪ.

И мою Машиньку, и мою Машиньку, ваше сіятельство!

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Да, да.... что ихъ увезли обѣихъ и вы всѣ бросились ихъ отыскивать. Натурально, это извѣстіе я незамедлилъ сообщить герцогу; подозрѣнія въ минуту разсѣялись и онъ приказалъ мнѣ не толь-

ко успокоить князя на счетъ его милости, но во чтобы ни стало отыскать и дочь, и похитителя.

ПАСТОРЪ.

И мою Машиньку?

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Разумѣется.

БРЮСЪ.

Дайте же, дайте же обнять васъ, любезный графъ, за такое радостное извѣстіе.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Повѣрьте, что такимъ удачнымъ оборотомъ этого дѣла я самъ обрадованъ чрезвычайно. Услуга, однако-жъ, требуетъ взаимности, и потому я увѣренъ, что и вы мнѣ.... кой въ чемъ не откажите.

БРЮСЪ.

Безъ всякаго сомнѣнія.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Надобно знать, что я имѣю до васъ двѣ просьбы.

БРЮСЪ.

Сдѣлайте милость.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Вы знаете, какого здѣсь шуму надѣлалъ вашъ столѣтній календарь, наполненный разными предсказаніями. Кабинетъ вашъ возбуждаетъ такое же любопытство. Между нами, императрица немножко суевѣрна, а съ тѣхъ поръ, какъ нѣкто, Бухнеръ, издатель альманаховъ, напророчилъ ей престолъ, на который она взошла такъ неожиданно, вѣрованье ее въ таинственные гороскопы примѣтно усилилось. Повѣрьте, что меня на счетъ ваше-

го кабинета забрасываютъ вопросами, и я, ни чего не зная, нахожусь въ странномъ положеніи для начальника полиціи.

ВРЮСЪ.

Это правда.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

И такъ, первая моя просьба состоитъ въ томъ, чтобы вы меня, съ полною довѣренностью, познакомили со всѣми таинствами вашего кабинета.

ВРЮСЪ.

Съ удовольствіемъ! Я самъ даже думалъ объ этомъ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; не такъ ли?

БРЮСЪ.

Пожалуй, хоть сегодня.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Честное слово?

ВРЮСЪ.

Кончено! но въ чемъ же заключается ваша вторая просьба?

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

О второй вы сами догадаетесь: она состоитъ въ томъ, чтобы вы пособили мнѣ какъ можно поскорѣе отыскать и князя, и всѣхъ виноватыхъ.

ВРЮСЪ.

Что до князя, то онъ безъ сомнѣнія скоро воротится.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

А дѣвицы и ихъ похитители?

ПАСТОРЪ.

Злодѣи, заслуживающіе примѣрнаго наказанія!

БРЮСЪ.

Эхъ, г. пасторъ!... вспомните: «нѣсть милости, не сотворившему милости.»

ПАСТОРЪ.

Всѣ мы люди, всѣ человѣки, Яковъ Виллимовичъ.

БРЮСЪ.

То-то и есть!...

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Кого же, однако, вы подозрѣваете, графъ, въ этомъ похищеніи?

БРЮСЪ.

До времени я желалъ бы лучше смолчать объ этомъ; но, по обстоятельствамъ, вынужденъ сказать вамъ: что въ увозѣ княжны я не подозрѣваю ни кого другаго, кромѣ Брюса.... моего племянника.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Александра Романовича?

БРЮСЪ.

Вы знаете, онъ былъ въ нее влюбленъ, даже сватался.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Знаю, знаю; я знаю даже и больше этого.

БРЮСЪ.

Даже и больше? а что-жъ бы такое?

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

А то, что княжну увезъ не Александръ Романовичъ, (*на ухо*) а нашъ фельдмаршалъ.

БРЮСЪ.

Графъ! ради Бога!

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Вы видите, что полиція не такъ близорука и не такъ зла, какъ думаютъ иные.

БРЮСЪ.

Графъ! дайте руку!

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Отъ всего сердца! невинная мистификація ваша помогла князю — и съ Богомъ!

БРЮСЪ.

Но пока я не увижусь и не соглашусь съ нимъ, мнѣ необходимо поддержать начатое, (*показывая на пастора*) особенно при свидѣтеляхъ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Разумѣется, а мы пособимъ.

ПАСТОРЪ, (*подходя*).

Не мѣшаю ли я секретнымъ разговорамъ вашихъ сіятельствъ?

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Помилуй! ничего не бывало, любезнѣйшій! Да скажите жъ, графъ, когда же Александръ Романовичъ успѣлъ пріѣхать изъ Петербурга?

БРЮСЪ.

Не позже, какъ вчера вечеромъ, вмѣстѣ съ поэтомъ Третьяковскимъ.

ПАСТОРЪ.

Съ Третьяковскимъ! который сватался за Машиньку!

левенвольдъ, (*графу*).

Такъ вы серьёзно полагаете, что княжна увезена....

брюсъ.

Ни кѣмъ другимъ, какъ Брюсомъ.

пасторъ.

А Машинька? ни кѣмъ другимъ, какъ Третьяковскимъ!

брюсъ.

Господинъ пасторъ!...

пасторъ.

Повѣрьте, повѣрьте, что я подозрѣваю не безъ основанія, ваше сіятельство. Онъ сватался за нее и я не соглашался. Теперь онъ скрытно пріѣхалъ съ Александромъ Романовичемъ; остановился съ Александромъ Романовичемъ; этотъ увезъ княжну, ея пріятельницу—спрашивается: кто же увезъ мою Машиньку?

брюсъ.

Конечно, впрочемъ, (*увидя входящаго Третьяковскаго*) чего жъ лучше.... вотъ и самъ господинъ Третьяковскій — для дальнѣйшихъ объясненій.

—

V.

ТѢЖЕ, ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, ЗАДЕКА.

третьяковскій, (*Брюсу*).

Едва мы возвратились съ Мартыномъ Марты-

нычемъ, какъ намъ объявили, что ваше сіятельство немедленно требовать насъ изволили.

БРЮСЪ, (*серьезно*).

Да, сударь, васъ ждетъ графъ Левенвольдъ, главный начальникъ здѣшней полиціи.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*раскланиваясь*).

Сіе весьма удивительно.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Ни сколько, когда узнаете причину. Мнѣ нужно съ вами покороче познакомиться.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Весьма лестно!... (*Задекѣ*) Мартынъ Мартынычъ! сія внезапная перемѣна въ графскомъ обращеніи и.... главный начальникъ полиціи, которому нужно *покороче* со мной познакомиться, ни чего, мнѣ кажется, не предвѣщаетъ добраго.

ЗАДЕКА, (*тихо*).

Отчего жъ.... почему жъ.... легко можетъ статься.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Что намъ.... весьма можетъ достаться.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ, (*Брюсу*).

А кто жъ этотъ другой съ господиномъ Третьяковскимъ?

БРЮСЪ.

Нѣкто господинъ Задека, мой библіотекарь — покуда.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

А! знаменитый колдунъ московскій.

ЗАДЕКА.

Ваше сіятельство, это шутки...

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Какія тутъ шутки, я сбирался даже предостеречь графа....

ЗАДЕКА.

Ваше сіятельство....

БРЮСЪ.

Молчать! господинъ колдунъ-самозванецъ! мы скоро покончимъ съ тобой инымъ образомъ.

ЗАДЕКА, (*про себя*).

Чортъ возьми! это недаромъ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Господинъ Третьяковскій! герцогъ Курляндскій.... (*Третьяковскій вздрагиваетъ*). Слышите ли, герцогъ Курляндскій строжайше приказалъ мнѣ, во что бы ни стало, отыскать похитителей княжны и дѣвицы Сибилевой.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Весьма правосудно!

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Безъ всякаго сомнѣнія; но вотъ въ чемъ дѣло: вы пріѣхали вчера въ Москву съ графскимъ племянникомъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Такъ точно.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Вмѣстѣ съ нимъ остановились?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Такъ точно.

БРЮСЪ.

Прибавьте: всю ночь скрывались вмѣстѣ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ваше сіятельство!...

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ, (*Третьяковскому*).

Стачка, явная стачка! Господинъ Третьяковскій! графскій племянникъ былъ влюбленъ въ княжну....

ПАСТОРЪ.

Господинъ Третьяковскій сватался за дѣвицу Сибилеву.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Брюсъ увезъ первую — спрашивается: кто-же увезъ вторую?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ваше сіятельство, помилуйте! изъ чего, почему?... въ моей невинности я свидѣтельствуюсь господиномъ астрологомъ, съ которымъ во все это время я былъ неразлученъ.

БРЮСЪ.

Участникъ, милостивый государь, не можетъ быть свидѣтелемъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ваше сіятельство, пощадите! за что-жъ вдругъ такая явная немилость?

БРЮСЪ.

У кого совѣсть чиста, тому и бояться нечего.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Всеконечно.... однако-жъ.... весьма случается....

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Оставимъ фразы, господинъ Третьяковскій.

Мнѣ нужны не слова, а доказательства. И такъ, гдѣ жъ вы провели нынѣшнюю ночь?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*Задекѣ*).

Это допросъ, формальный допросъ, Мартынъ Мартынычъ.

ЗАДЕКА, (*тихо*).

Ради Бога, не проговоритесь.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Повторяю: гдѣ жъ вы провели нынѣшнюю ночь, господинъ Третьяковскій?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ваше сіятельство.... я всю ночь бесѣдовалъ съ господиномъ астрологомъ, а потомъ мы совокупно отправились на нѣмецкое кладбищѣ.

ПАСТОРЪ, (*про себя*).

Такъ и есть! прямо къ моему дому.

БРЮСЪ.

А развѣ вы не были въ моемъ кабинетѣ, господинъ Третьяковскій?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*всторону*).

Въ кабинетѣ!

ЗАДЕКА.

Я погибъ!

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Чего жъ больше? при первыхъ вопросахъ вы оба сбились въ вашихъ показаніяхъ. И такъ, сударь, съ какою же цѣлью вы были въ графскомъ кабинетѣ?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Клянусь! изъ одной любознательности, ваше сіятельство.

БРЮСЪ.

Ничего не бывало. Пустой отводъ, пустое оправданье!

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Кончено, кончено, все противъ васъ и всякое притворство напрасно, господинъ Третьяковскій.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ваше сіятельство, помилуйте! да что-жъ это въ самомъ дѣлѣ? что-жъ это значитъ? что-жъ я за жертва?

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Послушайте, если вы не похититель, то, по крайней мѣрѣ, явный участникъ. Я даю вамъ 2 часа времени: если въ этотъ срокъ виноватый не отыщется, тогда не пеняйте.... (*тихо*) Герцогъ не шутитъ, Тайная Канцелярія также! (*вслухъ*) Прощайте и подумайте хорошенько.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*Задекъ*).

Тайная Канцелярія!

БРЮСЪ.

Знаете что, графъ?... мнѣ бы хотѣлось какъ можно поскорѣе поблагодарить герцога за его милостивое участіе въ судьбѣ князя; нельзя ли намъ отправиться вмѣстѣ—какъ вы думаете?

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Почему жъ не такъ, я очень радъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ваше сіятельство! въ послѣдній разъ умоляю, пощадите и не спѣшите невиннымъ осужденіемъ.

БРЮСЪ.

Это по-дѣломъ вамъ, г. поэтъ, за всѣ ваши выходки.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Не безпокойтесь! г. поэтъ скоро запоетъ другимъ голосомъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*Задекъ*).

И даже въ канцеляріи!

ПАСТОРЪ, (*Брюсу*).

Ваше сіятельство! нельзя ли и мнѣ, съ моей жалобой, прибѣгнуть лично къ герцогу?

БРЮСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, это совершенно напрасно. Скорѣй, скорѣй домой, гдѣ ожидаетъ васъ радостное свиданіе.

ПАСТОРЪ.

Дай Богъ, чтобъ вышло по вашему.

БРЮСЪ.

Мои предсказанія довольно часто сбываются.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Пойдемте же графъ!

БРЮСЪ.

Я готовъ. Эй, Кондратьичъ! не забудь прибрать мой кабинетъ, чтобъ показать его графу.

(*Уходятъ*).

—

VI.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, ЗАДЕКА.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Что съ чего начать? къ кому прибѣгнуть? я одурѣлъ, я теряюсь, я совершенно потерялся, Мартынъ Мартынычъ!

ЗАДЕКА.

Дѣйствительно.... этотъ герцогъ и эти угрозы.... эта канцелярія....

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Слишкомъ, слишкомъ щекотливо! Скорѣй писать, скорѣй писать, Мартынъ Мартынычъ!

ЗАДЕКА.

По моему, скорѣй искать, искать виноватыхъ, Василій Кирилычъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

И то правда. Скоропостижное время пролетитъ стрѣлою. Если въ назначенный срокъ бѣглецы не отыщутся, насъ схватятъ и уничтожутъ. Во что бъ ни стало, намъ надобно бѣжать, къ астрономъ....

ЗАДЕКА.

Бѣжать, скрыться, исчезнуть, провалиться сквозь землю, г. профессоръ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ясно, что фельдмаршалъ всего больше злится на насъ за посѣщеніе его кабинета... къ счастію, мы были не одни: съ нами былъ Делиль, его люби-

мецъ. Бѣгите къ нему: изобразите ему угрозы, опасность и уговорите его вступиться за насъ, запрятаться съ нами, гдѣ онъ придумаетъ. Между тѣмъ, я тотчасъ же напишу объясненіе для передачи графу и черезъ полчаса буду въ вашей комнатѣ.

ЗАДЕКА.

Прекрасно! пишите, пишите, а я сейчасъ отыщу Делиля. (*Уходитъ*).

—

VII.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*садясь къ письменному столу*).

Да, да, скорѣй къ дѣлу и грянемъ—чортъ возьми!... по цицероновски. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). «Вынуждаюсь вашему сіятельству и всему разумному свѣту сообщить и предложить сіе самое, на чистой совѣсти основанное, безъ ласкательства, законочистительное и вѣры достойное нижеслѣдующее объясненіе...» Хорошо, далѣе: «Неизвѣстные зложелатели, ради всеконечнаго раззоренія и крайней моей погибели, обвиняютъ меня въ похищеніи, якобы наипрекраснѣйшей дѣвицы, Марьи Филиповны Сибилевой. Но гдѣ же доказательства въ законопротивностяхъ нашихъ? — Ни какихъ! Гдѣ же свидѣтели? — Никого. Гдѣ же слѣды, гдѣ же улика, гдѣ же поличные, коихъ бы представить надлежало? — Ни какихъ не быва-

ло!» Славно! коротко, ясно и весьма прекрасно! «Сего ради, принявъ въ уваженіе мое званіе, мои труды по всѣмъ вѣтвямъ наукъ, особенно въ риторикѣ и піитикѣ, труды тяжкіе и многомаральные, а также и то обстоятельство, что къ наипрекраснѣйшимъ дѣвицамъ я никогда не подступалъ ближе черты, предписанной правилами благондравія, я всеуниженнѣйше прошу (*того-то и того-то*) въ заключеніе.... имѣю честь пребыть и наименоваться (*такимъ-то и такимъ-то*). (*Написавъ письмо*). Конечно, это письмо и торжественная моя ода убѣдятъ, тронутъ и спасутъ меня, безъ сомнѣнія. Что-жъ тутъ новаго? необыкновеннаго? удивительнаго? Правда.... остался неразгаданнымъ одинъ.... князь тьмы.... но и этотъ князь вѣроятно не что иное, какъ фабула.... фикція.... или просто какой нибудь пуфъ фантастическій! Теперь остается только не забыть, однако-жъ, отдать мое объясненіе. (*подходя къ дверямъ*). Эй! кто нибудь!.... лакей!... человѣкъ!.... люди!.... черти!...

—

VIII.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ, (*входя быстро*).

Берегитесь! чортъ легокъ на поминѣ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Князь тьмы!... Фу! кто это?

КНЯЗЬ, (*вслушавшись*).

А!... вы меня знаете?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Имѣлъ.... счастіе.... видѣть однажды.

КНЯЗЬ.

На кладбищѣ.... не такъ ли?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Такъ точно.

КНЯЗЬ.

Вы какъ будто встревожены?... что это за письмо? къ кому? не къ графу ли Брюсу?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Такъ точно.

КНЯЗЬ.

Тѣмъ лучше. Мы съ нимъ друзья, и я къ вашимъ услугамъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*застегиваясь*).

Вотъ такъ и лезетъ въ душу, какъ не застегивайся.

КНЯЗЬ.

Скажите, кто вы сами и въ чемъ ваше горе?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Я извѣстный поэтъ, Третьяковскій.

КНЯЗЬ.

А! знаю.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*про себя*).

Онъ знаетъ.... сіе письмо пріятно, по крайней мѣрѣ.

КНЯЗЬ.

А ваше горе?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Человѣческая злоба!

КНЯЗЬ.

Таковы люди, г. Третьяковскій.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Таковы дѣйствительно.

КНЯЗЬ.

Злой человѣкъ хуже чорта по моему.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*про себя*).

Одинъ чортъ на дьяволѣ!

КНЯЗЬ.

За что-жъ они васъ преслѣдуютъ?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Сіе превосходитъ всякое вѣроятіе, ибо меня преслѣдуютъ за похищеніе, яко бы нѣкоей прекраснѣйшей дѣвицы, въ чемъ я не виноватъ ни тѣломъ, ни душею.

КНЯЗЬ.

Но кто-жъ эта дѣвица?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Надобно знать, что сегодня ночью похитили дочь князя Михаила Владиміровича?

КНЯЗЬ.

Быть не можетъ, кто вамъ сказалъ это?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Сказалъ самъ фельдмаршалъ, сказалъ графъ Левенвольдъ.... Объ этомъ знаетъ герцогъ, императрица, весь городъ!

КНЯЗЬ.

Продолжайте, продолжайте.... кто-жъ, кто-жъ увезъ ее?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Въ похищеніи княжны подозрѣваютъ Александра Романовича Брюса....

КНЯЗЬ.

Возможно ли!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

А меня въ похищеніи дѣвицы Сибилевой!

КНЯЗЬ.

Не бойся! клевета предкнется, истинна восторжествуетъ. Долгоруковъ слишкомъ увѣренъ въ добрыхъ правилахъ своей дочери.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Ему хорошо, но мнѣ отнюдь не легче.

КНЯЗЬ.

Ему хорошо, но что-жъ тутъ хорошаго по вашему?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Именно то, что его искали, не нашли и заключили, что онъ скрылся какъ виновный, страшась преслѣдованій; когда-же открылась настоящая причина его отсутствія, то герцогъ приказалъ не только его успокоить, но даже, во что бы ни стало, отыскать и дочь, и похитителя.

КНЯЗЬ, (*про себя*).

Я теряюсь въ моихъ догадкахъ!.. намекъ графа въ его запискѣ.... эти слухи!... (*вслухъ*). Послушайте, послушайте, г. Третьяковскій: мнѣ нужно разспросить васъ обо всѣхъ подробностяхъ этого загадочнаго произшествія; здѣсь насъ могутъ видѣть, могутъ слышать, а мнѣ бы не хотѣ-

лось этого. Войдемте въ кабинетъ и вы мнѣ доскажете остальное.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Въ кабинетъ? въ графскій кабинетъ! ни за что на свѣтѣ.

КНЯЗЬ.

Но почему жъ?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Я знаю, что входъ въ него строжайше запрещенъ всякому постороннему.

КНЯЗЬ.

Со мной вамъ нечего бояться.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Можетъ быть, но я слуга покорный.

КНЯЗЬ, (*съ жаромъ, схватывая его за руку*).

Нѣтъ, сударь, вы слишкомъ подстрѣкнули мое любопытство, чтобъ отъ меня отдѣлаться.... Нѣтъ, вы не вырветесь, благо попалися въ мои кохти.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*про себя*).

Въ кохти! я это чувствую.

КНЯЗЬ.

За мной безъ всякихъ отговорокъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*про себя*).

Онъ вцѣпился, тащитъ, увлекаетъ.

КНЯЗЬ.

За мной, говорятъ вамъ, за мной! если бъ я звалъ васъ не только въ кабинетъ, хотя бы въ преисподнюю!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Въ преисподнюю!

князь, (*таща Третьяковскаго*).

Чортъ возьми! я теряю послѣднее терпѣнье!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Боже мой! за что-жъ я погибаю въ видѣ новаго Донъ-Жуана!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ОТКРЫТІЕ КАБИНЕТА.

Въ кабинетѣ.

I.

КНЯЗЬ, ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*входятъ*).

князь, (*садясь въ кресла*).

Теперь я знаю все, что мнѣ нужно было знать. Одно обстоятельство кажется мнѣ страннымъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

По всему, со мной случившемуся и вѣроятно.... произойти здѣсь имѣющему, сіе.... весьма естественно.

КНЯЗЬ.

Правда, этотъ кабинетъ не безъ чертовщины,

какъ сказываютъ; но я — не чортъ, по крайней мѣрѣ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

О! всеконечно.

КНЯЗЬ.

И такъ, вы утверждаете, что похищенныхъ дѣвицъ вы точно видѣли въ этомъ кабинетѣ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Весьма видѣлъ, и не дальше, какъ подъ сими самыми занавѣсами.

КНЯЗЬ, (*про себя*).

Нѣтъ сомнѣнія! это похищенье ничто иное, какъ выдумка, чтобъ поправить мою опрометчивость! (*вслухъ*) И потомъ тѣхъ же самыхъ дѣвицъ вы встрѣтили на кладбищѣ, не такъ ли?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Такъ точно; но, къ-сожалѣнію, однако-жъ я никакъ не могъ распознать ихъ гнусныхъ похитителей.

КНЯЗЬ.

Стало быть, Брюсъ увезъ обѣихъ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

По числу дѣвицъ, однако-жъ, ихъ долженствовало быть двое.

КНЯЗЬ.

А почему жъ? можетъ быть, онъ одинъ увезъ обѣихъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

А меня обвиняютъ въ похищеніи. Но, съ другой стороны, я не могу понять, какъ это можно

было... двухъ... въ одно время любить и двумъ въ одно время служить!

КНЯЗЬ.

Разумѣется, онъ любилъ и увезъ одну, а пріятельница уѣхала для компаніи.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Что я слышу! для компаніи! не для чего инаго... какъ для компаніи! Она невинна! Марья Филиповна невинна!

«О счастье, о восторгъ, о радость несказанна!

КНЯЗЬ, (*сторону*).

Правда, распущенные слухи слишкомъ обидны; они вредятъ даже доброму имени дочери, но дѣло шло о чести и жизни отца и чѣмъ бы она не пожертвовала для его спасенья! (*вслухъ*) Я слышу шумъ! Сюда идутъ. (*Увидя Задеку съ Делилемъ*) Что это за люди?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Господинъ астрономъ Делиль и графскій библіотекарь.

II.

ТѢЖЕ, ДЕЛИЛЬ, ЗАДЕКА, (*подымаясь съ нижней лѣстницы*).

ЗАДЕКА.

Князь тьмы! какая встрѣча.

ДЕЛИЛЬ, (*подходя*).

Князь Михаилъ Владиміровичъ!

ЗАДЕКА.

Возможно ли!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*про себя*).

Его зовутъ Михаилъ Владиміровичъ!

КНЯЗЬ.

Господинъ Делиль! очень радъ васъ видѣть.

ДЕЛИЛЬ.

Ваше сіятельство! до меня дошли ужасные слухи.

КНЯЗЬ, (*бросаясь въ кресла*).

Да, да, у меня увезли, похитили дочь и я — я просто въ отчаяньи, какъ вы видите!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*подходя къ Задекѣ*).

Мартынъ Мартынычъ! Мартынъ Мартынычъ! и вамъ не стыдно, не совѣстно послѣ этаго?

ЗАДЕКА.

Что-жъ за бѣда?. . я могъ ошибиться.

ДЕЛИЛЬ, (*подходя*).

Ну, что-жъ? Въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло, милостивые государи?

ЗАДЕКА.

Велика важность! человѣка принять за чорта.

ДЕЛИЛЬ.

Помилуйте!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Нѣтъ, что до этаго, позвольте, это ничего еще не значитъ.

ДЕЛИЛЬ.

Человѣка принять за чорта?...

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Конечно.... однако-жъ инаго.... смотря по человѣку.... воля ваша.... это можетъ случиться по крайней мѣрѣ... но наипрекраснѣйшихъ дѣвицъ принять за куколъ! принять за вампировъ и удрать отъ нихъ: «яко бѣсъ передъ заутріемъ!» воля ваша! это превосходитъ всякое вѣроятіе.

ЗАДЕКА.

Да что вы мнѣ толкуете.... удралъ, удралъ! а сами-то что... а?... То-то и есть, господинъ профессоръ.

ДЕЛИЛЬ, (*взглянувъ на часы*).

Господа! вспомните, однако-жъ, что срокъ, назначенный вамъ графомъ Левенвольдомъ, проходитъ, опасность приближается.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Да, да, рѣшимтесь, рѣшимтесь куда бѣжать и запрятаться.

(*Всѣ трое отходятъ въ середину театра*).

—

III.

ТѢЖЕ, КНЯЖНА съ МАШЕНЬКОЙ.

КНЯЗЬ, (*увидя дочь*).

Это она!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*увидя дѣвицъ*).

Это онѣ! мы спасены! какое счастье!

КНЯЖНА.

Батюшка! батюшка!

князь, (*видя присутствіе посторонних, старается перемѣнить тонъ и показаться грознымъ*).

Остановитесь, сударыня!

княжна.

Батюшка! что это значитъ?

князь.

И ты, и ты спрашиваешь еще, что это значитъ?

княжна.

Боже мой! я догадываюсь.... не вѣрьте, не вѣрьте этимъ обиднымъ слухамъ! Объ нихъ сей-часъ разсказалъ мнѣ почтенный пасторъ и я въ ту же минуту рѣшилась воротиться къ графу, чтобъ ихъ разсѣять и оправдаться.

третьяковскій, (*своимъ товарищамъ*).

Господа! сіе становится весьма любопытнымъ...

князь.

Напротивъ, сударыня.... эти слухи справедливы. Тебя увезъ, тебя похитилъ молодой Брюсъ, который тебѣ нравится; отчаянный отецъ бросился искать тебя, не нашелъ и послѣ этого ты хочешь еще оправдаться. (*тихо*) Настинька! это необходимо для моего спасенья!

княжна, (*падая на колѣни*).

Батюшка!

третьяковскій.

Какая сцена! Денгалія у ногъ Ликомеда!

МАШИНЬКА.

Ахъ, Боже мой! да что-жъ все это значитъ?

КНЯЗЬ, (*дочери*).

Встаньте, встаньте, сударыня! отецъ прощаетъ васъ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Дѣйствительно!

КНЯЗЬ.

Обойми его, поцѣлуй и все забыто!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Такъ и есть! живая натура!

КНЯЗЬ, (*подходя къ Машинькѣ*).

А вы, сударыня?...

МАШИНЬКА.

Дошла и до меня очередь! А я что-жъ такое сдѣлала?

КНЯЗЬ.

Вотъ ваша дружба, вотъ ваши совѣты! Вмѣсто того, чтобъ отговорить, удержать ее — вы сами отправились съ нею?

МАШИНЬКА.

А вамъ хотѣлось, чтобъ княжна уѣхала одна съ Александромъ Романовичемъ?

КНЯЗЬ.

Оставимъ, оставимъ это. Я простилъ дочь мою — этого довольно.

МАШИНЬКА.

Покорно васъ благодарю.

(*Князь, обнявъ дочь, отходитъ съ нею въ сторону*).

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*подходя*).

Марья Филиповна!

МАШИНЬКА.

Что вамъ угодно?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Марья Филиповна! я надворный совѣтникъ Третьяковскій.

МАШИНЬКА.

Очень рада!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Марья Филиповна! безъ васъ.... каждая минута казалась мнѣ за часъ, всякой часъ за день и всякой день — за цѣлый годъ!

МАШИНЬКА, (*про себя*).

Да, это ужасно!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Марья Филиповна! простите великодушно, если чрезъ блистаніе прекраснагó лица вашего, вы видите меня черезъ мѣру желающаго!

МАШИНЬКА, (*откланиваясь*).

Вы меня извините.... я, право, въ славянскомъ нарѣчіи не искусна!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Какой отвѣтъ!

«Безсчастная любовь! несносная противность!
И устремленна внутрь всякъ часъ нетерпѣливость!»

—

IV.

ТѢЖЕ, молодой **БРЮСЪ**.

БРЮСЪ.

Княжна! (*увидя князя*) И князь! и всѣ здѣсь... что-жъ это значитъ?

КНЯЗЬ.

Господинъ Брюсъ!... сюда, сюда, на расправу.

БРЮСЪ.

Князь!

КНЯЗЬ.

Да, сударь, вы увезли, слышите ли.... увезли, похитили дочь мою—и оправданья ваши напрасны. Но дѣло кончено, простивъ дочь, я прощаю всѣхъ и даже ея похитителя. Сюда! ближе, ближе и дайте же мнѣ обнять будущаго моего зятя.

БРЮСЪ.

Что я слышу!... (*бросаясь въ объятія князя*). Князь! Боже мой! ожидалъ ли я такого счастья!

КНЯЖНА.

Батюшка! Александръ Романовичъ!

БРЮСЪ, (*цѣлуя ей руку*).

Княжна! я схожу съ ума отъ радости!

КНЯЗЬ, (*обращаясь къ ученымъ*).

Господа! похищенныя дѣвицы нашлись, похититель также; стало быть, дѣло кончено и вамъ нечего бояться.

ДЕЛИЛЬ.

Тѣмъ лучше, радуюсь, благодарю и поздравляю.

БРЮСЪ.

Князь! позвольте представить вамъ моего добраго пріятеля, Василія Кириловича Третьяковскаго.

КНЯЗЬ.

Вотъ схватился! да мы ужъ и безъ тебя давно познакомились.

КНЯЖНА, (*взглянувъ на занавѣсъ*).

И я также.... вы помните, Василій Кириловичъ?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*про себя*).

Какая пытка!

БРЮСЪ.

А вы, Марья Филиповна?

МАШИНЬКА.

Помилуйте! ужъ куда же намъ бѣднымъ кукламъ знакомиться съ господами учеными!...

БРЮСЪ, (*Третьяковскому*).

Василій Кириловичъ! да что-жъ это значитъ?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*тихо*).

Не спрашивайте, не спрашивайте!

БРЮСЪ.

Да вѣдь это очень плохо, мнѣ кажется?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Увы! весьма!

V.

ТѢЖЕ, КОНДРАТЬИЧЪ.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Александръ Романовичъ, Александръ Романовичъ! я забылъ доложить вамъ, что его сіятельство, уѣзжая, приказалъ мнѣ прибрать кабинетъ, чтобъ показать его графу Левенвольду.

КНЯЗЬ.

Вотъ хорошо!... но куда жъ намъ дѣться? До встрѣчи съ Левенвольдомъ, мнѣ необходимо увидѣться и объясниться съ графомъ. (*про себя*) Еще бы лучше было.... вслушаться въ ихъ разговоръ, чтобъ знать, чего держаться. Но какъ же это сдѣлать? (*подумавъ*) Почему жъ не такъ..., Господа! на моей радости, не откажите въ моей просьбѣ.

МНОГІЕ.

Охотно! охотно!

КНЯЗЬ.

Недавно фельдмаршалъ своею находчивостью много пособилъ мнѣ въ одно время. Я у него въ долгу, и такъ нечаянность за нечаянность! Онъ поддержалъ меня, поддержимъ и мы таинственность его кабинета. Для этого мнѣ необходимо вслушаться сперва въ ихъ разговоръ, разумѣется, не съ дурнымъ намѣреніемъ. Сыграемъ шутку, здѣсь довольно мѣста; спрячемтесь подъ эти занавѣсы и когда наступитъ время, я подамъ знакъ — мы явимся и озадачимъ Левенвольда.

БРЮСЪ.

Прекрасно!

ВСѢ.

Мы согласны!

ЗАДЕКА.

Что до меня, ни подъ какимъ видомъ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

И я также, чтобъ не разсердить графа.

БРЮСЪ.

Пустое! дядюшка слишкомъ добръ, чтобъ разсердиться серьёзно.

КНЯЗЬ.

И вдобавокъ — я вашъ заступникъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Въ таковомъ разѣ ... и я не прочь отъ прочихъ.

КНЯЗЬ.

Сказано, сдѣлано. Смотри же, Кондратьичъ, ни слова графу!

БРЮСЪ, (*Кондратьичу*).

Ради Бога! я за все отвѣчаю.

КОНДРАТЬИЧЪ.

Будьте спокойны, будьте спокойны. Но я слышу голоса. (*подходя къ двери*) Такъ и есть! это фельдмаршалъ съ графомъ Левенвольдомъ и я бѣгу ихъ встрѣтить. (*Уходитъ*).

КНЯЗЬ.

Господа! по мѣстамъ! стоять смирно и ожидать, пока я заговорю первый.

Всѣ прячутся за занавѣсы. Князь становится

въ серединѣ, съ правой его стороны прячутся княжна, Брюсъ и Машинька, а съ лѣвой трое ученыхъ.

—

VI.

ТѢЖЕ, ГРАФЪ БРЮСЪ, ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

ГРАФЪ БРЮСЪ, (*входя*).

Признаюсь, я сильно не-въ-духѣ; но обѣщено и дѣлать нечего; милости просимъ!

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Наконецъ, любопытство мое удовлетворено и я въ вашемъ кабинетѣ!

ГРАФЪ.

Вы, какъ мнѣ кажется, ищете въ немъ таинственностей, какихъ нибудь эмблемъ, символическихъ знаковъ, не такъ ли?

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

При первомъ взглядѣ, однако-жъ, я ничего не замѣчаю особеннаго.

ГРАФЪ.

Оно бы и нашлось, но вы сами видите, что мнѣ не до этого. Отсутствіе князя и племянника не выходитъ у меня изъ головы и не на шутку начинаетъ меня безпокоить. (*Садится къ столу*).

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

И надобно еще знать, какъ-то они встрѣтятся и сойдутся?

ГРАФЪ.

Разумѣется, сначала князь посердится и потомъ все кончится прощеніемъ, дружбой и спокойствіемъ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

И мы васъ поздравимъ съ новою роднею?

ГРАФЪ.

Скажите лучше — съ дочерью. У меня одинъ племянникъ, онъ будетъ и графомъ, и моимъ наслѣдникомъ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Послѣ этого чего-жъ еще желать князю?

ГРАФЪ.

Странное дѣло! однако-же думаю, думаю и никакъ не могу понять, куда они запропастились!

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

По моему, для васъ, господъ ученыхъ астрологовъ, удивляющихъ нынѣшнюю Европу своими предсказаніями, непростительно не разгадать такой бездѣлицы.

ГРАФЪ.

А! да вы подшучиваете, мнѣ кажется? но наука, которою занимались Помпей, Цезарь и современный намъ императоръ Карлъ VI, не такъ мелка, какъ вы, можетъ быть, думаете. Если планеты, особенно солнце и луна, имѣютъ такое явное, неоспоримое вліяніе на времена года, на температуру и плодородіе земли, можно ли думать, чтобъ онѣ не имѣли вліянія на нравы людей вообще и отдѣльно каждаго?

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

О! съ этимъ я согласенъ, но предвѣщать будущее....

ГРАФЪ.

Мнѣ кажется, что предвѣщать будущее ничто иное, какъ видѣть въ отдаленіи. Какъ иной наблюдатель, посредствомъ зрительной трубы, узнаетъ о приближеніи отдаленнаго корабля, такъ точно и проницательный умъ видитъ знаки и чудеса прежде, нежели они являются.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Послушайте же, графъ! Если это такъ легко, будьте любезны и въ знакъ дружбы не откажитесь подарить меня....

ГРАФЪ.

Вашимъ гороскопомъ?

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

О, нѣтъ! но такимъ, который бы былъ любопытенъ всѣмъ и каждому: гороскопомъ любезной Россіи!

ГРАФЪ.

Почему же не такъ, извольте, я обѣщаю! но не прежде, однако-жъ, пока я совершенно успокоюсь....

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

А теперь вы познакомьте меня съ вашимъ кабинетомъ?

ГРАФЪ.

Но чего же вы хотите? Увѣряю васъ, что тутъ все передъ глазами.

левенвольдъ, (съ любопытствомъ).

А эти занавѣсы?

графъ, (отходя въ сторону).

Стоитъ дернуть за этотъ шнурокъ, и ваше любопытство удовлетворится.

Онъ дергаетъ за шнурокъ, посредствомъ котораго открываются всѣ занавѣсы и стоящіе за ними въ разныхъ положеніяхъ.

левенвольдъ.

Что я вижу!

графъ, (про себя).

Славно! ай да молодцы! спасибо за выдумку!

левенвольдъ.

Волшебство! чистое волшебство!

графъ.

Ну, что-жъ? каковъ Брюсовъ кабинетъ? каковъ старый волшебникъ?

левенвольдъ.

Признаюсь, и одолжили, и озадачили!

графъ.

Ура! всѣ на лицо.

князь, (подходя съ дочерью и съ молодымъ Брюсомъ).

Всѣ на лицо! и я, и зять, и всѣ, кто любитъ, уважаетъ и обнимаетъ почтеннаго фельдмаршала.

графъ, (цѣлуя князя, княжну и племянника).

Я въ восхищеніи.... я ожилъ, я помолодѣлъ десятью годами.

левенвольдъ, (*подавая руку*).

Князь! душевно васъ поздравляю!

князь.

Вѣрю, вѣрю и благодарю отъ всего сердца.

графъ, (*княжнѣ*).

Ну, дай же еще разцѣловать себя, моя красавица. (*замѣтивъ ученыхъ, которые не трогались еще съ мѣста*). Ба! кого я вижу—г. астраномъ, г. чортъ, г. стихотворецъ! я вправѣ съ вами раздѣлаться!

делиль, (*подходя*).

Воля ваша, виноватъ не я, виноватъ чортъ и стихотворецъ.

задека.

Виноватъ —одинъ стихотворецъ.

третьяковскій.

Ваше сіятельство! пощадите жертву любознанія! лукавый силенъ—попутаетъ всякаго.

графъ, (*показывая на Задеку*).

А развѣ я не предостерегалъ васъ отъ этой язвы? Повѣрьте, страсть къ чудесному и къ невѣроятному, всѣ эти бредни, сновидѣнья, явленья, привидѣнья, ничто иное, какъ болѣзнь разстроеннаго воображенія, химеры легковѣрной мнительности и чистыя басни.

задека, (*про себя*).

Иныя басни не совсѣмъ басни.

графъ, (*обнявши князя, Третьяковскому*).

Я радъ, по крайней мѣрѣ, что вы разувѣритесь теперь въ мнимой моей таинственности.

КНЯЖНА.

Графъ! вы оспариваете чудеса, но воля ваша, я съ этимъ не согласна.

ГРАФЪ.

А почему жъ бы это?

КНЯЖНА.

А развѣ это не чудеса, что я такъ нечаянно выхожу за-мужъ?

КНЯЗЬ.

Я успокоиваюсь.

БРЮСЪ.

Я женюсь!

МАШИНЬКА.

Я разочаровываюсь!

ДЕЛИЛЬ.

Я ѣду въ Камчатку.

ЗАДЕКА.

Я тоже.

ГРАФЪ.

Туда, туда тебѣ и дорога! да, да, въ Сибирь, въ Камчатку, на Вандименову землю, на адскіе острова, предатель!

ЗАДЕКА, (*гордо*).

Не безпокойтесь, меня вездѣ оцѣнятъ.

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Одинъ, одинъ только я отвергнутъ, убитъ и уничтоженъ!

ГРАФЪ.

Вотъ хорошо. (*тихо*) А Машинька Сибилева?

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ.

Кончено! все кончено, совершенно кончено!

ГРАФЪ.

Это жаль, однако-жъ.... а право, за всѣ ваши треволненія стоило бы и васъ утѣшить. Постойте, однако-жъ. (*подводя его къ Левенвольду*). Послушайте графъ: нашъ извѣстный поэтъ, Василій Кирилычъ Третьяковскій, на день возшествія на престолъ императрицы, написалъ торжественную оду. Будьте нашимъ Меценатомъ, и не откажитесь поднести ее государынѣ.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Почему-жъ не такъ — съ удовольствіемъ, и надѣюсь даже поздравить г. Третьяковскаго съ драгоцѣннымъ брилліантовымъ перстнемъ!

ТРЕТЬЯКОВСКІЙ, (*въ восторгѣ*).

Ваше сіятельство! я запишусь до смерти.

ГРАФЪ.

Перстень, непремѣнно перстень!

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Будьте спокойны!

ГРАФЪ.

И такъ, все слажено и кончено.

ЛЕВЕНВОЛЬДЪ.

Графъ! а обѣщанный мнѣ гороскопъ Россіи?

ГРАФЪ.

О, съ радостью! Въ теченіи полувѣка, я довольно изучилъ ее и вотъ мои ожиданія: «Даровитый русскій народъ скоро пойметъ пользу труда и науки. Просвѣщеніе стряхнетъ застарѣлую пыль предразсудковъ; откроетъ ему глаза, развяжетъ руки, разовьетъ мысль и высоко вознесетъ слово русское. Втиснутая на сѣверъ Европы, Россія быс-

тро расширитъ границы свои на востокъ и на полночь. Полета русскихъ орловъ не остановятъ ни Альпы, ни Кавказъ, ни Балканы. Святой Крестъ подавитъ луну и западъ изумится! Для счастья народа законы получатъ: полноту, ясность и силу. Благой промыслъ пошлетъ ей царей мудрыхъ, царей великихъ, царей благословенныхъ! Звучна, громка будетъ слава Россіи! Крѣпки твердыни ея, вѣковѣчно существованіе! Случайныя невзгоды пролетятъ какъ метеоры — и солнце никогда не сойдетъ съ ея горизонта!»

СВѢТСКІЙ СЛУЧАЙ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Князь Радугинъ.

Евгенія, его дочь.

Столицынъ.

Рамирскій.

Даша, служанка.

Дѣйствіе въ домѣ князя Радугина.

СВѢТСКІЙ СЛУЧАЙ.

═

I.

ЕВГЕНІЯ, (*выходитъ одна, оглядываясь*).

Нѣтъ ни кого. Оно не хорошо немножко,
Однако-жъ, такъ и быть, я посмотрю въ окошко.
Здѣсь мимо по утрамъ всегда проходитъ онъ
И право, кажется, что онъ въ меня влюбленъ.
Влюбленъ! что-жъ за бѣда? Я даже очень рада;
Хоть на него бъ смотрѣть такъ часто и не надо,
Но не хотя его здѣсь дожидаюсь я.
И какъ онъ радъ всегда, увидѣвши меня!
Посмотримъ.... такъ и есть, вотъ онъ сюда подходитъ,
Какъ пристально глядитъ и глазъ съ меня не сводитъ.
Ахъ, Боже мой! Да онъ ужъ кланяется мнѣ....
Къ чему? — Вотъ по другой пошелъ онъ сторонѣ.
Опять поклонъ! — На что прикажете рѣшиться?
Я думаю, что мнѣ придется поклониться!
(*Продолжаетъ смотрѣть въ окошко и раскланивается*).

—

II.

ЕВГЕНІЯ, ДАША, (*примѣтя поклоны*).

ДАША.

А! а! сударыня!

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ, Даша! Да къ чему
Кричать?

ДАША.

Я не кричу, — однако-жъ вы кому
Здѣсь кланялись?

ЕВГЕНІЯ.

Кто, я? Ахъ! вѣрно ненарочно.

ДАША, (*подбѣгая къ окошку*).

Постойте жъ.

ЕВГЕНІЯ, (*удерживая Дашу*).

Что за вздоръ!

ДАША, (*смотря въ окошко*).

Нашъ офицеръ! Такъ точно.
Такъ эдакъ-то? Когда ужъ есть у васъ женихъ,
Вы здѣсь изъ-подтишка прельщаете другихъ?

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ, Даша! право нѣтъ.

ДАША.

Какъ нѣтъ? Да вы кому же
Здѣсь кланялись?

ЕВГЕНІЯ.

Да онъ здѣсь всякій день....

ДАША.

Тѣмъ хуже.

ЕВГЕНІЯ.

Кто жъ требовалъ? — Онъ самъ....

ДАША.

Надѣюсь, что онъ самъ.
Однако-жъ, вспомните, что ужъ Столицынъ вамъ
Почти женихъ.

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ, нѣтъ!

ДАША.

Но батюшка далъ слово:
Невѣста на лицо, приданное готово
И дѣло, кажется, о свадьбѣ рѣшено.

ЕВГЕНІЯ.

Но я не соглашусь.

ДАША.

Такъ надо бы давно
Признаться батюшкѣ.

ЕВГЕНІЯ.

Я вѣрно бы сказала....

ДАША.

Да что-жъ?

ЕВГЕНІЯ, (*показывая на окошко*).

Да я.... его все, видишь, поджидала.

ДАША.

Да эдакъ жениховъ и вѣчно не найдешь:
Сегодня нравится, а завтра нехорошъ.

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ, Даша! Ты сама Столицына не любишь:
Насильно полюбить вѣдь сердца не принудишь.
А въ немъ не нравится мнѣ, право, ничего,

И даже начала бояться я его.
Что я ни сдѣлаю — ужъ критика готова:
Не скажетъ никогда пріятнаго мнѣ слова.
Онъ ловокъ лишь одинъ, а не развязна я.
Онъ умный человѣкъ, а я еще дитя.
Все не по немъ, на все готово наставленье!
Что за увѣренность и что за обращенье!
Несносно!

ДАША.

Но его я не люблю сама,
Признаться.

ЕВГЕНІЯ, (*бросаясь цѣловать Дашу*).

Неужли? я, право, безъ ума!
Дай, дай разцѣловать себя!

ДАША, (*вырываясь*).

Но вы....

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ, Даша!

ДАША.

Но полноте жъ, меня задушитъ радость ваша.

ЕВГЕНІЯ.

Нельзя же иначе, когда мы за одно.
Я познакомилась съ Рамирскимъ ужъ давно
У тетушки. Она всегда его хвалила
И признаюсь, его я очень полюбила.
Съ тѣхъ поръ, вотъ цѣлый годъ, не знаю отъ чего —
Но чувствую, что я скучаю безъ него.
А между тѣмъ я все, вотъ видишь, поджидала,
Что познакомится онъ съ батюшкой сначала —

Понравится ему и станетъ ѣздить къ намъ,
Чтобъ чаще видѣться, узнать его, а тамъ
Я батюшкѣ сама рѣшилась бы признаться —
Да то бѣда, что жду — и не могу дождаться.

ДАША.

Но прежде, кажется, чемъ планы сочинять,
Какъ приметъ это князь, вамъ надо бы узнать?

ЕВГЕНІЯ.

Ужъ разумѣется, что это мы узнаемъ.

ДАША.

А между тѣмъ его встрѣчаемъ, провожаемъ,
И каково жъ, когда придется разлюбить?

ЕВГЕНІЯ.

Я знаю батюшку, не можетъ это быть.

ДАША.

Но мало этого, и я боюся, право,
Его сіятельство рѣшительнаго нрава,
И какъ ни любитъ васъ, но онъ и вашъ женихъ.
Вамъ воли не дадутъ приманивать другихъ.
Столицынъ же къ нему такъ вкрался нынче въ душу,
Что я и рада бы, однако-жъ, право трушу.
Эй, берегитеся!

ЕВГЕНІЯ.

Постой, кто тамъ шумитъ?
Ахъ, это батюшка!

ДАША.

И кажется сердитъ!
Ужъ не узналъ ли онъ?

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ! что ты, полно, Даша!

—

III.

ТѢЖЕ, КНЯЗЬ РАДУГИНЪ.

Ты здѣсь, мой другъ! Ну, какъ идетъ работа ваша,
Обновки и шитье?

ЕВГЕНІЯ.

Все хорошо-съ.

РАДУГИНЪ.

Да ты,
Что такъ встревожена?

ЕВГЕНІЯ.

Я?... такъ.... отъ дурноты....
Пока прошло....

ДАША.

Княжна стояла у окошка....

РАДУГИНЪ.

Что-жъ, это хорошо; да вѣтрено немножко.

ДАША, (*всторону*).

Признаться.

РАДУГИНЪ.

Я теперь ужасно разсерженъ!
Процессъ, которымъ я могу быть раззоренъ,
И отъ котораго и такъ чуть-чуть не плачу,
Пишу, кормлю судей, чортъ знаетъ, сколько трачу....

Теперь, какъ я узналъ, перерѣшить хотятъ.
И кто бъ вообразилъ, что въ этомъ виноватъ
Столицынъ нашъ! Объ комъ я больше всѣхъ радѣю:
Злодѣй мнѣ сочинилъ такую ахинею —
И я, повѣривши, что онъ въ большихъ связяхъ,
Все поручилъ ему — и въ чистыхъ дуракахъ.
Сперва, все шло, да шло; теперь все на мѣль сѣло,
Своей безпечностью испортилъ только дѣло:
Гдѣ надобно, чтобъ онъ прошенья подавалъ,
А онъ ихъ всторону, и улетитъ на балъ:
Ему бы въ судъ, а онъ въ театръ или въ концертѣ;
А между тѣмъ твердитъ: повѣрьте, да повѣрьте,
Сего-дня тамъ-то былъ и сдѣлалъ то и сё,
И вышло, чортъ возьми, что перепортилъ все!

ЕВГЕНІЯ.

Зачѣмъ вы вѣрили ему?

РАДУГИНЪ.

Ну, вотъ забавно!
Онъ прежде, кажется, былъ малой [illegible],
И самъ же вызвался, какъ будущій мой зять.

ДАША.

А надобно сказать, онъ мастеръ обѣщать!

РАДУГИНЪ.

Но я благодарю за эти одолженья:
Чтобъ проигравъ процессъ, остаться безъ имѣнья—
И просто по одной безпечности его....

ЕВГЕНІЯ.

Конечно, батюшка.

РАДУГИНЪ.

Ты что-то за него
Не слишкомъ, кажется, изволишь заступаться?

ЕВГЕНІЯ.

Да что-жъ хорошаго обманывать?

ДАША.

Признаться,
Не вижу я, за что его и полюбить.

РАДУГИНЪ.

Но за глаза людей я не люблю бранить.
(*Смотря на часы*).
Однако мнѣ пора; какъ пролетаетъ время!
Меня съ ума свело подьяческое племя,
И надо самому скорѣе хлопотать.
Когда пріѣдетъ къ намъ Столицынъ...

ДАША.

Отказать
Прикажете?

РАДУГИНЪ.

Вотъ вздоръ! Не говоря ни слова,
Просите подождать.

ЕВГЕНІЯ.

Но я не такъ здорова...

РАДУГИНЪ.

Какъ жаль! А то бы съ нимъ пошла у насъ война!

ЕВГЕНІЯ.

Такъ очень хорошо — и я не такъ больна.

РАДУГИНЪ.

Ну до свиданія. (*Уходитъ.*)

—

IV.

ЕВГЕНІЯ, ДАША.

ДАША.

Теперь ужъ воля ваша,
А вы должны скорѣй...

ЕВГЕНІЯ.

Какъ рада я! Ахъ, Даша!
Конечно, онъ теперь не женится на мнѣ!

ДАША.

Богъ знаетъ: я молчу, чтобъ не грустить вдвойнѣ.

ЕВГЕНІЯ.

Вотъ хорошо! Они, ты слышишь, побранятся
И сватьбѣ не бывать.

ДАША.

А если помирятся?

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ, Боже мой! Да нѣтъ, не можетъ это быть,
И что тебѣ за страсть нарочно ихъ мирить?

ДАША.

Напротивъ, ссорѣ ихъ сама я очень рада;
Но больше ужъ никакъ секретничать не надо,
И лучше батюшкѣ признаться поскорѣй.
Стучатся! Посмотрю. Вотъ побѣжалъ лакей...

ЕВГЕНІЯ.

Кто жъ тамъ?

ДАША.

Ну, точно такъ! Ахъ, нѣтъ! А какъ похоже.

ЕВГЕНІЯ.

Да кто жъ?

ДАША.

Столицынъ нашъ — и съ нимъ...

ЕВГЕНІЯ.

И съ нимъ? Да кто же?
Скажи!

ДАША.

Представьте же, вотъ новость, напримѣръ...

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ, Даша! говори.

ДАША.

Нашъ милый офицеръ!

ЕВГЕНІЯ.

Возможно ли? Онъ здѣсь! Ахъ, Боже мой!

ДАША.

Уйдите.

ЕВГЕНІЯ.

Куда жъ?

ДАША, (*выпровождая Евгенію.*)

Сюда, сюда, идите и молчите!

—

V.

СТОЛИЦЫНЪ, РАМИРСКІЙ, ДАША.

СТОЛИЦЫНЪ.

Рамирскій! Чудеса! Ну кто бы ожидалъ?
Вотъ новость! Человѣкъ два года пропадалъ,
И что-жъ? Когда лечу къ возлюбленной невѣстѣ,
У самаго крыльца съ нимъ сталкиваюсь вмѣстѣ!
Да дай еще обнять мнѣ друга моего!

РАМИРСКІЙ.

Да прежде разскажи, гдѣ мы и у кого?

СТОЛИЦЫНЪ.

Безъ церемоніи, прошу здѣсь быть какъ дома,
Старикъ князь Радугинъ давнишній мой знакомый,
А вашъ покорнѣйшій — чуть чуть его не зять.

РАМИРСКІЙ.

Ты женишься?

СТОЛИЦЫНЪ.

Ну, да! Объ чемъ тутъ толковать.
(*Увидя Дашу.*)
Что князь?

ДАША.

Онъ выѣхалъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Такъ рано? Это чудо!

ДАША.

Онъ скоро...

СТОЛИЦЫНЪ.

Ну, прошу намъ не мѣшать покуда.
Да кстати: что моя прелестная княжна
Сего-дня весела?

ДАША.

Напротивъ, страхъ скучна.

СТОЛИЦЫНЪ.

Поди! (*Даша уходитъ.*)

РАМИРСКІЙ.

Ты женишься?

СТОЛИЦЫНЪ.

Ну да, и очень скоро
На молодой княжнѣ.

РАМИРСКІЙ.

Однако-жъ, на которой?

СТОЛИЦЫНЪ.

Да сколько у тебя ихъ счетомъ въ головѣ?
Она одна.

РАМИРСКІЙ.

Одна!

СТОЛИЦЫНЪ.

Ты думалъ, что ихъ двѣ?
Злодѣй!

РАМИРСКІЙ, (*всторону*).

Возможно ли! (*въ слухъ*) И князь живетъ
здѣсь точно?

СТОЛИЦЫНЪ.

Я стану ли тебя обманывать нарочно?

РАМИРСКІЙ.

И точно нѣтъ у ней ни братьевъ, ни сестеръ?

СТОЛИЦЫНЪ.

По счастью, ни души.

РАМИРСКІЙ.

И, братецъ, что за вздоръ!
Родство...

СТОЛИЦЫНЪ.

Родство! Оно бѣда, сударь, дѣвицамъ;
При братцахъ много ли достанется сестрицамъ?
А тутъ одна и все....

РАМИРСКІЙ.

Ты шутишь, — но княжна
Ужъ вѣрно хороша собою?

СТОЛИЦЫНЪ.

Да, она

Здѣсь изъ хорошенькихъ.

РАМИРСКІЙ.

Блондинка?

СТОЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, брюнетка

И удивительно, что право не кокетка.

РАМИРСКІЙ, (*сторону.*)

Но неужли она...

СТОЛИЦЫНЪ.

Невѣста эта кладъ!

РАМИРСКІЙ.

Ты счастливъ и любимъ. И такъ, я очень радъ!

СТОЛИЦЫНЪ.

Я напередъ въ твоемъ увѣренъ былъ участьѣ;
Но, впрочемъ, не совсѣмъ завидно это счастье:
Наружность, говорятъ, обманываетъ сплошь;
Мой выборъ, напримѣръ, всѣмъ кажется хорошъ:
Княжна и молода, и хороша собою,
Съ какой-то, говорятъ, небесною душою!
А главное: у ней нѣтъ братьевъ, ни сестеръ.
Все очень хорошо идетъ до этихъ поръ;
Я славно бы умѣлъ распорядить дѣлами,
Да вотъ несчастіе, мой милый! Между нами,
Княжнѣ не помогла учителей толпа,
Ея сіятельство сіятельно глупа!
Она холодностью всю прелесть убиваетъ,
Женихъ ея горитъ — жестокая зѣваетъ!
Нѣтъ средства мнѣ ни чѣмъ одушевить ее!
Совѣтую, бранюсь, она себѣ свое!
И ясно, кажется, какъ я тебѣ толкую,
Что я боготворю прелестную статую.

РАМИРСКІЙ.

Но ты взыскателенъ ужъ слишкомъ иногда:
Что дѣвушка скромна — что-жъ это за бѣда?
Со мной случилося несчастье не такое,
Но я молчу.

СТОЛИЦЫНЪ.

Молчать? Не замолчишь, пустое.
Взгляни... ну, такъ и есть: ты по уши влюбленъ.

РАМИРСКІЙ.

Ахъ, мало этого! Представь, я принужденъ
Боготворить, страдать и не сказать ни слова.

СТОЛИЦЫНЪ.

Но тутъ того и жди, что выдетъ за другова.

РАМИРСКІЙ.

Представь, ты отгадалъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

И трудно отгадать!
Ты будешь все молчать, она все будетъ ждать.

РАМИРСКІЙ.

Вотъ я же виноватъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

О, нѣтъ! Какъ это можно!
Она молчитъ и ты молчи — оно и должно!

РАМИРСКІЙ.

Ты шутишь; но тебя остановлю я вдругъ:
Вообрази себѣ—ея женихъ мнѣ другъ!
Ты понимаешь ли теперь, что мнѣ мѣшаетъ?
Любовь могла бъ... но честь и дружба запрещаетъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Честь, дружба и любовь! — Какая куча словъ!
Что за чувствительность пастущескихъ вѣковъ?

РАМИРСКІЙ.

Помилуй! Но теперь будь на моемъ ты мѣстѣ,
Какъ всѣ препятствія ты согласилъ бы вмѣстѣ?
И могъ ли бъ для любви ты дружбѣ измѣнить!

СТОЛИЦЫНЪ.

Ну если тутъ объ чемъ серьёзно говорить?
Мы церемониться не станемъ изъ пустаго —
И я бъ не пощадилъ тутъ ни отца родняго.

РАМИРСКІЙ.

Я, признаюсь, не такъ рѣшителенъ и смѣлъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

За то ты ничего и сдѣлать не успѣлъ;
Но случай твой, божусь, изъ самыхъ интерес-
ныхъ...
Я въ обстоятельствахъ бывалъ довольно тѣсныхъ,
Но все не въ эдакихъ.

РАМИРСКІЙ.

И чтобъ ты сдѣлалъ тутъ?

СТОЛИЦЫНЪ.

Но, можетъ быть, ее насильно выдаютъ?

РАМИРСКІЙ.

Быть можетъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Хорошо, и ты любимъ?—Прекрасно!

РАМИРСКІЙ.

Но что-жъ изъ этого?

СТОЛИЦЫНЪ.

Какъ что? Тутъ очень ясно.
Вотъ человѣкъ: не глупъ, а вѣкъ его учи!
Люби, не унывай и больше хлопочи.

РАМИРСКІЙ.

Но дружба...

СТОЛИЦЫНЪ.

Боже мой! Да позабудь о дружбѣ:
Въ дѣлахъ общественныхъ, въ дѣлахъ серьёзныхъ,
въ службѣ —
Всѣ знаютъ безъ тебя, что значутъ: долгъ и честь;
Но въ шалостяхъ любви чего не перечесть!
Щадить соперниковъ и сослуживцевъ бальныхъ,
На это правилъ нѣтъ такихъ патріархальныхъ.
Но кто же, наконецъ, прелестница твоя?
Влюбленнымъ помогать ужъ это страсть моя!
Ну, кто жъ она?.. вѣщай!.. молчанье....

РАМИРСКІЙ.

Я не въ силахъ!

СТОЛИЦЫНЪ.

Смѣшной оригиналъ любовниковъ унылыхъ!
Но такъ и быть, изволь, я другу помогу.

РАМИРСКІЙ.

Вотъ хорошо!

СТОЛИЦЫНЪ.

Ну да, сказалъ, такъ не солгу;
Чуръ слушаться.

РАМИРСКІЙ.

Изволь, и я охотно радъ бы....

СТОЛИЦЫНЪ.

Во-первыхъ, надобно, чтобъ не было тутъ сватьбы

РАМИРСКІЙ.

Потомъ?

СТОЛИЦЫНЪ.

Потомъ? Во всемъ признаться ей, отцу.

РАМИРСКІЙ.

А тамъ?

СТОЛИЦЫНЪ.

А тамъ, къ концу или къ вѣнцу,
Какъ водится.

РАМИРСКІЙ.

Но мнѣ страхъ совѣстно, ей Богу!

СТОЛИЦЫНЪ.

Безсовѣстный! Ему хотятъ открыть дорогу!
Толкнешь его впередъ, онъ пятится назадъ;
Но тутъ ужъ не пеняй, самъ будешь виноватъ.

РАМИРСКІЙ.

Не лучше ли ему признаться?

СТОЛИЦЫНЪ.

Ай! помилуй!
Вотъ выдумалъ! да я опомнился насилу.

РАМИРСКІЙ.

Но иначе его мнѣ надо обмануть?

СТОЛИЦЫНЪ.

И обмани.

РАМИРСКІЙ.

Но онъ мнѣ другъ, не позабудь.

СТОЛИЦЫНЪ.

Ужъ не прогнѣвайся.

РАМИРСКІЙ.

Но это оскорбленье...

СТОЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, ничего; оно вошло въ обыкновенье,
По свѣтскимъ правиламъ. Но вотъ моя княжна!
Всегда молчитъ, всего боится и грустна!

VI.

ТѢЖЕ, ЕВГЕНІЯ.

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ! Батюшки здѣсь нѣтъ?

СТОЛИЦЫНЪ.

Вы этого не знали?
Начало хорошо. — Вы батюшки искали...
Но можно жъ, между тѣмъ, подвинуться впередъ.

РАМИРСКІЙ, (*всторону*).

Я самъ не свой!

СТОЛИЦЫНЪ, (*Евгеніи*).

Когда жъ, помилуйте, пройдетъ
У васъ застѣнчивость? — Я вамъ рекомендую
Рамирскаго, а вамъ невѣсту дорогую.

РАМИРСКІЙ.

Возможно ли! княжна... но я имѣлъ ужъ честь
Васъ видѣть...

СТОЛИЦЫНЪ.

Неужли? Ну, вотъ и случай есть
Къ знакомству не въ такомъ церемоньальномъ тонѣ.
Да гдѣ-жъ вы видѣлись?

РАМИРСКІЙ.

Въ томъ самомъ пансіонѣ....
Ну тамъ, гдѣ именно воспитана она,
И кажется, съ княжной она была дружна.

СТОЛИЦЫНЪ.

Да лучше этого быть ничего не можетъ.

Рамирскій торжествуй! Княжна тебѣ поможетъ.
(*тихо*).
Она хоть и проста, но мы за то съ умомъ!
Да знаетъ ли она?

РАМИРСКІЙ.

О! вѣрно обо всёмъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Тѣмъ лучше; стало быть не нужно объясненья.

РАМИРСКІЙ.

Я твоего прошу, однако-жъ, позволенья:
Теперь-же отъ княжны кой-что объ ней узнать.

СТОЛИЦЫНЪ.

Прекрасно! Я ее заставлю отвѣчать.

РАМИРСКІЙ.

Княжна! Вы знаете Рамирскаго несчастье:
Здѣсь страстная любовь ждетъ вашего участья!
Вы вѣрно видитесь съ подругою своей
И тайна вамъ моя извѣстна такъ, какъ ей.

ЕВГЕНІЯ.

Всѣхъ больше.

РАМИРСКІЙ.

Но она.... какъ это не ужасно!
Выходитъ за-мужъ?

ЕВГЕНІЯ.

Да.

СТОЛИЦЫНЪ.

И коротко, и ясно.

РАМИРСКІЙ.

Но послѣ этого чего-жъ мнѣ ожидать?
Я позабыть....

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ, нѣтъ!

СТОЛИЦЫНЪ.

Тѣмъ легче помѣшать.
Ты слышишь ли? Она къ тебѣ неравнодушна.

РАМИРСКІЙ, (*Евгеніи*).

Но каково же ей?

ЕВГЕНІЯ, (*глядя на Рамирскаго*).

Ей весело (*глядя на Столицына*) и скучно.

РАМИРСКІЙ.

Что-жъ думаетъ она?

ЕВГЕНІЯ.

О многомъ, но молчитъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Помилуйте, княжна! Да это право стыдъ;
Кто-жъ васъ пойметъ?

РАМИРСКІЙ.

Ахъ, нѣтъ! Я очень понимаю.

СТОЛИЦЫНЪ.

Вы понимаете? — Ну, я васъ поздравляю!
Вамъ лаконическій понравился отвѣтъ?
Что если бъ не было у насъ ни *да*, ни *нѣтъ*,
Васъ затруднили бы ужасно объясненья?

РАМИРСКІЙ.

Тутъ нужны не слова, но сила выраженья.

СТОЛИЦЫНЪ.

О Боже мой!

РАМИРСКІЙ.

Но я напрасно веселюсь!

ЕВГЕНІЯ.

Что вы ей нравитесь, я въ этомъ побожусь.
Довольно, кажется, для перваго вамъ раза?

СТОЛИЦЫНЪ.

Вотъ чудо! Цѣлая отпущена намъ фраза!
Рамирскій, знаешъ что, а мысль вѣдь не дурна,
Что если бъ, напримѣръ, безмолвная княжна
Взялась любовное ей письмецо доставить?

РАМИРСКІЙ.

Какъ! Къ ней?

СТОЛИЦЫНЪ.

Ну да. Ужъ я берусь себя прославить.

РАМИРСКІЙ.

А я ужъ и письмо по счастью написалъ,
Но чтобы ей отдать все случая искалъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Ужъ написалъ?

РАМИРСКІЙ.

Да такъ, на случай, два-три слова.

СТОЛИЦЫНЪ.

Давай его, оно не ново, да готово.

РАМИРСКІЙ.

Да какъ отдать?

СТОЛИЦЫНЪ.

А вотъ увидишь, какъ отдамъ.
Княжна, мы помогать должны своимъ друзьямъ—
И это письмецо, къ обоимъ намъ изъ ласки,
Прошу васъ передать.... Вы потупили глазки!
Вамъ стыдно? Но когда я отдаю вамъ самъ....

ЕВГЕНІЯ.

Извольте, я беру и вѣрно ей отдамъ.

СТОЛИЦЫНЪ, (*всторону*).

Взялась! Кто бъ ожидалъ готовность въ ней такую?
Мнѣ кажется, ее я скоро сформирую.

РАМИРСКІЙ.

Княжна! Моя судьба теперь у васъ въ рукахъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Мы помогать друзьямъ должны не на словахъ,
А дѣломъ.

ЕВГЕНІЯ.

Слушаю-съ.

СТОЛИЦЫНЪ.

И по просту вамъ должно
Доставить намъ отвѣтъ.

ЕВГЕНІЯ.

Да-съ, если будетъ можно.

СТОЛИЦЫНЪ.

Ужъ постарайтеся, не то онъ пропадетъ.
Ну съ помощью моей пустилися мы впередъ!
Каковъ же я? Когда минуты нѣтъ досуга,
Я нынче цѣлымъ днемъ пожертвовалъ для друга—
И днемъ чудеснѣйшимъ, когда я званъ ко всѣмъ:
На завтракъ къ Лелевой, чтобъ сблизиться кой съ кѣмъ,
Къ Загорскимъ на обѣдъ, а къ Знатову на ужинъ,
Гдѣ будетъ человѣкъ, который нынче нуженъ;
Но въ свѣтѣ кто живетъ, тотъ вѣчно самъ не свой.

РАМИРСКІЙ.

Ты познакомивши за то меня съ княжной,
Разодолжилъ. Но ты бы съѣздить могъ покуда.

СТОЛИЦЫНЪ.

И дѣло; между тѣмъ, куда же ты отсюда?

РАМИРСКІЙ.

Теперь домой.... а тамъ въ театръ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Ба! это что?
Въ театръ рѣшительно не ѣздитъ здѣсь ни кто
Изъ значущихъ, и что, помилуй, за охота
Сидѣть до завтраго и слушать Вальтеръ-Скота?

РАМИРСКІЙ.

Богъ съ нимъ! Но надобно мнѣ главное узнать:
Скажите мнѣ, княжна, гдѣ случай отыскать
Съ ней видѣться?

ЕВГЕНІЯ.

Нигдѣ, сударь: она все дома.

РАМИРСКІЙ.

Но почему жъ не здѣсь? Она вамъ такъ знакома,
А иначе опять надежда пропадетъ.

ЕВГЕНІЯ.

Никакъ нельзя: ее ужасно стережетъ
Злой человѣкъ.... кого на свѣтѣ нѣтъ скучнѣе.

СТОЛИЦЫНЪ, (*всторону*).

Не ожидалъ, она становится умнѣе.

(*Вслухъ*).

Любовь всѣхъ Аргусовъ, повѣрьте, проведетъ,
И мы комедію на нихъ сыграемъ счетъ,
Въ которой главную я представляю ролю.

РАМИРСКІЙ.

Распоряжай, а мы твою исполнимъ волю.

СТОЛИЦЫНЪ.

Но кто-то къ намъ? Ну такъ, и вѣрно ужъ за мной!

РАМИРСКІЙ.

Но если это князь?

СТОЛИЦЫНЪ.

Ну, онъ или другой,

Что-жъ тутъ?

РАМИРСКІЙ.

Я не знакомъ и, право, не спокоенъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Когда жъ дурной пріемъ встрѣчаетъ Русскій воинъ?

—

VII.

ТѢЖЕ, КНЯЗЬ РАДУГИНЪ.

РАДУГИНЪ, (*увидя Столицына*).

А! наконецъ тебя я отыскалъ, злодѣй.

СТОЛИЦЫНЪ.

Вы вѣчно судите! (*Рамирскому*). Ну, подходи жъ скорѣй

Знакомиться. Вотъ, князь, вамъ въ лицахъ небылица:

Рамирскій; онъ гусаръ, а скроменъ, какъ дѣвица!

Но мастеръ дѣйствовать и саблей, и перомъ.

РАДУГИНЪ.

Я съ вашимъ батюшкой былъ коротко знакомъ.

РАМИРСКІЙ.

Я самъ за счастіе почелъ бы вашу дружбу.

СТОЛИЦЫНЪ.

Онъ бѣдненькой влюбленъ.... (*Рамирскій его останавливаетъ*).

Я разумѣю—въ службу.

РАДУГИНЪ.

И очень хорошо, за это я хвалю;
Я не охотниковъ до службы не люблю.
Военному служить и надобно на славу;
Теперь пожалуй-ка самъ, братецъ, на расправу....

СТОЛИЦЫНЪ.

Кто, я?

РАДУГИНЪ.

Разсказывай: какъ мой процессъ идетъ?

СТОЛИЦЫНЪ.

Изрядно.

РАДУГИНЪ.

Знаешь что?.... Не хорошо, кто лжетъ.

СТОЛИЦЫНЪ, (*Рамирскому*).

Князь шутитъ.

РАДУГИНЪ.

Нѣтъ, теперь отшучиваться поздно.

СТОЛИЦЫНЪ.

А! вы не шутите, такъ стало быть серьёзно?...
Но безъ причины, князь, людей такъ не бранятъ.

РАДУГИНЪ, (*Рамирскому*).

Прошу насъ разобрать, кто правъ, кто виноватъ:
Онъ самъ мнѣ вызвался похлопотать по дѣлу;

По глупости, я далъ довѣренность пострѣлу....
И подлинно, что онъ меня разодолжилъ!
Онъ такъ заботился, что даже пропустилъ
Срокъ аппеляціи.

СТОЛИЦЫНЪ.

Позвольте, князь....

РАДУГИНЪ.

Все ясно
И кончено.

СТОЛИЦЫНЪ.

Божусь, вы сердитесь напрасно.
Отъ вѣтренности я, вы знаете, далекъ,
Я просьбу именно въ законный подалъ срокъ,
А если-бъ иначе, конечно не пріятно....

РАДУГИНЪ.

Да просьбу съ надписью тебѣ швырнутъ обратно.
Впередъ, сударь, пиши и форму соблюдай,
А то напуталъ вздоръ, подсунулъ — и прощай!
Теперь хоть въ петлю лезть отъ твоего проворства.

СТОЛИЦЫНЪ.

Ну такъ, у насъ никакъ нельзя безъ крючкотворства!
Все исковеркаютъ, что имъ ни говори
О справедливости. А все секретари,
Которыхъ тьма.

РАДУГИНЪ.

Да что за вздоръ ты мнѣ трезвонишь?
Винишь другихъ....

СТОЛИЦЫНЪ.

Я зналъ, что васъ не урезонишь,
Но безъ протекціи успѣхи мудрены.
Будь обѣ стороны между собой равны,
Такъ это было бы на что нибудь похоже;
А то затѣяли процессъ съ полу-вельможей—
И разумѣется, что выиграетъ онъ....

РАДУГИНЪ.

Дѣла, сударь, рѣшитъ не сила, а законъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Съ которыхъ поръ?

РАДУГИНЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ принялись за дѣло;
Съ тѣхъ поръ, какъ дерзкое насильство ослабѣло;
Съ тѣхъ поръ, какъ насъ ничто тревожить не должно
И царской правдою мы счастливы равно.

СТОЛИЦЫНЪ.

Вотъ видите! Къ чему жъ пустое огорченье?

РАДУГИНЪ.

Прошу! И онъ еще пустился въ извиненье!
Но времени съ тобой не стану я терять,
И больше потому, что нужно хлопотать.
Какъ жаль! Мнѣ незнакомъ Палаты предсѣдатель,
Онъ могъ бы пособить.

РАМИРСКІЙ.

Онъ добрый мнѣ пріятель.
Не знаю, князь, онъ вамъ поможетъ или нѣтъ,
Но безъ сомнѣнія хорошій дастъ совѣтъ.

РАДУГИНЪ.

Что-жъ лучше этого! Пожалуйста, мой милый,
Сведи меня къ нему.

РАМИРСКІЙ.

Съ охотою!

СТОЛИЦЫНЪ, (*въ сторону*).

Насилу
Утѣшился!

РАДУГИНЪ.

Дай Богъ пуститься въ добрый часъ.
Поѣдемъ же.

СТОЛИЦЫНЪ.

А я?

РАДУГИНЪ, (*уходя съ Рамирскимъ*).

Я обойдусь безъ васъ.

СТОЛИЦЫНЪ, (*уходя за ними*).

Вотъ хорошо! Вѣдь мнѣ растолковать все надо.

—

VIII.

ЕВГЕНІЯ, (*одна*).

Они поссорились! Какъ этому я рада!
Прочтемъ письмо.
(*Читаетъ*).
«Мое ужасно положенье!
Любить и слова не сказать,
Любить и быть въ сомнѣньѣ,

Любить и, можетъ быть, на вѣкъ васъ потерять!
Но если въ чувствахъ мы согласны,
Когда вы ищите взаимности одной,
Любви почтительной и страстной —
Тогда насъ разлучить нѣтъ власти никакой,
Тогда — ни въ чемъ судьба не виновата:
Отъ взгляда вашего, отъ слова одного
Зависятъ счастія утрата
И верхъ блаженства моего!»
Ахъ! какъ умѣетъ онъ любить,
Но мой отвѣтъ его утѣшитъ, можетъ быть.
(*Садится къ столу и пишетъ*).

—

IX.

ЕВГЕНІЯ, СТОЛИЦЫНЪ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Его сіятельство взбѣсился за пустое
И мнѣ откланялся. Ба! это что такое?
Княжна! Вотъ чудеса, не вѣрю я глазамъ!
И какъ задумалась—и пишетъ—по складамъ
(*подходя*).
Преинтересно!

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ!

СТОЛИЦЫНЪ.

Чего жъ вы испугались?

ЕВГЕНІЯ.

Вы такъ нечаянно вошли.

СТОЛИЦЫНЪ.

Вы занимались?

ЕВГЕНІЯ.

Напротивъ, я шутя, писала на черно.

СТОЛИЦЫНЪ.

Тутъ мысли главное, а впрочемъ все равно.
(*хочетъ взять письмо*)
Посмотримъ.

ЕВГЕНІЯ.

Ни за что! Тутъ нѣтъ правописанья.

СТОЛИЦЫНЪ.

Ахъ! вы профессорши.... на знаки припинанья.

ЕВГЕНІЯ.

Вы сами знаете, какъ дурно я пишу.

СТОЛИЦЫНЪ.

Не очень хорошо, но если я прошу
Мнѣ показать?

ЕВГЕНІЯ.

Но я смѣяться васъ заставлю.

СТОЛИЦЫНЪ.

И будетъ не смѣшно, когда я вамъ поправлю;
Позвольте-жъ.

ЕВГЕНІЯ.

Мало ли что пишется, шутя.

СТОЛИЦЫНЪ.

Мнѣ скучно, наконецъ, и что вы за дитя?
Подайте. (*Вырываетъ письмо*).

ЕВГЕНІЯ.

Боже мой!

СТОЛИЦЫНЪ.

Прочтемъ.

ЕВГЕНІЯ, (*всторону*).

Что будетъ съ нами!

СТОЛИЦЫНЪ.

Возможно ли! И вы писали это сами?

ЕВГЕНІЯ, (*съ досадой*).

Сама, сударь.

СТОЛИЦЫНЪ

Но кто бъ подумать это могъ!
Какъ мило, какъ умно, какой прелестный слогъ!
(*читаетъ*).

«Что вы любимы—это ясно.
Надежда наша не мечта;
Но васъ увѣрили напрасно,
Что я до глупости проста».

Помилуйте! Да тутъ есть искренность, есть чувство....
Такъ мило упрекать—вотъ женское искусство!
Къ кому-жъ вы пишите?

ЕВГЕНІЯ.

Кто, я? — Конечно къ вамъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Ужъ разумѣется, я вижу это самъ;
Но каково-жъ мое, представьте, удивленье?
Я васъ бранилъ; теперь отъ васъ я въ восхищеньѣ!

ЕВГЕНІЯ, (*всторону*).

Вотъ счастье! (*вслухъ*). Надобно забыть все поскорѣй....

СТОЛИЦЫНЪ.

Не понимаю самъ я глупости моей!

За что я дурочкой считалъ васъ по пустому;
Счастливое письмо!

ЕВГЕНІЯ, (*всторону*).

А писано къ другому.

СТОЛИЦЫНЪ.

Ахъ, не стыдитеся! стыдиться должно мнѣ.
Всю цѣну вамъ теперь я чувствую вполнѣ!
Вы улыбаетесь? По этой-то улыбкѣ.
Я счастливъ, какъ никто!

ЕВГЕНІЯ, (*всторону*).

Онъ счастливъ по ошибкѣ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Не правда ли, теперь мнѣ можно дочитать?
(*читаетъ*).

«Что вы любимы — это ясно.
Надежда наша не мечта;
Но васъ увѣрили напрасно,
Что я до глупости проста.
Я, можетъ быть, свои достоинства имѣю,
Вы видите рѣшительность мою,
И если слово я даю,
То и сдержать его умѣю».

Тутъ столько сказано, что нечего желать!
Но вы, княжна, зачѣмъ безбожно такъ скрывались,
Молчали, бѣгали, краснѣли и боялись?
На чтобъ рѣшился я безъ этого письма?
Вы больше моего имѣете ума
И вмѣсто умницы, въ насмѣшку всѣмъ прелестнымъ,

Я смѣлъ васъ называть — созданьемъ безсловес-
нымъ!
Я вижу самъ теперь, что это стыдъ и смѣхъ,
Что я съ насмѣшками смѣшнѣе вышелъ всѣхъ.
И это самое письмо, за эту грубость....
Мнѣ будетъ говорить всегда: *ты сдѣлалъ глу-
пость!*

ЕВГЕНІЯ.

Божусь, не для того написано оно.

СТОЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, наказать меня и нужно, и умно.
Но дѣло кончено; мы старое забыли:
Я вижу по глазамъ, что вы меня простили!
Не правда ли? Я васъ умѣю понимать.
Но въ счастіи друзей не должно забывать;
Насъ къ этому влечетъ невольное движенье.
Пожалуйста, княжна, войдите въ положенье
Рамирскаго. Когда бъ онъ не былъ такъ влюб-
ленъ,
Когда бъ онъ былъ шалунъ, какими окруженъ,
Онъ хлопотать меня никакъ бы не заставилъ;
Но я ручаюсь вамъ, что онъ отличныхъ правилъ,
Что всѣ достоинства вполнѣ ему даны
И точно ... счастіе составитъ онъ жены.
Скажите-жъ ей, что нашъ влюбленный умираетъ,
Что онъ въ отчаяньи!...

ЕВГЕНІЯ.

Она объ этомъ знаетъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Но мало этого, ихъ надобно женить.
А что до мужика — смѣшно его щадить!

Вы отзовитесь объ немъ какъ можно хуже:
Увѣрьте, что пути не будетъ въ этомъ мужѣ,
Что онъ не пара ей и слышно стороной,
Что просто онъ болтунъ и человѣкъ пустой,
Что эдакихъ людей уничтожаютъ смѣло....
Вотъ видите, княжна.... я говорю вамъ дѣло
А вы смѣетеся; чему-жъ?

ЕВГЕНІЯ.

Да мнѣ смѣшно.

СТОЛИЦЫНЪ.

Помочь Рамирскому, ей Богу, не грѣшно.

ЕВГЕНІЯ.

Что-жъ скажетъ другъ его?

СТОЛИЦЫНЪ.

Тутъ главное невѣста,
И счастливый Пиладъ замѣнитъ ей Ореста.

—

X.

ТѢЖЕ, ДАША.

ДАША, (*подавая Столицыну письмо*).

Къ вамъ чей-то человѣкъ изволилъ прибѣжать
Съ письмомъ — и велѣно отвѣта подождать.

СТОЛИЦЫНЪ.

Ужъ эти письма мнѣ! По чести нѣтъ терпѣнья!
(*читаетъ про себя*).
Ну такъ! Я ожидалъ, что день, то приглашенье.
Вотъ видите, княжна, меня зовутъ на балъ;
Случись оно вчера, я вѣрно бъ поскакалъ,
Сего-дня — кончено. Мы оба не въ потерѣ.
Безъ васъ тоска, при васъ я счастливъ въ полной
мѣрѣ!
(*Дашѣ*).
Постой, я напишу въ минуту имъ отвѣтъ.
(*Подходитъ къ столу, гдѣ писала Евгенія*).
Позвольте мнѣ....

ЕВГЕНІЯ.

Да тутъ бумаги больше нѣтъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Вѣдь вы писали же? И можно лоскуточикъ
Найти....

ЕВГЕНІЯ.

Мнѣ нуженъ былъ всего одинъ листочикъ.

СТОЛИЦЫНЪ, (*тихо*).

Который у меня; я здѣсь его ношу —
И мигомъ мой отвѣтъ у князя напишу.
(*Уходитъ въ кабинетъ*).

—

XI.

ЕВГЕНІЯ, ДАША.

ДАША.

Вотъ превращеніе! Да что-жъ все это значитъ?
Позвольте васъ спросить, здѣсь кто кого дурачитъ?

ЕВГЕНІЯ.

Чѣмъ это кончится—не знаю я сама;
Ахъ, Даша! посуди, все вышло изъ письма....

ДАША.

Ужъ письма? Стало быть, идетъ довольно дружно?
Къ кому-жъ писали вы?

ЕВГЕНІЯ.

Къ кому мнѣ было нужно.

ДАША.

А! чѣмъ же кончилось?

ЕВГЕНІЯ.

Я занялась письмомъ,
А онъ вошелъ!

ДАША.

Злодѣй! Увидѣлъ.... и потомъ?

ЕВГЕНІЯ.

Все прочиталъ.

ДАША.

Ай, ай, какъ это неучтиво!

ЕВГЕНІЯ.

Ему достанется.

ДАША.

И очень справедливо.

ЕВГЕНІЯ.

Вообрази жъ мой страхъ....

ДАША.

Онъ кажется прошелъ.

Да что-же онъ въ письмѣ веселаго нашелъ?

ЕВГЕНІЯ.

По счастью моему, онъ самолюбьемъ боленъ
И счелъ, что я къ нему пишу.

ДАША.

И былъ доволенъ?

ЕВГЕНІЯ.

Ужасно!

ДАША.

Ай, княжна! Да это чудеса!

ЕВГЕНІЯ.

Но скоро надобно открыть ему глаза.
За дерзости его я ненавижу пуще.

ДАША, (*услыша шумъ*).

Кто жъ это?

ЕВГЕНІЯ, (*увидя Рамирскаго*).

Боже мой!

ДАША, (*уходя, тихо Евгеніи*).

А! этотъ видно лучше!

—

XII.

ЕВГЕНІЯ, РАМИРСКІЙ.

РАМИРСКІЙ.

Какое счастіе! Я вижу васъ однѣхъ!

ЕВГЕНІЯ.

Гдѣ жъ батюшка?

РАМИРСКІЙ.

Княжна! Мнѣ дорогъ каждый
мигъ.

И если выслушать меня не захотите,
Тогда....

ЕВГЕНІЯ.

Пожалуйста, потише говорите.

РАМИРСКІЙ.

Я послѣ этого не смѣю продолжать.

ЕВГЕНІЯ.

Но тише говорить, — не значитъ замолчать.
(*показывая на кабинетъ*).
Здѣсь ждетъ васъ господинъ Столицынъ.

РАМИРСКІЙ.

Мнѣ бы должно
Съ ума сойти! Двухъ словъ сказать нельзя.

ЕВГЕНІЯ.

Нѣтъ, можно,
Но осторожнѣе.

РАМИРСКІЙ, (*очень тихо*).

Простите, виноватъ.
Теперь подслушивать насъ могутъ, какъ хотятъ.

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ, Боже мой! Къ чему жъ вы начали шеп-
таться?

РАМИРСКІЙ.

Помилуйте, княжна, мнѣ трудно догадаться,
Какимъ прикажете мнѣ тономъ говорить?

ЕВГЕНІЯ.

Вы громко можете меня благодарить.

РАМИРСКІЙ.

За что?

ЕВГЕНІЯ.

Вотъ хорошо, за важную услугу.

РАМИРСКІЙ.

Княжна!...

ЕВГЕНІЯ.

Я видѣла, сударь, мою подругу.

РАМИРСКІЙ.

Возможно ли!

ЕВГЕНІЯ.

И вамъ я очень помогла.

РАМИРСКІЙ.

Какъ милы вы!

ЕВГЕНІЯ, (*оглядываясь*).

Письмо я ваше отдала.

РАМИРСКІЙ.

Не бойтесь! Что-жъ, она ужасно разсердилась?

ЕВГЕНІЯ.

Не очень.

РАМИРСКІЙ.

И прочесть письмо мое....

ЕВГЕНІЯ, (*оглядываясь*).

Рѣшилась.

РАМИРСКІЙ.

Чего жъ боитесь вы? скажите мнѣ отвѣтъ,
Скажите въ двухъ словахъ: я счастливъ или нѣтъ?
Не бойтесь! Боже мой!

ЕВГЕНІЯ.

Но ей ужасно стыдно
Признаться было въ томъ, что безъ признанья видно.

РАМИРСКІЙ.

Ахъ! вы меня на верхъ блаженства увлекли!
Но я боюсь.... чтобъ насъ подслушать не могли.

ЕВГЕНІЯ.

Не бойтесь.

РАМИРСКІЙ.

Я клянусь, но что за увѣренья!
Любить и обожать ее до изступленья! (*оглядывается*).

ЕВГЕНІЯ.

Не бойтесь.

РАМИРСКІЙ.

Пусть она увидитъ мой восторгъ!
И ею я любимъ! И я у вашихъ ногъ! (*оглядывается*).

ЕВГЕНІЯ.

Не бойтесь.

РАМИРСКІЙ, (*становясь на колѣна*).

Счастливымъ быть больше невозможно!

—

XIII.

ТѢЖЕ, СТОЛИЦЫНЪ, РАДУГИНЪ, ДАША. (*Всѣ въ одно время показываются изъ разныхъ дверей*).

СТОЛИЦЫНЪ.

Браввссимо! ай! ай! Но какъ неосторожно!

РАДУГИНЪ.

Что значитъ это? Я отъ васъ не ожидалъ.

РАМИРСКІЙ.

Ахъ, князь....

СТОЛИЦЫНЪ.

Позвольте, князь, чтобъ я растолковалъ.

РАДУГИНЪ.

Ахъ, братецъ! ты всегда не за свое берешься.

СТОЛИЦЫНЪ.

За что-жъ вы сердитесь?

РАДУГИНЪ.

А ты чему смѣешься?

СТОЛИЦЫНЪ.

А вотъ увидите.

РАДУГИНЪ.

Я видѣлъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Да не то.

И просто, онъ княжну благодаритъ...

РАДУГИНЪ.

За что?

СТОЛИЦЫНЪ.

За покровительство ея.

РАДУГИНЪ.

Оно похоже....

СТОЛИЦЫНЪ.

Позвольте, князь, оно похоже, да не тоже.
По счастію, не всѣ боготворятъ одну —
И разумѣется, влюбленъ онъ не въ княжну.

РАДУГИНЪ.

А близко?...

СТОЛИЦЫНЪ.

Именно, въ одну ея подругу.

РАДУГИНЪ.

Такъ на взаимную пошло у нихъ услугу?

СТОЛИЦЫНЪ.

Какъ тутъ попали вы! Ай, князь!... и каково-жъ?
Что значитъ опытность!

РАДУГИНЪ.

Не то, что молодежъ.

СТОЛИЦЫНЪ.

Ну, не всегда! меня вы извините въ этомъ.
По чьимъ здѣсь, напримѣръ, уладилось совѣтамъ?—
По собственнымъ моимъ. Кто познакомилъ?—Я.
Кого благодарить они должны? — Меня.
Все я!

РАДУГИНЪ.

Все ты! Хорошъ и подслужился славно!
А какъ зовутъ ея подругу?

СТОЛИЦЫНЪ.

Вотъ забавно!
Вѣдь я и не спросилъ.

РАДУГИНЪ.

Такъ спросимъ-ка объ ней.

СТОЛИЦЫНЪ.

Спросите.

РАДУГИНЪ, (*показывая на Рамирскаго*).

Онъ молчитъ.

СТОЛИЦЫНЪ, (*Евгеніи*).

Скажите поскорѣй
Мнѣ на ушко. Ну, что-жъ?... Вы тоже онѣмѣли...
Оно хоть ничего.... однако-жъ, въ самомъ дѣлѣ,
Мнѣ странно наконецъ.... что-жъ это за секретъ?

РАДУГИНЪ, (*тихо Столицыну*).

Ужъ нѣтъ ли тутъ чего нибудь?...

СТОЛИЦЫНЪ.

Конечно нѣтъ.

РАДУГИНЪ.

Но подозрительно?

СТОЛИЦЫНЪ.

Ахъ, князь! Какъ это скучно;
Кого подозрѣвать и въ чемъ? Ахъ, какъ здѣсь душно!...
Но вотъ письмо княжны увѣритъ васъ вполнѣ,
Что я....

РАДУГИНЪ.

Письмо къ тебѣ?

СТОЛИЦЫНЪ.

Надѣюсь, что ко мнѣ.

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ, нѣтъ!

СТОЛИЦЫНЪ.

Княжна!...

ЕВГЕНІЯ.

Божусь, что я не къ вамъ писала.

СТОЛИЦЫНЪ.

Къ-кому жъ? Ахъ, я дуракъ!

РАДУГИНЪ.

А, что она сказала?

СТОЛИЦЫНЪ.

Княжна! Но честь, любовь, и дружба и труды....
Эй, кто нибудь!

ДАША.

Я здѣсь, сударь.

СТОЛИЦЫНЪ.

Стаканъ воды!

РАДУГИНЪ.

Ну, что-жъ?

ЕВГЕНІЯ, (*подходя*).

Ахъ батюшка!

РАМИРСКІЙ, (*подходя*).

Ахъ, князь!

СТОЛИЦЫНЪ.

Такъ я — здѣсь лишній.
И вотъ чѣмъ отплатилъ пріятель мой давнишній!

ДАША, (*подавая воду*).

Стаканъ воды.

РАДУГИНЪ.

Ты самъ устроилъ эту связь.
Училъ обманывать и вотъ....

СТОЛИЦЫНЪ.

Оставьте, князь,
Нравоученія! что тутъ за пустословье?
Я очень радъ и пью за общее здоровье.
Слуга покорнѣйшій! Я нынче званъ на балъ.
(*Уходитъ, а Даша его провожаетъ*)

—

XIV.

РАДУГИНЪ, ЕВГЕНІЯ, РАМИРСКІЙ.

РАДУГИНЪ.

Прощай! (*Рамирскому*). А вы, сударь? Но кто жъ вамъ право далъ
Распоряжаться здѣсь безъ вышняго начальства?
Я не таковъ, чтобъ дочь беречь для генеральства,
Кто ей понравится, тотъ мнѣ и будетъ зять.

РАМИРСКІЙ.

Какъ счастливъ я!

РАДУГИНЪ, (*показывая на письмо*).

А ты—давно ли сочинять
Пустилась, матушка, конфектные билеты?
Отъ добраго отца грѣшно имѣть секреты.
Вотъ послѣ этого люби васъ безъ души.

ЕВГЕНІЯ.

Ахъ, батюшка!

РАМИРСКІЙ.

Ахъ, князь!

РАДУГИНЪ.

Вы оба хороши!

РАМИРСКІЙ.

Неужли я ни чѣмъ не заслужу прощенья?

РАДУГИНЪ.

Я, братецъ, не таковъ и помню одолженья.
Но васъ мнѣ надобно прошколить напередъ.
Ну, помиримся же, а сватьба — черезъ годъ.

РАМИРСКІЙ.

Ахъ, князь! Ждать цѣлый годъ возможно ли, влюбившись?

РАДУГИНЪ.

Посмотримъ, что-то ты заговоришь женившись?

ВЗАИМНЫЯ ИСПЫТАНІЯ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Графиня.
Свѣтлана, ея сестра.
Пламирскій.
Элдинъ.

Дѣйствіе въ домѣ графини.

ВЗАИМНЫЯ ИСПЫТАНІЯ.

I.

ГРАФИНЯ, СВѢТЛАНА.

ГРАФИНЯ.

И такъ, любезная Свѣтлана, я рѣшаюсь —
И быть Пламирскаго женою соглашаюсь;
Хоть чувствамъ ревности онъ слишкомъ предался,
Но я дала урокъ и опытъ удался.
Теперь рѣшительно онъ мнѣ не досаждаетъ.
Но это, признаюсь, меня не утѣшаетъ.
Хоть мы не ссоримся — но въ немъ не вижу я
Ни прежней радости, ни прежняго огня!
Онъ идеаломъ сталъ холоднаго счастливца:
А равнодушный мужъ несноснѣе ревнивца.

СВѢТЛАНА.

Мнѣ странно, что онъ васъ совсѣмъ неразлюбилъ,
И какъ все вытерпѣть его достало силъ?

ГРАФИНЯ.

Я это дѣлала, добра ему желая.

СВѢТЛАНА.

Но можно исправлять людей необижая.

ГРАФИНЯ.

Онъ позабудетъ все.

СВѢТЛАНА.

Чтобъ помириться съ нимъ,
Увѣрьте жъ вы его, что точно онъ любимъ.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, я ему еще готовлю испытанье.

СВѢТЛАНА.

Еще! ахъ, Боже мой! Да это наказанье!
Когда онъ въ васъ влюбленъ и безъ ума отъ васъ,
Чего жъ хотите вы?

ГРАФИНЯ.

Чтобъ онъ не всякій разъ
Былъ холоденъ со мной — и я найду искусство
И наказать его, и оживить въ немъ чувство.
Элединъ нашъ, къ кому меня онъ ревновалъ,
(Тогда-какъ не меня Элединъ обожалъ)
Для хитрости моей необходимо нуженъ,
Чтобъ въ этомъ отказать — онъ съ нами очень дружен —
И я его сей-часъ пріѣхать къ намъ прошу.
(*отдавая ей письмо.*)
Прочти.

СВѢТЛАНА (*читаетъ.*)

«Любезный Элединъ! Вы мнѣ необходимо нужны.
«Дѣло идетъ о Пламирскомъ: будьте съ нимъ
«осторожнѣе. Вы слишкомъ много для меня сдѣ-
«лали, чтобъ нечувствовать вашихъ одолженій; но
«я могу быть вамъ полезною въ свою очередь.
«Вы любите....»

ГРАФИНЯ.

Ну, что-жъ?

СВѢТЛАНА, (*продолжая читать.*)

«Вы любите сестру мою — и я надѣюсь устроить
«ваше счастіе.»

ГРАФИНЯ.

Ну, что-жъ? Не дурно я пишу?

СВѢТЛАНА.

Сестрица!

ГРАФИНЯ.

Боже мой! Объ чемъ же ты хлопочешь?
Послать, такъ мы пошлемъ, а если ты не хочешь —
Я не пошлю. Ну, что жъ — прикажешь разорвать?

СВѢТЛАНА.

Когда написано, такъ лучше ужъ послать.

ГРАФИНЯ.

Я думаю; отвѣтъ я этотъ отгадала,
И вѣрно сбудется, мой другъ, что обѣщала.
Хоть скучно, признаюсь, быть два года вдовой
И честь не велика быть старшею сестрой,
Однако-жъ незабудь теперь, что ты вторая —
И выйдетъ старшая сперва, — а тамъ меньшая.

СВѢТЛАНА.

Конечно. (*увидя Пламирскаго.*) Вотъ и онъ! Скорѣе по рукамъ.

—

II.

ТѢЖЕ, ПЛАМИРСКІЙ.

ПЛАМИРСКІЙ.

Надежда и любовь меня приводятъ къ вамъ.
Когда жъ вы сжалитесь, графиня, надо мною
И осчастливите меня своей рукою?
Скажите мнѣ, для васъ чего не сдѣлалъ я?
Сперва вамъ испытать хотѣлося меня,
Я былъ въ отчаяньи; но вынесъ испытанье.
Исполните жъ теперь и ваше обѣщанье!
Вы скажете опять, что я нетерпѣливъ —
Положимъ, но за то я больше не ревнивъ.
Да и смѣшно, когда надѣюсь быть счастливымъ—
Зачѣмъ, на что, къ кому мнѣ можно быть ревни-
вымъ?

ГРАФИНЯ.

Ужъ разумѣется, къ кому вамъ ревновать?

ПЛАМИРСКІЙ.

И это я могу вамъ тотчасъ доказать.
Будь я ревнивъ, тогда бъ ....бралось все къ сердцу
близко....
Тогда бъ я васъ спросилъ .... съ кѣмъ эта перепи-
ска?
Что это за письмо, прикрытое платкомъ?
И мало ли спросить нашлося бы о чемъ!
Но для меня всегда священна ваша тайна —
И я — вы видите, спокоенъ чрезвычайно.

ГРАФИНЯ.

О! удивительно! (*показывая письмо.*) А прочитать его

Не дурно бъ.

ПЛАМИРСКІЙ.

Искренность дороже мнѣ всего.

ГРАФИНЯ.

Такъ доказать ее и случай я имѣю.

ПЛАМИРСКІЙ.

Я очень бы желалъ; но — требовать не смѣю.

ГРАФИНЯ.

Такъ знайте же, что я признательна сама,
И выбираю васъ вручителемъ письма,
Возьмите; вы, какъ другъ, въ насъ примите участье....
И пусть онъ черезъ васъ свое узнаетъ счастье.
(*уходитъ вмѣстѣ съ Свѣтланою.*)

—

III.

ПЛАМИРСКІЙ, (*одинъ.*)

Ужъ вѣрно что нибудь скрываться тутъ должно.
Отдать письмо!.... Къ кому жъ написано оно?
Къ Эледину!... Меня какъ громомъ поразило!
Къ Эледину!.... Кого зовутъ: Элединъ милый
И любятъ — и въ примѣръ мнѣ ставили кого.
Такъ вотъ кто счастливый! А я здѣсь для того,
Чтобъ, по словамъ ея, въ интригѣ взять участье,

И чтобъ увѣдомить его объ этомъ счастьѣ.
Прекрасно! Но теперь.... теперь открылось все.
Письмо къ Эледину! Чего же мнѣ еще?
Но онъ со всѣмъ пропалъ! — О! трудно догадаться:
Они поссорились и скоро помирятся.
И я подателемъ счастливаго письма!
Она мнѣ поручить изволила сама.
Измѣнница! Оно ко мнѣ попалось кстати.
Что если-бъ?.... Боже мой! Записка безъ печати!...
Не испытанье ли? — А что нибудь да есть;
Чего бы недалъ я, чтобы ее прочесть!
Однако-жъ, выдержать мнѣ надо непремѣнно.
Оно мнѣ ввѣренно — и для меня священно!
Вотъ положеніе! На что рѣшиться вдругъ?
Ахъ, Боже мой! Вотъ онъ!

—

IV.

ПЛАМИРСКІЙ, ЭЛЕДИНЪ.

ЭЛЕДИНЪ.

А! здравствуй, милый другъ!

ПЛАМИРСКІЙ.

Я такъ же очень радъ, что нахожу возможность
Вамъ снова доказать....

ЭЛЕДИНЪ.

Несносную холодность;
Не такъ ли? Но къ чему жъ угрюмый этотъ взглядъ?

А все-таки твердитъ, что будто очень радъ.
Не ревновать ли ты по прежнему пустился,
И вѣрно съ милою графиней разбранился?

ПЛАМИРСКІЙ.

За что-жъ?

ЭЛЕДИНЪ.

Но если бы случился этотъ грѣхъ,
То я васъ помирить могу скорѣе всѣхъ.
Я очень друженъ съ ней — и нынче особливо.

ПЛАМИРСКІЙ.

Кто жъ сомнѣвается?

ЭЛЕДИНЪ.

И это справедливо.

ПЛАМИРСКІЙ.

Я знаю, ты всегда графиню восхищалъ;
Но гдѣ жъ скрывался ты? Я думать начиналъ,
Что вы поссорились.

ЭЛЕДИНЪ.

Нѣтъ, въ этомъ будь увѣренъ:
Я ссориться никакъ съ графиней не намѣренъ.
А не былъ потому, что съ скукой пополамъ
Отсюда уѣзжалъ въ деревню по дѣламъ;
И каково жъ, мой другъ, безъ милой жить въ пустынѣ!

ПЛАМИРСКІЙ.

А удовольствіе писать.... къ своей графинѣ?

ЭЛЕДИНЪ.

Ахъ, нѣтъ!

ПЛАМИРСКІЙ.

Ты не писалъ?

ЭЛЕДИНЪ.

Ни разу, побожусь!
За то я досыта теперь наговорюсь.

ПЛАМИРСКІЙ.

Такъ стало, первая графиня начинаетъ?

ЭЛЕДИНЪ.

А что?

ПЛАМИРСКІЙ.

Мнѣ нравится, что онъ непонимаетъ!
Конечно, всякому признаться тяжело;
Но это долѣе таиться не могло.
(*отдавая письмо*)
Возьми! пусть говорятъ теперь, что я ревнивецъ.

ЭЛЕДИНЪ.

Письмо!

ПЛАМИРСКІЙ.

Ну, что-жъ? Читай скорѣй его,счастливецъ!

ЭЛЕДИНЪ.

Возможно ли! Ахъ! дай себя разцѣловать.

ПЛАМИРСКІЙ.

Оставь! — О, Боже мой! Изволитъ обнимать!

ЭЛЕДИНЪ.

Я слишкомъ чувствую....

ПЛАМИРСКІЙ.

Не дружбы ли потерю?

ЭЛЕДИНЪ.

Мой другъ! Я безъ ума — читаю и не вѣрю.

ПЛАМИРСКІЙ.

Такъ, стало быть, въ немъ все, что радостнаго есть?
Но чтобъ увѣриться, мнѣ надобно прочесть.

ЭЛЕДИНЪ.

Прошу! Вотъ выдумалъ!

ПЛАМИРСКІЙ.

Ну полно жъ, что за шалость?

ЭЛЕДИНЪ.

Божусь тебѣ, никакъ нельзя.

ПЛАМИРСКІЙ.

Имѣй же жалость,

Элединъ!

ЭЛЕДИНЪ.

Боже мой! Когда нельзя.

ПЛАМИРСКІЙ.

Такъ нѣтъ —

Рѣшительно?

ЭЛЕДИНЪ.

Ну, да — рѣшительно секретъ.

ПЛАМИРСКІЙ.

Такъ я узнаю же.

ЭЛЕДИНЪ.

Сомнительно.

ПЛАМИРСКІЙ.

Нисколько.

ЭЛЕДИНЪ

Увидимъ.

ПЛАМИРСКІЙ.

Хорошо, увидимъ.

ЭЛЕДИНЪ.

Да и только.

ПЛАМИРСКІЙ.

Такъ я вамъ докажу настойчивость мою —
Я требую письма!

ЭЛЕДИНЪ.

А я не отдаю.

—

V.

ТѢЖЕ, ГРАФИНЯ, СВѢТЛАНА.

ГРАФИНЯ.

Что значитъ этотъ шумъ? Письмо! А, понимаю!

ЭЛЕДИНЪ.

Вступитесь, я за васъ, графиня, погибаю.

ГРАФИНЯ.

За любопытство страхъ какъ достается намъ,
Но узнавать объ томъ, что писано не къ вамъ,
Не то ли самое? И ваши подозрѣнья
Теряютъ, признаюсь, всю цѣну одолженья.

ПЛАМИРСКІЙ.

Графиня! Смѣю ли я васъ подозрѣвать?
Но если бы.... чего нельзя предполагать,
Нечаянно нашлись секреты между вами,
То вѣрно бъ вы объ нихъ мнѣ разсказали сами.

ГРАФИНЯ.

Вы ошибаетесь и развѣ скажетъ онъ.

ЭЛЕДИНЪ.

Клянусь, что никогда!

ПЛАМИРСКІЙ.

Что-жъ я за почтальонъ?

ГРАФИНЯ.

Такъ вамъ письмо отдать казалося обидно?

ПЛАМИРСКІЙ.

Напротивъ, для меня страхъ лестно....

ГРАФИНЯ.

Это видно.

ПЛАМИРСКІЙ.

За то онъ радости не могъ преодолѣть.

СВѢТЛАНА.

Вы шутите.

ЗЛЕДИНЪ.

Ахъ, нѣтъ!

ПЛАМИРСКІЙ.

Извольте посмотрѣть!

ГРАФИНЯ.

Мнѣ очень жаль, что вы—не то, чтобы ревнивы,
А вспыльчивы.

ПЛАМИРСКІЙ.

Кто? я? Какъ вы несправедливы,
И какъ осмѣлиться сердиться мнѣ на васъ?
Угодно ли, чтобъ я отправился тотчасъ?...
Угодно ли, чтобъ онъ остался здѣсь къ услугамъ,
Чтобъ мало ли о чемъ поговорить другъ съ дру-
гомъ?
Извольте! — Боже мой! Вамъ стоитъ приказать,
И я съ покорностью, чтобъ вамъ не помѣшать,
Уѣду.

ГРАФИНЯ.

Не шутя?

ПЛАМИРСКІЙ.

Лишь только прикажите.

ГРАФИНЯ.

Вы ѣхать можете куда себѣ хотите.

ПЛАМИРСКІЙ.

Серьёзно.

ГРАФИНЯ.

Боже мой! Серьёзнѣе нельзя!
И развѣ васъ, сударь, удерживаю я?
А между тѣмъ мы васъ надѣемся дождаться —
И мнѣ есть надобность....

ПЛАМИРСКІЙ.

Съ Элединымъ остаться —
Не такъ ли?

ГРАФИНЯ.

Я ждала Эледина съ утра.

ПЛАМИРСКІЙ.

Такъ, стало быть, давно уѣхать мнѣ пора?
Теперь вы можете бесѣдовать свободно;
Я ѣду — и совсѣмъ готовъ...

ГРАФИНЯ.

Какъ вамъ угодно!

ПЛАМИРСКІЙ.

Вашъ отзывъ обо мнѣ не слишкомъ справедливъ,
И, кажется, грѣшно сказать, что я ревнивъ.
(уходитъ)

—

VI.

ТѢЖЕ, кромѣ ПЛАМИРСКАГО.

ЭЛЕДИНЪ.

За что-жъ, графиня, онъ уѣхалъ по-неволѣ?

ГРАФИНЯ.

Чтобъ, между тѣмъ, къ своей вы пріучились ролѣ.

ЭЛЕДИНЪ.

О! роль влюбленнаго меня не затруднитъ.

ГРАФИНЯ.

Надѣюсь.

ЭЛЕДИНЪ, (*Свѣтланѣ*).

Кто жъ меня за это наградитъ?

СВѢТЛАНА.

Ахъ, Боже мой! Какъ вамъ не стыдно!

ГРАФИНЯ.

Поздравляю!

Признаніе ея я очень понимаю,
Васъ вѣрно бы съ ума отъ радости свело....
Но вы не знаете, какъ это тяжело.
Оно, мнѣ кажется, изъ разговоровъ видно:
Ахъ, *нѣтъ*! ахъ, *да*! — или: какъ вамъ, сударь, не стыдно!

ЭЛЕДИНЪ.

Вы слишкомъ для меня и милы и добры!

ГРАФИНЯ.

И вы отплатите мнѣ счастіемъ сестры.
Сего-дня надобно, однако-жъ, вамъ влюбиться
Въ меня. Смотрите же, получше....

СВѢТЛАНА.

Притвориться?

ГРАФИНЯ.

А ты и струсила? Не бойся ничего —
И завтра же, мой другъ, ты выйдешь за него.

СВѢТЛАНА.

Какъ, завтра? Неужли? —

ЭЛЕДИНЪ.

Вамъ это такъ ужасно?

СВѢТЛАНА.

Но завтра....

ЭЛЕДИНЪ.

Для чего жъ откладывать напрасно?

СВѢТЛАНА.

Нельзя ли, Боже мой, хоть послѣ-завтра?

ЭЛЕДИНЪ.

Нѣтъ!

Я точно ли любимъ, докажетъ вашъ отвѣтъ.
Ахъ! будьте искренны со мной безъ принужденья...
(*становясь на колѣна*).
Я умоляю васъ не дѣлать затрудненья —
И не откладывать блаженства моего!

ГРАФИНЯ.

Пламирскій!

ЭЛЕДИНЪ, (*стоя на колѣнахъ, оборачивается къ графинѣ*).

Боже мой! Не бойтесъ ничего.
Графиня, я клянусь.... (*тихо*) Пожалуйста, не смѣйтесь!
(*громко*).
Скажите, можно ли надѣяться?...

ГРАФИНЯ.

Надѣйтесь.

—

VII.

ТѢЖЕ, ПЛАМИРСКІЙ.

ПЛАМИРСКІЙ.

Теперь ужъ не объ чемъ мнѣ больше узнавать.

ГРАФИНЯ.

Тѣмъ лучше, если вы умѣли отгадать.

ЭЛЕДИНЪ.

Онъ такъ перепугалъ, что я насилу ожилъ!

ПЛАМИРСКІЙ.

Мнѣ очень совѣстно, что васъ я потревожилъ.

ГРАФИНЯ.

О! въ эдакихъ вещахъ отъ васъ я не таюсь;
Вы такъ умны....

ПЛАМИРСКІЙ.

И такъ услужливъ!...

ГРАФИНЯ.

Признаюсь,
И въ доказательство, что дружбы изъясненья,
Не только вамъ подать не могутъ подозрѣнья,
Но разумѣется.... пріятны вамъ самимъ,
Я оставляю васъ и ворочуся — съ нимъ.

(уходитъ съ Элединымъ).

—

VIII.

ПЛАМИРСКІЙ, СВѢТЛАНА.

ПЛАМИРСКІЙ.

И я надѣялся быть истинно любимымъ!
Пусть дѣлаетъ она Элединa счастливымъ!
Пусть онъ тщеславится побѣдой изъ побѣдъ!
Пусть влюбится!...

СВѢТЛАНА.

Ахъ, нѣтъ!

ПЛАМИРСКІЙ.

Пусть женится....

СВѢТЛАНА.

Нѣтъ, нѣтъ!

ПЛАМИРСКІЙ.

Мы поквитаемся: презрѣньемъ за презрѣнье.

СВѢТЛАНА.

Пламирскій! Боже мой! Вы въ страшномъ заблужденьи!

ПЛАМИРСКІЙ.

Я въ заблужденіи! Но это.... это что-жъ?...
Не доказательство?

СВѢТЛАНА.

Помилуйте! вольножъ
Всѣхъ мучить и самимъ терзаться изъ пустова.
Пускай они ушли.... Ну, что-же тутъ дурнова?
Я больше вамъ сказать не смѣю ничего....
(*тихо*).
Но увѣряю васъ, что любятъ не его.

ПЛАМИРСКІЙ.

Кого жъ?

СВѢТЛАНА.

Вотъ видите, ужъ это слишкомъ много.
Послушайтесь меня: исправьтесь, ради Бога!
Старайтеся не все такъ къ сердцу принимать,
И вы узнаете, какъ весело прощать!
Неужли вы совсѣмъ сестрицу разлюбили?

ПЛАМИРСКІЙ.

Я словъ не нахожу! Вы жизнь мнѣ возвратили!
И сколько бъ ни былъ я графиней оскорбленъ,
Могу ли не простить, когда я предпочтенъ?
Но прежде, нежели мнѣ съ нею помириться,
Я требую....

СВѢТЛАНА.

Чего-жъ?

ПЛАМИРСКІЙ.

Позволить въ васъ влюбиться!

СВѢТЛАНА.

Ахъ, Боже мой! Но я кокетства не терплю!
Вы мнѣ не нравитесь.

ПЛАМИРСКІЙ.

Я самъ васъ не люблю!
Кто можетъ чувствами располагать свободно?
Я не мѣшаю вамъ любить кого угодно....
И васъ не оскорбитъ притворная любовь;
Я только въ васъ влюблюсь на нѣсколько часовъ!
Мы этой хитростью отъ хитростей отучимъ
И вѣрно ревностью другъ другу не наскучимъ.
Какъ натурально я васъ стану обожать.

СВѢТЛАНА.

И натурально я не стану отвѣчать.

ПЛАМИРСКІЙ.

Помилуйте! Ни въ чемъ не будетъ прекословья.
Я только васъ прошу исполнить два условья:
По женски — взглядами мнѣ нѣсколько польстить,
И по мужски — секретъ нашъ въ тайнѣ сохранить.

СВѢТЛАНА.

Она осердится....

ПЛАМИРСКІЙ.

Мнѣ этого и надо:
Посердится, проститъ — и будетъ очень рада.
И кто же можетъ васъ за это упрекать,
Что, въ одолженье мнѣ, рѣшитесь помолчать.

СВѢТЛАНА.

Извольте.

—

IX.

ТѢЖЕ, ГРАФИНЯ.

ГРАФИНЯ.

Вотъ и я!

ПЛАМИРСКІЙ.

Ахъ, Боже мой, какъ скоро!

ГРАФИНЯ.

У насъ съ Элединымъ все кончилось безъ спора,
И съ вами нужно мнѣ теперь поговорить.
Мнѣ право совѣстно....

ПЛАМИРСКІЙ.

Охота вамъ шутить!

ГРАФИНЯ.

Ахъ, нѣтъ! Я не шутя прошу у васъ прощенья.

СВѢТЛАНА.

А я, чтобъ поскорѣй вамъ кончить объясненья,
Уйду.

ПЛАМИРСКІЙ, (*тихо Свѣтланѣ.*)

Смотрите же: и тайна, и любовь.

СВѢТЛАНА, (*тихо Пламирскому.*)

Неколебимыя — на нѣсколько часовъ! (*уходитъ.*)

—

X.

ГРАФИНЯ, ПЛАМИРСКІЙ.

ГРАФИНЯ.

Моей нескромностью Элединъ страхъ разстроенъ;
Онъ безпокоится....

ПЛАМИРСКІЙ.

А я такъ преспокоенъ.

ГРАФИНЯ.

Такъ вы по-этому не сердитесь на насъ?

ПЛАМИРСКІЙ.

За что?

ГРАФИНЯ.

Что мы ушли?

ПЛАМИРСКІЙ.

Напротивъ, въ добрый часъ!
Что-жъ за бѣда? ушли, теперь пришли—и только.

ГРАФИНЯ.

За это бъ пожурилъ иной.

ПЛАМИРСКІЙ.

А я — нисколько.

ГРАФИНЯ.

Вы нынче надъ собой большую взяли власть.

ПЛАМИРСКІЙ.

Чтобъ вамъ понравиться.

ГРАФИНЯ.

И это будто страсть?
Ахъ, Боже мой! Да вы, сударь, любовникъ рѣдкой,
И я взбѣсилась бы, когда бъ была кокеткой!

ПЛАМИРСКІЙ.

Но вы кокетка ли? Я также не ревнивъ,
И увѣряю васъ, не такъ самолюбивъ,
Чтобъ не видать, что я вамъ становлюся скуч-
нымъ;
Но чтобы дружески быть съ вами неразлучнымъ,
Чтобъ недостатковъ въ васъ впередъ не замѣ-
чать,
Всегда вамъ нравиться, всегда вамъ угождать,
Я знаю, чѣмъ теперь воспользоваться должно,
И для моей любви нѣтъ жертвы невозможной.

ГРАФИНЯ.

Чего же больше мнѣ? И жертвы, и любовь!

ПЛАМИРСКІЙ.

Я жизнію для васъ пожертвовать готовъ!

графиня.

Увидимъ; напримѣръ, вы кажется искали
Моей руки?

пламирскій.

И вы мнѣ даже обѣщали.

графиня.

Кто жъ ваши думаетъ оспоривать права?
Мнѣ этого самой хотѣлося сперва;
Но если наскоро иное обѣщаешь,
То можетъ встрѣтиться, чего не ожидаешь.

пламирскій.

Графиня?...

графиня.

Въ женщинахъ непостоянства тьма.
Съ начала васъ онѣ полюбятъ безъ ума,
А нѣсколько спустя.... разлюбятъ безъ пощады.

пламирскій.

Какъ это весело!

графиня, (*всторону.*)

Онъ бѣсится съ досады! (*вслухъ.*)
Я также женщина, и также, можетъ быть,
Могу кого нибудь любить и разлюбить;
Я очень чувствую, какъ много тутъ дурнова....
Но еслибъ, не шутя, влюбилась я въ другова?

пламирскій.

То есть, въ Эледина?

графиня.

Да почему жъ въ него?

пламирскій.

Да потому, что къ вамъ нѣтъ ближе никого.

ГРАФИНЯ.

Но если бъ это былъ и точно онъ?...

ПЛАМИРСКІЙ, (*въсторону.*)

Пустое!

ГРАФИНЯ.

Васъ разсердило бы признаніе такое?

ПЛАМИРСКІЙ.

Вы ошибаетесь: кто это вамъ сказалъ?
Чтобъ счастью вашему Пламирскій помѣшалъ!
Ахъ, нѣтъ! вы отказать мнѣ можете свободно.

ГРАФИНЯ.

Вы соглашаетесь?

ПЛАМИРСКІЙ.

На все, что вамъ угодно.

ГРАФИНЯ.

Какое счастіе!

ПЛАМИРСКІЙ.

Я поздравляю васъ.

ГРАФИНЯ.

Я выйду за него сего-дня жъ.

ПЛАМИРСКІЙ.

Хоть сей-часъ.

ГРАФИНЯ.

Я не замѣшкаюсь. (*въсторону*) Холодное созданье!

(*вслухъ.*)

Какъ свойственно любви такое состраданье!
Но жертва, признаюсь, такая не легка.

ПЛАМИРСКІЙ.

Когда она для васъ—она не велика!

ГРАФИНЯ.

Но все-таки оно вамъ нѣсколько обидно?...

ПЛАМИРСКІЙ.

Вы это видите.

ГРАФИНЯ.

О, какже — очень видно!

ПЛАМИРСКІЙ.

Наружность иногда обманчива; за то
Я, можетъ быть, въ душѣ страдаю какъ никто!
И часто для того, чтобъ сдѣлать угожденье,
Веселымъ кажешся, а чувствуешь мученье.
Но и теперь, когда все кончено со мной,
Когда къ-несчастію вамъ нравится другой,
Я все употреблю, чтобъ не разстаться съ вами.

ГРАФИНЯ.

Вотъ новости!

ПЛАМИРСКІЙ.

Мой планъ похвалите вы сами.
Онъ затрудненій намъ не стоитъ ни какихъ,
И разомъ счастіе составитъ четверыхъ.

ГРАФИНЯ.

Но кто жъ четвертая, сударь?

ПЛАМИРСКІЙ.

Сестрица ваша.

ГРАФИНЯ.

Моя сестра?...

ПЛАМИРСКІЙ.

Отъ васъ зависитъ участь наша!
Желанья моего она не затруднитъ.

ГРАФИНЯ.

И вы увѣрены?

ПЛАМИРСКІЙ.

Васъ это веселитъ,
Не правда ли?

ГРАФИНЯ.

И вы мнѣ подали причину.

ПЛАМИРСКІЙ.

Какую въ четверомъ представимъ мы картину!
Вы будете любви прямое божество!
Элединъ счастливый представитъ торжество!
Пламирскій ревности изобразитъ тиранство,
А милая моя невѣста — постоянство!
Когда жъ выходите вы за-мужъ за него?

ГРАФИНЯ.

Ужъ вы не женитесь скорѣе моего.

ПЛАМИРСКІЙ.

О Боже мой! но ждать покажется за вѣчность.

ГРАФИНЯ.

Я выйду завтра же.

ПЛАМИРСКІЙ.

Счастливая поспѣшность!
Теперь я ни какихъ препятствій не боюсь,
И въ подражанье вамъ я завтра же женюсь.
Въ ея согласіи я напередъ увѣренъ,
И безпокоить васъ собою не намѣренъ.
Мнѣ было бъ совѣстно Эледину мѣшать;
Онъ вздумаетъ еще, пожалуй, ревновать,
И подозрительнымъ почтетъ мое участье.
Теперь отъ васъ однѣхъ мое зависитъ счастье!
Я стою этого — вы знаете за что,
И больше моего не любитъ васъ никто. (*Уходитъ.*)

—

XI.

ГРАФИНЯ (*одна*).

Вотъ, послѣ этого испытывай!... И чѣмъ же
Все это кончилось? Онъ отплатилъ мнѣ тѣмъ же.
Ревнивцевъ исправлять!... Они не таковы
И что мнѣ вздумалось?... Но вы, сударь, но вы
Какъ вы осмѣлились мнѣ подавать уроки?
Какіе вы во мнѣ находите пороки?
За что меня въ глаза злословить и язвить?
Какъ смѣли вы меня другому уступить —
И не жалѣть такой потери невозвратной?
Конечно, это вздоръ—но вздоръ пренепріятной!
И кто жъ соперница? Дитя въ пятнадцать лѣтъ!

—

XII.

ГРАФИНЯ, СВѢТЛАНА,

ГРАФИНЯ.

А, вы разстались сей-часъ съ Пламирскимъ?

СВѢТЛАНА.

Нѣтъ.

ГРАФИНЯ.

Вы все-таки его наслушались совѣтовъ?

СВѢТЛАНА.

И даже множество имѣемъ съ нимъ секретовъ.

ГРАФИНЯ.

Секреты? Но кому жъ секреты ваши знать?

СВѢТЛАНА.

Я обѣщалася Пламирскому молчать.

ГРАФИНЯ.

Молчать!

СВѢТЛАНА.

Ахъ, Боже мой! за что-жъ вы осердились?
Онъ самъ просилъ.

ГРАФИНЯ.

А вы, вы тотчасъ согласились?

СВѢТЛАНА.

На что-же вамъ его напрасно огорчать?

ГРАФИНЯ.

Для удовольствія—его вамъ утѣшать.

СВѢТЛАНА.

За это вы меня простите безъ сомнѣнья?

ГРАФИНЯ.

Простить, сударыня! Вы просите прощенья,
А сами шепчетесь?

СВѢТЛАНА.

Чтобъ тайну нашу скрыть.

ГРАФИНЯ.

Прекрасно!

СВѢТЛАНА.

Можно ли его не полюбить!

ГРАФИНЯ.

Конечно.

СВѢТЛАНА.

Надобно усиливать взаимность.

ГРАФИНЯ.

Какъ эта дѣтская мнѣ нравится наивность!

СВѢТЛАНА.

Вамъ это нравится—съ?

ГРАФИНЯ.

Чтобъ доказать, что *да—съ*,
Онъ завтра-жъ женится—и именно на васъ.

СВѢТЛАНА.

Ахъ, Боже мой! Ну, вотъ чего не ожидала!

ГРАФИНЯ.

И вѣрно женится, когда я обѣщала.

СВѢТЛАНА.

Но не спросясь меня?...

ГРАФИНЯ.

Онъ счастливъ и любимъ:
Объ чемъ тутъ спрашивать? И я въ минуту съ нимъ
Явлюсь и напередъ невѣсту поздравляю.

СВѢТЛАНА.

Ахъ, нѣтъ! я убѣгу.

ГРАФИНЯ.

А я вамъ запрещаю.

СВѢТЛАНА.

Ужъ чтобы ни было, а я не измѣню.

ГРАФИНЯ, (*уходя.*)

Ужъ чтобы ни было, а я его женю.

—

XIII.

СВѢТЛАНА, (*одна*).

Сестрица! Боже мой! Какое положенье!
Вотъ послѣ этого пустись на одолженье,

И попадешь въ бѣду: для одного молчишь,
А эта сердится, зачѣмъ не говоришь.
Что-жъ за пріятности, ну сами согласитесь!

—

XIV.

СВѢТЛАНА, ПЛАМИРСКІЙ.

СВѢТЛАНА, (*увидя Пламирскаго, бѣжитъ къ нему на встрѣчу.*)
Пожалуйста на мнѣ, Пламирскій, не женитесь!

ПЛАМИРСКІЙ.
На васъ? Вотъ новости; да кто жъ васъ напугалъ?

СВѢТЛАНА.
Сестрица.

ПЛАМИРСКІЙ.
Неужли?

СВѢТЛАНА, (*съ живостью.*)
А кто вамъ приказалъ
Ее испытыватъ, сердить....

ПЛАМИРСКІЙ.
Но почему же?
Тѣмъ лучше.

СВѢТЛАНА.
Боже мой! Но для меня-то хуже!
И надо обо всемъ тотчасъ ей разсказать.

ПЛАМИРСКІЙ.
Вы все испортите.

СВѢТЛАНА.

Но можно ли молчать,
Когда сбираются насъ обвѣнчать!

ПЛАМИРСКІЙ.

Серьёзно?

СВѢТЛАНА.

Когда вы женитесь, тогда ужъ будетъ поздно.

ПЛАМИРСКІЙ.

А скоро?

СВѢТЛАНА.

Боже мой! да завтра, не шутя.

ПЛАМИРСКІЙ.

И вы повѣрили. Ну, что вы за дитя!
Она пугаетъ васъ.

СВѢТЛАНА.

Пожалуйста.... Богъ знаетъ!

ПЛАМИРСКІЙ.

Насильно же меня она не обвѣнчаетъ;
И я васъ не пущу.

СВѢТЛАНА.

Нѣтъ, я не соглашусь.

ПЛАМИРСКІЙ.

Ахъ, вы погубите меня, я вамъ клянусь!
Клянусь у вашихъ ногъ.

СВѢТЛАНА.

Ахъ, встаньте, я пропала!

—

XVI.

ТѢЖЕ, ГРАФИНЯ.

ГРАФИНЯ.

Вотъ сцена! Признаюсь, да это изъ Фингала!

ПЛАМИРСКОЙ.

Но въ сценахъ эдакихъ нѣтъ рѣдкости большой.

ГРАФИНЯ.

О, разумѣется! — и даже никакой,
И даже Марсъ—и тотъ былъ пойманъ у Киприды!

ПЛАМИРСКІЙ.

И Баязетъ у ногъ прелестной Аталиды!

ГРАФИНЯ.

Да кто-жъ Роксана здѣсь? надѣюсь, что не я.
(Свѣтланѣ.)
Извольте выдти.

СВѢТЛАНА, *(уходя.)*

Ахъ, за что-же на меня
Вы вѣчно сердитесь?...

ПЛАМИРСКІЙ, *(тихо Свѣтланѣ.)*

Пожалуйста не бойтесь.

СВѢТЛАНА, *(тихо Пламирскому.)*

Такъ вы не женитесь на мнѣ?

ПЛАМИРСКІЙ.

Небезпокойтесь.

—

XVII.

ГРАФИНЯ, ПЛАМИРСКІЙ.

ГРАФИНЯ.

Мнѣ кажется, успѣхъ довольно вашъ хорошъ?

ПЛАМИРСКІЙ.

Мнѣ тоже кажется.

ГРАФИНЯ.

Помилуйте; чего-жъ
Вамъ болѣе? Вы такъ другъ къ другу оба страстны
И женитесь.

ПЛАМИРСКІЙ.

Когда на это вы согласны.

ГРАФИНЯ.

Я счастію сестры не думаю мѣшать.

ПЛАМИРСКІЙ.

И признаюсь, ее нельзя не.... уважать.

ГРАФИНЯ.

И обожать?

ПЛАМИРСКІЙ.

Сперва привязанность родится,
А тамъ....

ГРАФИНЯ.

Помилуйте, вамъ долго ли влюбиться?

ПЛАМИРСКІЙ.

Но все-таки вы всѣхъ прелестнѣе собой!

ГРАФИНЯ.

И завтра жъ женится охотно на другой!

ПЛАМИРСКІЙ.

И завтра же женюсь, благодаря разсудокъ.
Онъ убѣдилъ меня, графиня, кромѣ шутокъ,
Что часто мы въ одну наружность влюблены,
Что красота не есть достоинство жены,
И что любезный нравъ конечно, безъ ошибки,
Прочнѣе черныхъ глазъ и розовой улыбки.
Сестрица ваша такъ добра и молода,
Что я надѣюся, безъ всякаго труда,
Ея наклонностей быть первымъ впечатлѣньемъ.
Она меня прельститъ любезнымъ снисхожденьемъ,
Не станетъ никогда на зло мнѣ досаждать,
Но будетъ снисходить и съ радостью прощать
За слабости.

ГРАФИНЯ.

Но ихъ не тысячи за вами.

ПЛАМИРСКІЙ.

Но слабости мои вы осуждали сами;
Я слишкомъ родился съ чувствительной душой,
И точно, мудрено быть счастливой со мной.

ГРАФИНЯ.

Но можно ли назвать чувствительность порокомъ?

ПЛАМИРСКІЙ.

Я въ положеніи былъ самомъ прежестокомъ,
А не исправился; я вижу это самъ:
Что нравилося мнѣ, не нравилося вамъ!
И что-жъ прикажете, когда несходны нравы?

ГРАФИНЯ.

Но въ этомъ не совсѣмъ, мнѣ кажется, вы правы.

ПЛАМИРСКІЙ.

Ихъ можно бы еще, конечно, согласить;
Но что потеряно, того не воротить.

ГРАФИНЯ.

Но все-таки....

ПЛАМИРСКІЙ.

Теперь нѣтъ средства ни какова.—
И вы рѣшительно ужъ выбрали другова.

ГРАФИНЯ.

Положимъ, но сей-часъ... Ахъ, Боже мой, объ чемъ
Вы начали и вдругъ....

ПЛАМИРСКІЙ.

Я думаю объ томъ,
Что какъ бы нужно мнѣ исправиться.

ГРАФИНЯ.

Ахъ, точно!

ПЛАМИРСКІЙ.

И мнѣ не удалось, однако-жъ, какъ нарочно!

ГРАФИНЯ.

Я не скажу....

ПЛАМИРСКІЙ.

Я все ужасно прихотливъ,
Упрямъ, взыскателенъ....

ГРАФИНЯ.

И, полноте!

ПЛАМИРСКІЙ.

Ревнивъ.

ГРАФИНЯ.

Немножко.

ПЛАМИРСКІЙ.

Ревности я страшно опасаюсь!

ГРАФИНЯ.

Напрасно!.... За сестру я смѣло вамъ ручаюсь.

ПЛАМИРСКІЙ.

Я даже бы желалъ, вамъ искренно сказать,
Заставить и ее немножко ревновать.

ГРАФИНЯ.

Вы шутите?

ПЛАМИРСКІЙ.

Оно конечно не похвально —
И, можетъ быть, смѣшно.

ГРАФИНЯ.

Однако-жъ натурально!
И я смѣшнаго тутъ не вижу ничего.

ПЛАМИРСКІЙ.

А сами, между тѣмъ, графиня, никого
По замѣчаніямъ моимъ не ревновали?

ГРАФИНЯ.

Мнѣ очень жаль, что вы такъ дурно замѣчали.

ПЛАМИРСКІЙ.

Возможно ли! И вы ревнивой быть могли?
Но нѣтъ! вы шутите?

ГРАФИНЯ.

Напротивъ.

ПЛАМИРСКІЙ.

Неужли?
Какое счастіе! Такъ, стало быть, вы правы,
И какъ-то сходятся немножко наши нравы;
Вы замѣчаете?

ГРАФИНЯ.

И очень иногда!

ПЛАМИРСКІЙ.

И завтра жъ должно намъ разстаться навсегда!

ГРАФИНЯ.

Ужъ завтра! Но пока.... я, кажется, свободна.

ПЛАМИРСКІЙ.

И самъ я не женатъ еще, когда угодно.

ГРАФИНЯ.

Что до Эледина.... онъ кажется.... влюбленъ
Въ сестру.

ПЛАМИРСКІЙ.

Возможно ли? Вотъ новость! Развѣ онъ
Не въ васъ влюбленъ?

ГРАФИНЯ.

Влюбленъ, но... кажется, напрасно.

ПЛАМИРСКІЙ.

Какъ счастливо!

ГРАФИНЯ.

А вотъ что нѣсколько опасно:
Что, можетъ быть, сестра въ васъ слишкомъ влюблена?

ПЛАМИРСКІЙ.

Я не скажу; хоть я увѣренъ, что она
Ко мнѣ привязана, однако-жъ, такъ послушна,
Что роковой ударъ снесетъ великодушно.

ГРАФИНЯ.

На что-жъ рѣшитесь вы, хотѣла-бъ я узнать?

ПЛАМИРСКІЙ.

Я думаю.... зачѣмъ ихъ счастію мѣшать?

ГРАФИНЯ.

Я тоже думаю.

ПЛАМПРСКІЙ.

Что можно посердиться
Немножко иногда, а тамъ и помириться?

ГРАФИНЯ.

Я тоже думаю и между тѣмъ, пока
Мы объясняемся, вотъ вамъ моя рука.

ПЛАМПРСКІЙ.

Такова счастія я чувствую всю цѣну!
Простите-жъ мнѣ теперь притворную измѣну;
Мнѣ вамъ на опытѣ хотѣлось доказать,
Что не хотя любовь научитъ ревновать.

ГРАФИНЯ.

Ахъ, вы съ Свѣтланою меня перепугали!

ПЛАМПРСКІЙ.

Вы сами начали, а мы вамъ подражали.

ГРАФИНЯ.

Да, эдакой урокъ полезенъ иногда.

—

XVIII.

ТѢЖЕ, СВѢТЛАНА, ЭЛЕДИНЪ.

ПЛАМИРСКІЙ.

А! кстати, вотъ они.... пожалуйте сюда
Скорѣй; мы кончили почти комедью нашу.

(Свѣтланѣ).

Вы дайте ручку мнѣ.

ГРАФИНЯ, (*Элединy*).

А вы мнѣ дайте вашу.

ПЛАМИРСКІЙ, (*Свѣтланѣ*).

Не бойтесь, Боже мой! Вѣдь это для него.

СВѢТЛАНА.

Ахъ, съ радостью!

ГРАФИНЯ, (*соединяя Свѣтлану съ Элединымъ*).

Люби и слушайся его.

ЭЛЕДИНЪ.

Смотрите жъ, ни на шагъ отъ этихъ замѣчаній!

СВѢТЛАНА.

Смотрите жъ, никогда не дѣлать испытаній!

ЭЛЕДИНЪ.

И не испытывать, и вѣкъ не ревновать.

ПЛАМИРСКІЙ.

По моему.

ГРАФИНЯ.

Дай Богъ!

ПЛАМИРСКІЙ.

Вамъ стоитъ пожелать —
И все исполнится, графиня, безъ сомнѣнья:
Я отрекаюся на вѣкъ отъ подозрѣнья,
И счастья моего залогомъ быть должна
Любовь, довѣренность и милая жена!

ГРЕЧЕСКІЯ БРЕДНИ,

или

ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ

НА ИЗНАНКУ.

ПАРОДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,
ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

—

Ифигенія, верховная жрица Діаны.

Орестъ, братъ Ифигеніи.

Пиладъ, другъ Ореста.

Фоасъ, скиѳскій военачальникъ.

Жрецъ.

1-я } Жрицы.
2-я }

1-й } Скиѳы.
2-й }

Жрицы.

Эвмениды и демоны.

Скиѳы.

Стражи и воины Фоаса.

Воины Ореста.

Дѣйствіе въ Тавридѣ.

ГРЕЧЕСКІЯ БРЕДНИ,

или

ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ колоннаду храма. Дѣйствіе начинается бурею. Вдали видны море и корабль, носимый вѣтрами, а ближе къ сценѣ лодка, въ которой сидятъ Орестъ съ Пиладомъ и плаваютъ взадъ и впередъ въ виду зрителей.

I.

ИФИГЕНІЯ, ЖРИЦЫ.

ХОРЪ.

И громъ, и дождь, и вихрь, и градъ!
Земля дрожитъ — погибъ нашъ градъ.

ДВѢ ЖРИЦЫ.

Во всѣхъ сердцахъ
Боязнь и страхъ!
О Боги! Ахъ!

ДВѢ ДРУГІЯ.

Уйдемъ, уйдемъ! одинъ Діанинъ храмъ
От страшныхъ бурь теперь спасенье намъ!

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, нѣтъ! я не могу послѣдовать за вами.
Оставьте здѣсь меня утѣшиться слезами!
Ахъ! сей ужасный вѣтръ, и молніи, и громъ
Питаютъ и живятъ душевный мой содомъ!
И мы при зрѣлищѣ столь чуднаго явленья —
О жрицы! — принесемъ богамъ свои моленья!

Боги щедрые! внемлите
Въ сей ужасный міру часъ;
Истребляйте, что хотите,
Но спасите только насъ!
О великій Зевсъ! мы просимъ
Благосердныхъ намъ судьбинъ.
Дни невинно мы проводимъ,
Рѣжа изрѣдка мужчинъ.

О Боги! для чего по строгости судьбинъ,
Вы въ жертву приносить велѣли вамъ мужчинъ?
Ахъ! женщинѣ ль свершать жестокости такія?
Что въ мертвыхъ мнѣ, когда мнѣ милы лишь живые!

1-я ЖРИЦА.

О жрица! наконецъ — не полно ли шутить?
Тутъ надобно не вздоръ, а дѣло говорить:
Иной, сочтя, что ты всѣхъ рѣжешь безъ зазрѣнья,
Почувствуетъ къ тебѣ невольно отвращенье....
И лучше зрителей увѣрить поспѣши,
Что не пришлось тебѣ зарѣзать ни души.

ИФИГЕНІЯ.

Діана! ты, рѣшаясь быть вѣчною дѣвицей,
На то ли сдѣлала меня верховной жрицей,
Чтобъ въ храмѣ здѣсь твоемъ мужчинъ переводить?
Нѣтъ, нѣтъ! я не могу природы заглушить!
Но сонъ сегодняшній.... сонъ страшной и чудесной!

1-я ЖРИЦА.

Что слышу? Продолжай.... какъ это интересно!

ИФИГЕНІЯ.

Ахъ! о подобныхъ снахъ говорено не разъ.

2-я ЖРИЦА.

Но гдѣ жъ?

ИФИГЕНІЯ.

Въ гадательныхъ оракулахъ у насъ.
Мнѣ снилось все: и смерть, и лютые убійцы,
И казни, и мечи, и кости, и гробницы,
Явленье мертвецовъ, ихъ вопли, молній блескъ,
Подземный нѣкій гулъ, и страшный громовъ трескъ!
Пещеры, храмины, и дебри, и вертепы,
И адскій пламенникъ, и адовы заклепы!
Оковы, рѣки слезъ, стенанія любви,
Я зрѣла мать мою, плывущую въ крови,
Шипящихъ фурій, змѣй, тьму страшныхъ привидѣній,
И словомъ — весь сумбуръ трагическихъ твореній!

1-я ЖРИЦА.

О жрица! объясни подробнѣе сей сонъ;
Онъ насъ развеселитъ.

ИФИГЕНІЯ.

Такъ слушайте жъ — вотъ онъ:

На кровати я вкушала
Сладостный покой,
И довольная судьбой,
Объ Ахиллѣ я мечтала,
Какъ онъ бѣгивалъ за мной.

ХОРЪ.

Ой! Ой!

ИФИГЕНІЯ.

Слышу вдругъ, стучатъ въ дверяхъ!

ХОРЪ.

Ахъ! ахъ!

ИФИГЕНІЯ.

Я отъ страха онѣмѣла,
Спряталась въ пуховикахъ.

ХОРЪ.

Ахъ! Ахъ!

ИФИГЕНІЯ.

Только я взглянуть хотѣла:
Вдругъ въ куски
Занавѣски рвутъ — о боги! —
И во время сей тревоги
Меня тащатъ двѣ руки!

ХОРЪ.

И! и!

ИФИГЕНІЯ.

Голосъ слышу я подземной:
Онъ проникъ изъ бездны темной,
Какъ зловѣщій крикъ совы!

ХОРЪ.

Увы!

ИФИГЕНІЯ.

Въ тотъ же мигъ, какой ужасный стукъ!
Земля дрожитъ, гремятъ со трескомъ громы!
Пожаръ! пожаръ! все загорѣлось вдругъ!
Горятъ лѣса и домы.
И тѣни мнѣ знакомы
На адскомъ вижу днѣ!
(*Жрицамъ.*) Эхъ! эхъ! не жмитесь такъ ко мнѣ....
Вижу папиньку,
Вижу маминьку,
Вижу бабиньку.
Они бѣгутъ за братцомъ.
Вдругъ юношу встрѣчаю, —
Онъ грустенъ и въ цѣпяхъ;
Мнѣ стало жалко страхъ.
Его я обнимаю,
Забывши въ торопяхъ,
Что ножъ въ моихъ рукахъ! —
Ахъ!

ЖРИЦЫ, (*между собою.*)

Сестрица! Ахъ!
Чертей я въ снахъ
Боюся страхъ.

ИФИГЕНІЯ.

Сонъ бѣды мнѣ предвѣщаетъ!

ХОРЪ.

Врядъ ли съ той добро бываетъ,
Кто мужчину убиваетъ.

ИФИГЕНІЯ.

Ахъ! вѣдь это все во снѣ.

ХОРЪ.

Сонъ обманываетъ вѣчно,
И мужчинъ любя сердечно,
Ты бы иначе, конечно,
Поступила не во снѣ.

ИФИГЕНІЯ.

Предвѣстіе ужасно!
Лишиться брата мнѣ!
Ахъ! это не напрасно
Я видѣла во снѣ.

ИФИГЕНІЯ.

Въ глазахъ темнѣетъ свѣтъ!
Ореста больше нѣтъ!
Сонъ страшный предвѣщаетъ,
Что быть у насъ бѣдамъ.
Ахъ! должно вѣрить снамъ.

ХОРЪ.

Рыдай, рыдай весь свѣтъ!
Ореста больше нѣтъ!

1-я ЖРИЦА.

Разсудокъ запрещаетъ
Грустить по пустякамъ;
Не должно вѣрить снамъ.

ХОРЪ.

Рыдай, рыдай весь свѣтъ!
Ореста больше нѣтъ!

1-я ЖРИЦА.

Но се къ намъ шествуетъ....

ИФИГЕНІЯ.

Но кто жъ? Фоасъ! о страхъ!
Смущеніе его — я зрю въ его очахъ.

—

II.

ТѢЖЕ, ФОАСЪ.

ФОАСЪ.

Все стонетъ, все дрожитъ и къ вамъ я поспѣшаю.
О жрица! признаюсь — я трусить начинаю!

ИФИГЕНІЯ.

Мы знаемъ ужъ давно, что ты ужасный трусъ!

ФОАСЪ.

Что-жъ дѣлать мнѣ, когда я грома такъ боюсь?
Діану ублажить мнѣ средствъ не остается,
И такъ ужъ всякаго, кто въ руки попадется,
Изъ угожденья ей мы рѣжемъ всякій разъ.

ИФИГЕНІЯ.

О боги!

ФОАСЪ.

А они пугаютъ только насъ!

ИФИГЕНІЯ.

Чего жъ страшишься ты въ сей робости несча-
стной?

ФОАСЪ.

Ахъ! жизнь моя теперь въ опасности ужасной!
Одинъ изъ колдуновъ по дружбѣ мнѣ твердитъ,
Что если изъ моихъ кто плѣнныхъ убѣжитъ,
Тогда пропалъ Фоасъ—съ руками и съ ногами!

ИФИГЕНІЯ.

Онъ можетъ быть шутилъ?

ФОАСЪ.

Нѣтъ, этими вещами
Подобнымъ храбрецамъ никакъ нельзя шутить,
И въ страхѣ я готовъ—васъ всѣхъ переморить.

Мнѣ шепчетъ кто-то въ ухо.
Такъ тихо, такъ глухо:
Фоасъ, Фоасъ, страшись!
Эй, берегись!
Вездѣ, какъ тѣнь,
Меня и ночь и день,
Пострѣлъ невидимый пугаетъ.
Вездѣ гроза!
Я сплю, открывъ глаза.
Весь адъ, мнѣ кажется, меня не покидаетъ!
Ахъ, нѣтъ! пускай самъ чортъ
Такую жизнь возьметъ,
Въ которой нѣтъ на часъ покою.
Нѣтъ, это не игра:
Пора
Прохожихъ всѣхъ душить,
Иль быть,
Я чувствую, недоброму со мною!

ИФИГЕНІЯ, (*насмѣшливо.*)

Сколь боги мстительны!

ФОАСЪ.

Смягчи ихъ гнѣвъ мольбою,
Спаси мнѣ жизнь, не то — раздѣлаюсь съ тобою!

III.

ТѢЖЕ, СКИѲЪ, НАРОДЪ.

ХОРЪ.

Гей, гей! весь радуйся народъ!
Все къ лучшему идетъ!

СКИѲЪ.

Сей-часъ двухъ странниковъ грозою
Загнало въ пристань къ намъ,
И мы, хвала богамъ,
Связали ихъ рука съ рукою.
Гей, гей! ну, братцы, поживѣе!
На радости душею всей
Устроимъ праздникъ мы дружнѣе,
Тѣмъ лучше, чѣмъ глупѣй!

ХОРЪ.

Гей, гей! весь радуйся народъ!
Все къ лучшему идетъ!

ИФИГЕНІЯ.

Кто жъ плѣнники сіи?

СКИѲЪ.

Два странныхъ негодяя:
Одинъ молчитъ; другой, всѣхъ крикомъ оглушая,
Собою возбудилъ въ народѣ общій смѣхъ;
Онъ въ страшномъ бѣшенствѣ бросается на всѣхъ!
Отсутствіе ума его являютъ взгляды;
Дерется, никому не дѣлая пощады.
Когда жъ я, наконецъ, велѣлъ его связать,
Онъ началъ призывать свою родную мать.
Вѣщаютъ, фуріи, носясь надъ нечестивымъ,
Змѣями бьютъ его, чтобъ сдѣлался учтивымъ!

ИФИГЕНІЯ.

Но молоды ль они?

СКИѲЪ.

О, очень!

ИФИГЕНІЯ.

Какъ ихъ жаль!

ФОАСЪ.

Не къ мѣсту, жрица, тутъ ни слезы, ни печаль!
Рази сихъ жертвъ, онѣ душѣ моей отрада!

ИФИГЕНІЯ.

О вождь! уволь меня отъ звѣрскаго обряда!
Два жалкихъ плѣнника, въ неволѣ и въ цѣпяхъ,
И труса, кажется, привесть не могутъ въ страхъ.

ФОАСЪ.

Я подозрителенъ, но повинуясь ролѣ,
Ни въ чемъ уже мѣшать тебѣ не будуболѣ.
Я въ третьемъ дѣйствіи зайду сюда на часъ,
И можешь, между тѣмъ, обманывать ты насъ.
Идите прочь.

ИФИГЕНІЯ.

Почто жъ?

ФОАСЪ.

Не спрашивай объ этомъ;
Намъ сцену надобно занять теперь балетомъ.
(*Ифигенія и жрицы уходятъ*).

—

IV.

ФОАСЪ, НАРОДЪ.

ФОАСЪ.

Доколѣ не сразимъ мы въ храмѣ пришлецовъ,
Спѣшите, граждане, увеселять боговъ.
Я позволяю вамъ — все дѣлать, что хотите:
Дурачьтесь, радуйтесь, и пойте, и пляшите!

ДИВЕРТИССЕМЕНТЪ.

СКИѲЪ.

Ахъ! безъ женщинъ что за пляски

ФОАСЪ.

Такъ зовите жъ ихъ скорѣй.

СКИѲЪ.

Эй, красотки! ваши глазки
Пиръ нашъ сдѣлаютъ живѣй.
Скиѳы мы такова нрава:
Намъ безъ женщинъ скученъ свѣтъ;
И забава — не забава,
Если съ нами женщинъ нѣтъ.

—

V.

ТѢЖЕ, ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ (*въ оковахъ*), СТРАЖА.

СКИѲЪ.

О вождь! Зри плѣнниковъ на жертву осужденныхъ.

ФОАСЪ.

Я съ роду не видалъ мерзавцевъ столь надмен-
ныхъ.
Какой надменный видъ!
Сычемъ глядитъ,
И кажется сердитъ.
Отвѣтствуй на допросъ:
Какой васъ чортъ занесъ
Къ чужимъ брегамъ?

ПИЛАДЪ.

Извѣстно то богамъ;
Но мы не скажемъ вамъ...

ФОАСЪ.

Отвѣтъ такой ли данъ,
Грубіянъ,
Правителю сихъ странъ?
Здѣсь всюду власть моя,
Начальникъ я!

ПИЛАДЪ.

Тѣмъ хуже для тебя!

ФОАСЪ.

Такъ трепещи, страшись!

ПИЛАДЪ.

Мы смѣлы родились.

ФОАСЪ.

Храбритесь—я сей-часъ
Велю зарѣзать васъ!

ОРЕСТЪ, (*тихо Пиладу*).

Ахъ, дерзости твои не къ мѣсту здѣсь, Пиладъ;
Иной сочтетъ тебя Орестомъ не-въ-попадъ.

ФОАСЪ.

Ихъ видъ въ душѣ моей возобновляетъ муки!
Стремитесь, воины, связать имъ крѣпче руки.

СКИѲЪ.

Они и такъ въ цѣпяхъ.

ФОАСЪ.

А! а! спасибо вамъ.
Чтобъ кончить дѣйствіе, влеките ихъ во храмъ!

Дивертиссементъ продолжается.

ХОРЪ.

Такъ зарѣжутъ ихъ сей-часъ!
Веселися нашъ Фоасъ.
То-то будетъ пиръ у насъ!
То-то смѣхъ, игра, забава!

А Фоасу честь и слава!
Мы исполним твой приказъ,
Веселися нашъ Фоасъ!
Перерѣжутъ ихъ какъ-разъ!
То-то смѣхъ, игра, забава!
Вся Фоасу честь и слава!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ подземелье, похожее на тюрьму. На срединѣ сцены стоятъ жертвенникъ и истуканъ Діаны, а съ боку что нибудь похожее на кровать.

I.

ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ.

ОРЕСТЪ.

О рокъ! рази меня! скончай мое мученье!
Преслѣдуемъ тобой, я вышелъ изъ терпѣнья!
Забывши все: мой родъ, и славу, и отца,
Ты сдѣлалъ изъ меня повѣсу и глупца!
О злобный рокъ, меня къ сей крайности приведшій!
Я тихъ — и между тѣмъ бѣшусь какъ сумасшедшій!
Я жалостливъ — и тьму жестокостей свершилъ!

Люблю родителей — и матери отмстилъ!
Скитаясь — укушенъ я бѣшеной собакой,!
Прослылъ убійцею и страшнымъ забіякой....
Бѣшуся — и вездѣ распространяю страхъ!
Одинъ Пиладъ въ моихъ участвуетъ бѣдахъ:
Его ни другъ, ни смерть, ничто не устрашаетъ.
Тутъ новыя бѣды мнѣ рокъ приготовляетъ!
Всевластный Аполлонъ, коль жрецъ мнѣ не со-
врал,
Велитъ, чтобъ я скорѣй въ Тавриду поспѣшалъ
Похитить истуканъ сей дѣвственной Діаны.
Стремимся въ путь, и что-жъ? Свирѣпые тираны
Обоихъ насъ живьемъ запрятали въ полонъ.
И вотъ намъ истуканъ! — Жестокій Аполлонъ!

ПИЛАДЪ.

Ахъ, пощади его! — не то своей десницей....

ОРЕСТЪ.

То мало, что Орестъ сталъ матери убійцей!
И друга онъ разитъ!

ПИЛАДЪ.

Помилуй! Я здоровъ.

ОРЕСТЪ.

Но мы умремъ!

ПИЛАДЪ.

Твой другъ на все съ тобой готовъ.
Злодѣи, насъ сразивъ, свое насытятъ мщенье.

Ахъ! пройдутъ твои мечты,
Скоро ужасы забудешь;
Какъ умрешь, то вѣрно ты
Больше жить уже не будешь.

Умру, умру съ тобой!

ОРЕСТЪ.

Нашелъ ты утѣшенье!

ПИЛАДЪ.

Всѣхъ въ свѣтѣ ты дружнѣй со мной;
Мы вмѣстѣ, другъ мой, выростали,
Въ горѣлки, въ коршуны играли
Всегда съ ребячества съ тобой.
Я видѣлъ радость всю въ Орестѣ.
Любо намъ
Играть, бывало, вмѣстѣ!
Съ тѣхъ поръ пустились мы кружить.
Гдѣ я не побывалъ съ тобою?
Ахъ! жили мы одной душою.
Насъ смерть не въ силахъ разлучить!
Увѣренъ я въ моемъ Орестѣ.
Любо намъ,
Какъ насъ зарѣжутъ вмѣстѣ!

—

II.

ТѢЖЕ, ЖРЕЦЪ.

ЖРЕЦЪ.

Васъ должно разлучить, вы къ смерти осуждены.

ОРЕСТЪ, *(въ бѣшенствѣ)*.

Отвѣтствуй мнѣ: кто ты, о старецъ дерзновенный?

ЖРЕЦЪ.

Почти меня: я жрецъ и стражемъ пришлецовъ.

ПИЛАДЪ.

Давно ли завела Діана здѣсь жрецовъ?

ЖРЕЦЪ.

Я пользуюсь одинъ здѣсь почестью такою.
Но полно разсуждать, — и маршируй за мною!

ОРЕСТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! О варвары! Да умертвятъ насъ вдругъ!

ПИЛАДЪ.

Мы требуемъ того.

ЖРЕЦЪ, (*отводя Пилада всторону*).

Послушай-ка, мой другъ;
Онъ глупъ, мнѣ кажется?

ПИЛАДЪ.

Ахъ, нѣтъ! Но онъ помѣшенъ.

ЖРЕЦЪ.

Я жалостливъ, а онъ ужасно что-то бѣшенъ.
И такъ до времени онъ можетъ здѣсь уснуть.

ПИЛАДЪ.

Благодарю; ему не худо отдохнуть.

ЖРЕЦЪ.

Я зналъ и не забылъ поставить здѣсь кровати.

ОРЕСТЪ.

О боги грозные!

ПИЛАДЪ, (*жрецу*).

Кровать тутъ очень кстати.

ЖРЕЦЪ.

Ты съ нимъ увидишься чрезъ нѣсколько минутъ.
Утѣшьтесь, юноши! васъ вмѣстѣ здѣсь убьютъ.

ПИЛАДЪ.

Великодушный жрецъ! *(Оресту)*. Прощай!

ОРЕСТЪ, *(жрецу)*.

О злой мучитель!

—

III.

ОРЕСТЪ *(одинъ)*.

Пиладъ умретъ! Нѣтъ, нѣтъ! И самъ тучегонитель
Спасетъ несчастнаго и мой услышитъ стонъ!
Но что за странности! Меня объемлетъ сонъ....
Ахъ! первый ли Орестъ, коль авторъ пожелаетъ,
Предъ казнію своей на сценѣ засыпаетъ!

Желая боги истощить
На мнѣ всѣ бѣдствія ужасны.
Велятъ еще Оресту жить,
И къ нимъ мольбы мои напрасны,

Ахъ! вотъ я вижу кстати
Какой-то родъ кровати.
Прилягу — и пока
Я тутъ забудуся слегка.

—

IV.

ОРЕСТЪ, ФУРІИ.

ФУРІЯ.

Се время приступить, онъ кажется ужъ спитъ,
О дщери адовы! Со свитой эвменидъ,
Стремитесь всѣ сюда! здѣсь намъ довольно мѣста.
Воспойте пѣснь свою, пляшите вкругъ Ореста!
Смутите духъ его ужаснымъ, адскимъ сномъ,
И свѣтлый неба сводъ затмите весь кругомъ!

ХОРЪ.

Теперь отмстимъ злодѣю!
Ему скорѣй
Кажите змѣй,
Зубами хлопайте дружнѣй,
Кричите вдругъ страшнѣй,
И прыгайте сильнѣй,
А чтобы мукой сею
Въ немъ душу растерзать,
Начнемъ его щипать.

ОРЕСТЪ.

Ахъ! Ахъ!

ХОРЪ.

Теперь отмстимъ злодѣю! (и проч.)

ОРЕСТЪ.

Тѣнь вижу! — Чуръ меня!

ХОРЪ.

Теперь отмстимъ злодѣю!
Ну, не жалѣй огня!

—

V.

ОРЕСТЪ, ИФИГЕНІЯ, ЖРИЦЫ.

ОРЕСТЪ (*въ изступленіи, мечтая видѣть тѣнь Клитемнестры*).

О тѣнь!

ИФИГЕНІЯ.

Ахъ, не страшись! Клянусь тебѣ неложно
Зарѣзать васъ со всей учтивостью возможной!
Здѣсь плѣнниковъ всегда ко мнѣ приводятъ въ храмъ,
И я имѣю даръ услуживать гостямъ.

ОРЕСТЪ, (*всторону*).

О видъ! черты ея!

ИФИГЕНІЯ, (*жрицѣ*).

Сними съ него оковы.
Не должно съ жертвою брать мѣры столь суровы.
Приближься, юноша! Вѣщай: кто ты таковъ?

ОРЕСТЪ.

Что въ имени тебѣ — тебѣ нужна лишь кровь!

ИФИГЕНІЯ.

Ахъ, нѣтъ! увѣрь меня и утверди въ надеждѣ.
Скажи, не грекъ ли ты? Судя по сей одеждѣ....

ОРЕСТЪ.

Въ Микенахъ я рожденъ.

ИФИГЕНІЯ.

Въ Микенахъ? Небеса!

Что слышу? Разскажи, что тамъ за чудеса?
Агамемнонъ, своей побѣдой вознесенный,
Равно-ль....

ОРЕСТЪ.

Агамемнонъ!

ИФИГЕНІЯ.

Утѣшь мой духъ смущенный.
Вѣщай.

ОРЕСТЪ.

Агамемнонъ!

ИФИГЕНІЯ.

О странникъ, продолжай!

ОРЕСТЪ.

Агамемнонъ!

ИФИГЕНІЯ.

О страхъ! скорѣе отвѣчай!

ОРЕСТЪ.

Агамемнонъ!

ИФИГЕНІЯ.

Вѣщай — мнѣ медленность ужасна!

ОРЕСТЪ.

Агамемнонъ убитъ!

ИФИГЕНІЯ.

Что слышу я несчастна!
Убитъ! Но кѣмъ?

ОРЕСТЪ.

Убитъ — убитъ своей женой.

ИФИГЕНІЯ.

Какъ! Клитемнестрой!

ОРЕСТЪ.

Такъ.

ИФИГЕНІЯ.

О вѣстникъ роковой!

ОРЕСТЪ.

Положимъ, что имѣть любовниковъ и можно,
Но убивать мужей — нѣтъ, это ужъ безбожно!

ИФИГЕНІЯ.

Но гдѣ жъ Электра?

ОРЕСТЪ.

Ахъ! въ страданьи и въ цѣпяхъ!

ИФИГЕНІЯ.

Орестъ!

ОРЕСТЪ.

О небеса! Орестъ — природы страхъ!
Орестъ.... за смерть отца самъ матери отмщаетъ.

ИФИГЕНІЯ.

Что-жъ онъ свершилъ?

ОРЕСТЪ.

Онъ мать до смирти убиваетъ!

ИФИГЕНІЯ.

Ахъ! этотъ негодяй къ злодѣйствамъ лишь рожденъ.

ОРЕСТЪ.

Утѣшься! онъ въ тюрьмѣ и къ смерти осужденъ.

ИФИГЕНІЯ.

Ореста нѣтъ! онъ вѣчну муку
Нанесъ мнѣ смертью сей.
Ей, ей,
Сестрицы милыя, мой сонъ какъ въ руку.

ОРЕСТЪ.

Узнай....

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, знать я не хочу.
Сыграть еще мнѣ надо штуку,
Чтобъ поразить; но я молчу.
До времени открыться не моги.
Сюрприсъ къ развязкѣ береги!

—

VI.

ИФИГЕНІЯ, ЖРИЦЫ.

ИФИГЕНІЯ.

Оплачемте скорѣй Орестову кончину!

1-я ЖРИЦА.

Какую же, скажи, имѣешь ты причину,
О жрица, тосковать объ участи его?

ИФИГЕНІЯ.

Не спрашивай меня, я знаю для чего.
И я въ отчаяньи....

1-я ЖРИЦА.

Оно совсѣмъ напрасно.

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, нѣтъ! въ трагедіи отчаянье прекрасно!
Послушай: я хочу изъ плѣнниковъ моихъ
Спасти хоть одного.

1-я ЖРИЦА.

Не лучше ль ужъ двоихъ

ИФИГЕНІЯ.

Вотще! хотѣла бъ я, но небо раздраженно
Зарѣзать одного велитъ намъ непремѣнно!

И если мы спасемъ обоихъ въ этотъ разъ,
Ручаюся, что царь повѣситъ насъ тотъ-часъ.

1-я жрица.

Но ты....

ифигенія.

Не критикуй мои соображенья;
Отъ нихъ произойдутъ прекрасныя явленья!
Но плѣнниковъ должна я снова разспросить:
Иди!

1-я жрица.

Но вотъ они.

ифигенія, (*всторону*).

Кого-жъ изъ нихъ убить!

(*Жрицамъ*).

Идите прочь! меня вы мучите собою.

(*всторону*).

Несносныя! какъ хвостъ волочатся за мною!

(*Жрицы уходятъ*).

—

VII.

ИФИГЕНІЯ, ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ.

ифигенія.

Я сострадаю вамъ!

пиладъ.

Могли ль мы заслужить
Такія милости?

ифигенія.

Ахъ! мнѣ-ль васъ не щадить?
Вы видите во мнѣ единоземку вашу.

ПИЛАДЪ.

И такъ, то облегчитъ, конечно, участь нашу.

ИФИГЕНІЯ.

Ахъ! здѣсь не тотъ законъ.

ПИЛАДЪ.

Законъ пребеззаконной!

ИФИГЕНІЯ.

Клянусь, противенъ онъ
Душѣ, ко злу несклонной.

ПИЛАДЪ.

Въ твои младые годы
Всѣмъ тѣмъ, кто знаетъ жить,
Велитъ законъ природы,
Услужливою быть.

ИФИГЕНІЯ.

Спасти обоихъ мнѣ нѣтъ средства въ этотъ разъ,
Мнѣ вождь препятствуетъ. — Но между тѣмъ, изъ вась
Могу я одного кой-какъ еще избавить,
И въ шлюпку посадя, въ отечество отправить.

ОРЕСТЪ.

Ты долженъ, другъ мой, плыть.

ПИЛАДЪ.

Нѣтъ, другъ, ты долженъ жить.

ОБА.

Ахъ, нѣтъ! Ты долженъ плыть
Ахъ, нѣтъ! Ты долженъ жить.

ИФИГЕНІЯ.

Позвольте-жъ васъ просить
За это одоженье....

ОРЕСТЪ.

Что хочешь ты?

ИФИГЕНІЯ.

Одно
Исполнить порученье.

ОРЕСТЪ.

Исполнится оно!

ВМѢСТѢ.

Скажи-жъ, что быть должно
Ему поручено?

ИФИГЕНІЯ.

Желая о себѣ извѣстье дать роднымъ....

(*Оресту.*)

Могу ль надѣяться, что ты съ письмомъ моимъ...

ОРЕСТЪ, (*въ удивленіи.*)

Какъ? — что? — кто?—я?

ИФИГЕНІЯ.

Я чувства не скрываю:
Коль должно избирать, тебя я избираю!
Въ томъ сердце, мнится мнѣ, участвуетъ само!
Но я пойду теперь писать мое письмо;
По адресу его не будешь съ нимъ таскаться.

(*Пиладу.*)

А послѣ — я приду съ тобою разквитаться.

(*Уходитъ.*)

—

VIII.

ОРЕСТЪ, ПИЛАДЪ.

ПИЛАДЪ.

И такъ, ты попадешь въ отечество опять?

ОРЕСТЪ, (*съ бѣшенствомъ.*)

Ты любишь ли меня?

ПИЛАДЪ.

Къ чему жъ меня пугать?
Безбожный! Посмотри, какъ жрица поступаетъ:
Спѣшитъ меня убить, а все-таки ласкаетъ.

ОРЕСТЪ.

Скажи, ты точно ли такъ глупъ до этихъ лѣтъ,
Что хочешь умереть?

ПИЛАДЪ.

Божусь тебѣ, что нѣтъ!

ОРЕСТЪ.

Но, впрочемъ, завсегда ты малой былъ отважной!

ПИЛАДЪ.

Согласенъ, на словахъ я человѣкъ ужасной,
Но чувствами души я право не таковъ,
И честь убитымъ быть, по прихоти глупцовъ,
Я уступить тебѣ желалъ бы добровольно;
Но жрица не велитъ, и этого довольно.

ОРЕСТЪ.

Ты хочешь умереть? И жрицы то велятъ!
Ты хочешь умереть? Стыдися эдакъ лгать!
Вѣщай: чѣмъ заслужить ты вздумалъ предпочтенье?
Ты могъ ли пріобрѣсть всеобщее презрѣнье?
Ты порешь ли, какъ я, и вздоръ, и дребедень?
Ты сходишь ли съ ума разъ двадцать каждый день?
Вселенная тебѣ является ль гробницей?
Ты смѣлъ ли сдѣлаться мерзавцемъ и убійцей?
Вся сила адская владѣетъ ли тобой?
И зрѣлъ ли, наконецъ, ты тартаръ предъ собой?

ПИЛАДЪ.

Такъ отличить себя не всякому удобно.

ОРЕСТЪ, (*съ нѣжностію.*)

Тебѣ ли умереть?

ПИЛАДЪ.

Все это безподобно!

Но успокой себя и перестань шумѣть:
Ужъ дѣло рѣшено — я долженъ умереть.

ОБА.

Здѣсь казнь готовятъ другу,
Миронтонъ, тонъ, тонъ, миронтенъ,
Здѣсь казнь готовятъ другу, и проч.
Но другъ мой не умретъ.
Пиладъ мой не умретъ!
Орестъ мой не умретъ!
Ахъ! сдѣлай мнѣ услугу,
Миронтонъ, тонъ, тонъ, миронтенъ!
Ахъ! сдѣлай мнѣ услугу,
Пусть другъ тебя спасетъ.
Орестъ тебя спасетъ!
Пиладъ тебя спасетъ!
Мнѣ жизнь одно мученье!
Миронтонъ, тонъ, тонъ, миронтенъ!
Мнѣ жизнь одно мученье,
А хочешь, чтобъ я жилъ?
Я извергомъ прослылъ!
Ты за отца отмстилъ!
Миронтонъ, тонъ, тонъ, миронтенъ!
Я извергомъ прослылъ!
Ты за отца отмстилъ.
Я небо раздражилъ!

ПИЛАДЪ.

Дай успокоиться мнѣ въ адскихъ сѣняхъ!

ОРЕСТЪ.

Ты предаешь себя мечтамъ?

ПИЛАДЪ.

Прошу тебя я на колѣняхъ.

ОРЕСТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я самъ
Почту за честь
Здѣсь умереть!

ПИЛАДЪ.

Я тоже самъ.

ОРЕСТЪ.

Мнѣ смерть отрада!

ПИЛАДЪ.

Услышь Пилада!

ОБА, (*обнимаясь.*)

Мой другъ примѣръ друзьямъ!
Дружбы въ знакъ къ тебѣ моей,
Орестъ тебя спасетъ,
Пиладъ тебя спасетъ!
Дружбы въ знакъ къ тебѣ моей,
Онъ жизнію скучаетъ;
Пусть погибнетъ онъ скорѣй!
Дружбы въ знакъ,
Дружбы въ знакъ,
Дружбы въ знакъ къ тебѣ моей!

ОРЕСТЪ, (*обнимая Пилида.*)

Вотъ сцена дружества! Но что я ощущаю?
О горе! Я опять бѣситься начинаю!

ПИЛАДЪ, (*всторону.*)

Ай, ай, бѣда!

ОРЕСТЪ, (*въ изступленіи.*)
Весь адъ разверзся предо мной!

ПИЛАДЪ.

Картина ужаса!

ОРЕСТЪ.

Какой мучитель злой,
Какой свирѣпый змѣй мнѣ сердце раздираетъ?
Но что за тѣнь? О страхъ! Она меня пугаетъ!

ПИЛАДЪ.

Ты самъ, я думаю, въ сто разъ страшнѣе ей!

ОРЕСТЪ.

Тѣнь женщины! Но кто волочится за ней?
Эгистъ! О небеса! Разите негодяя!
Но съ этой стороны явилась тѣнь другая!
Она, схватя меня, цѣлуется со мной!
Кто ты, украшенный почтенной бородой?
Что вижу? Мой отецъ!

ПИЛАДЪ.

Какое заблужденье!

ОРЕСТЪ.

О верхъ отчаянья! О лютое мученье!
Лишаюсь наконецъ послѣднихъ я отрадъ!
И другомъ позабытъ!

ПИЛАДЪ.

Утѣшься! Вотъ Пиладъ!

ОРЕСТЪ.

Остался другъ одинъ, и тотъ Ореста трусить.

ПИЛАДЪ.

Ахъ, нѣтъ!

ОРЕСТЪ, (*размахивая руками.*)

Приди-жъ!

ПИЛАДЪ, (*всторону, подходя съ робостiю.*)

Боюсь! мой другъ меня укуситъ!

Ты въ изступленiи! Я страхъ боюся!
Приди въ себя, взгляни; вѣдь это я!
Не укуси несчастнаго меня!
другъ твой, я Пиладъ, тебѣ клянуся!

—

IX.

ТѢЖЕ, ИФИГЕНIЯ.

ИФИГЕНIЯ.

Что значитъ этотъ шумъ, къ чему вы раскричались?

ПИЛАДЪ.

О! это ничего; мы дружески прощались.

ОРЕСТЪ, (*тихо Пиладу.*)

Послушай! Если здѣсь не умертвятъ меня,
Открою тотчасъ все. Познай, о жрица! — Я....

ПИЛАДЪ, (*удерживая его.*)

Постой! Я одержалъ надъ твердостью побѣду;
Согласенъ, умирай, (*всторону*) а я себѣ уѣду.

ОРЕСТЪ.

Вотъ жертва дружества! Она достойна насъ!
Я, жрица, не могу исполнить твой приказъ:

По милости его, я въ жертву остаюся,
Спаси его, не то сей-часъ же удавлюся.
Несчастному давно противенъ солнца свѣтъ.

ПИЛАДЪ, (*Оресту.*)

О другъ!

ОРЕСТЪ.

Ни слова мнѣ!

ПИЛАДЪ.

Послушай!...

ОРЕСТЪ, (*въ сердцахъ.*)

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

ИФИГЕНІЯ, (*Оресту.*)

Теперь мое къ тебѣ исчезло состраданье.
Ты хочешь умереть? О глупое желанье!
Но, впрочемъ, вижу я, что точно ты не трусъ.
Пожалуй умирай: у всякаго свой вкусъ.

(*съ нѣжностью.*)

Но ахъ! Не лучше ли бъ, мнѣ услужить стараясь,
Отправиться съ письмомъ, отъ смерти избавляясь?
Учися женщинамъ услуживать умѣть.

ОРЕСТЪ.

Я женщинъ не терплю.

ИФИГЕНІЯ, (*въ сердцахъ.*)

Ты долженъ умереть!

(*Пиладу.*)

Прости, что я тебя — о странникъ! — оскорбляла,
И друга твоего тебѣ предпочитала.
Обиду позабывъ, будь добръ и справедливъ.
Ты можетъ сердишься? Ты, можетъ быть, ревнивъ?

ПИЛАДЪ, (*жеманно*).

Ахъ, нѣтъ! какъ смѣю я!...

ИФИГЕНІЯ.

Прощайтесь же скорѣе.

(*всторону*).

Ахъ! этотъ человѣкъ часъ отъ часу милѣе!

ОРЕСТЪ.

И такъ, прощай мой другъ! Я счастливо умру,
Но ты, пріѣхавши, сыщи мою сестру,
И дружбой излечи ея сердечны раны!

ПИЛАДЪ.

Надѣйся, что Пиладъ не спрячетъ рукъ въ карманы.
Что я тебя спасу, ты въ этомъ мнѣ повѣрь....

(*всторону*).

Ума не приложу, что дѣлать мнѣ теперь!

(*Ореста уводятъ*).

X.

ИФИГЕНІЯ, ПИЛАДЪ.

ИФИГЕНІЯ.

Минуты дороги, скорѣе отправляйся,
И въ Греціи вручить Электрѣ постарайся
Вотѣ это письмецо.

ПИЛАДЪ.

Электрѣ! Но скажи,
Какъ знаешь ты ее?

ИФИГЕНІЯ.

Ахъ! въ таинство души
Напрасно, юноша, проникнуть ты желаешь!

ПИЛАДЪ.

Мнѣ очень нужно знать....

ИФИГЕНІЯ.

Однако-жъ, не узнаешь.

ПИЛАДЪ.

Но это таинство нѣтъ нужды бы скрывать.

ИФИГЕНІЯ.

Я знаю и сама, но этого хотятъ.
Прощай! и не забудь мои препорученья.

ПИЛАДЪ.

Когда не утону, исполню безъ сомнѣнья!

Ореста я хочу спасти;
Но сдѣлать надобно мнѣ чудо.
Не знаю самъ, куда идти...
Охъ! худо, худо, очень худо!
Хоть въ омутъ головой я радъ.
Бѣгу, куда глаза глядятъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

—

I.

ИФИГЕНІЯ, (*одна*).

Я въ мѣстахъ сихъ сокрушаюсь,
Жизнь мою въ тоскѣ влачу.
Все противнымъ занимаюсь,
Чѣмъ заняться я хочу!

—

II.

ИФИГЕНІЯ, ОРЕСТЪ, ЖРИЦЫ.

ХОРЪ ЖРИЦЪ.

О Діана, умягчися!
Не губи насъ до конца,
И принять не согласися
Въ жертву юнаго птенца!
Иль, сразя его, страшися!
Наши разтерзать сердца!

ИФИГЕНІЯ.

Готова, хоть не рада,
Я ножъ въ тебя вонзить!
Однако-же не надо
За то меня винить.
Когда моя бы воля
Въ предѣлахъ сихъ была:

Совсѣмъ не та бы доля
Здѣсь юношей ждала.

1-я жрица.

Чтобъ жертву поразить, насталъ кровавый часъ!

Ифигенія.

Нѣтъ, лучше подождать, пока велитъ Фоасъ.

1-я жрица.

Фоасъ лѣнивъ и онъ на это равнодушенъ.

Орестъ.

Почто жъ вы медлите?

1-я жрица, (*всторону*).

Ахъ! онъ несносно скученъ!

Ифигенія.

Надѣньте-жъ на него сей гибельный вѣнецъ.

(*Жрицы надѣваютъ вѣнокъ на Ореста*).

Орестъ.

О часъ! блаженный часъ!

Ифигенія.

О гибельный конецъ!

Тебя спасти хотѣла бъ всей душею,
Но я должна долгъ лютый исполнять:
Мертвить людей. Ахъ! должностью такою
Могу ли я природу оскорблять?
Мертвить людей велятъ мнѣ сей рукою,
А мнѣ въ сто разъ пріятнѣй жизнь давать!

Орестъ.

Убей меня безъ всѣхъ чиновъ.

Ифигенія.

Я о тебѣ жалѣю.

Орестъ.

Рази меня, вотъ я готовъ.

ИФИГЕНІЯ.

Я силы не имѣю.

ОРЕСТЪ.

Ахъ! вдругъ она, не знаю какъ,
Милѣе сдѣлалася вдвое.

ИФИГЕНІЯ.

Я что-то чувствую такое....

ОРЕСТЪ.

Ахъ! я смущаюсь чѣмъ-то такъ....

ИФИГЕНІЯ.

Ахъ! меня ты сокрушаешь!

ОРЕСТЪ.

Ахъ! ты жалостью своей
Часъ послѣдній услаждаешь.
Умереть мнѣ веселѣй.

ХОРЪ ЖРИЦЪ.

Исполни свой священный долгъ!

ИФИГЕНІЯ.

Какой ужасный долгъ!
Увы! кто бъ это вздумать могъ!

ХОРЪ.

Исполни ты свой долгъ!

ИФИГЕНІЯ.

Приближусь.... силы нѣтъ.
Увы! подруги дорогія!
Въ глазахъ темнѣетъ свѣтъ!
Держи меня... Какой предметъ!

ОРЕСТЪ.

Оставь причуды всѣ пустыя!

ИФИГЕНІЯ.

Коль такъ, покорствую судьбѣ!

ОРЕСТЪ.

Увы! Въ Авлидѣ такъ тебѣ,

Моя сестра, Ифигенія,
Вонзили ножъ въ невинну грудь!
И брату къ смерти тотъ же путь!

ИФИГЕНІЯ.

О небеса! Что слышу я?

ОРЕСТЪ.

Ну, что-жъ ты не разишь меня?

ИФИГЕНІЯ.

Но въ правду ль вижу я Ореста?

ОРЕСТЪ.

Кого жъ? — Чтобъ не сойти мнѣ съ мѣста,
Когда хоть слово я совру!

ИФИГЕНІЯ.

Мой братъ! Познай твою сестру!

ОРЕСТЪ, (*съ недовѣрчивостью*).

Ты мнѣ сестра?

ИФИГЕНІЯ.

Да, да, о братъ мой, ободрися!
Я Ифигенія!

ОРЕСТЪ, (*останавливая ее*).

О жрица! — Удержися,
И прежде время дай мнѣ все сообразить.
Ты мнѣ сестра?

ИФИГЕНІЯ.

Да, да!

ОРЕСТЪ.

Не можетъ это быть!
Кой чортъ! Она на жертву
Принесена была!

ИФИГЕНІЯ.

Діана полумертву
Сама ее спасла.

ОРЕСТЪ.

Душа моя терзалась
Тѣ слушая слова,
Какъ бѣдное дитя скончалась!

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, бѣдное дитя жива.
Но я вѣрить не должна,
Мой ли братъ передо мною.
Эта повѣсть такъ темна....

ОРЕСТЪ.

Я тебѣ глаза открою.

ИФИГЕНІЯ.

Ты сказалъ, что умеръ ты?

ОРЕСТЪ.

Я сказалъ не съ простоты.
Въ этомъ-то вся хитрость крылась,
Чтобъ піеса продолжилась.

ОБА ВМѢСТѢ.

Не мечты!
Такъ это ты?
Для насъ,
Какой блаженный часъ!
Мы обнимемся сто разъ!

ИФИГЕНІЯ.

Ты близь меня!

ОРЕСТЪ.

Я, я!

ИФИГЕНІЯ.

Орестъ, мой братъ!

ЖРИЦЫ.

Орестъ твой братъ!

ОРЕСТЪ.

Такъ, такъ!

ЖРИЦЫ.

Какъ? какъ?

ИФИГЕНІЯ.

Такъ, такъ!

ИФИГЕНІЯ, ЖРИЦЫ.

Орестъ твой братъ!
О верхъ отрадъ!
Какой для насъ
Счастливый часъ!
Обнимемся сто разъ!

—

III.

ТѢЖЕ, 2-я ЖРИЦА.

2-я ЖРИЦА.

О жрица, трепещи! открылся твой обманъ;
И глупой нашъ народъ, и лютый нашъ тиранъ,
Узнавъ, что плѣнника спровадили мы сами,
Бранятся, бѣсятся и топаютъ ногами,
И всѣ бѣгутъ сюда, чтобъ насъ передушить.

ИФИГЕНІЯ.

Пускай себѣ бѣгутъ.

2-я ЖРИЦА.

Страшися ихъ сердить!

ЖРИЦЫ.

О боги! ахъ! увы!

ИФИГЕНІЯ.

Да замолчите жрицы,
И больше потому, что пѣть не мастерицы.

Но время, наконецъ, не должно намъ терять....
Фоасъ идетъ! Мой братъ, спѣши себя спасать!
(*Орестъ прячется между жрицъ.*)

—

IV.

ТѢЖЕ, ФОАСЪ, ВОИНЫ, НАРОДЪ.

ФОАСЪ.

А! а! сударыня, открылись ваши штуки!
Но ты не торжествуй, ко мнѣ попавшись въ руки!
Я отучу тебя мужчинъ такъ баловать!

ИФИГЕНІЯ.

На эти грубости не стóитъ отвѣчать.

ФОАСЪ.

Страшись, измѣнница! Твой ковъ изобличился:
Я знаю, что одинъ изъ плѣнниковъ сокрылся.

ИФИГЕНІЯ.

Но этому всему твоя виною лень.
Чего же ты смотрѣлъ?

ФОАСЪ.

Я проспалъ цѣлый день.
Но жертвой остальной безсмертныхъ я утѣшу:
Рази ее! — Или сей-часъ тебя повѣшу!

ОРЕСТЪ, (*выбѣгая.*)

Повѣсить? какъ! сестру?

ИФИГЕНІЯ, (*Фоасу, обнимая Ореста.*)

Онъ братъ мой, бартъ родной!

ФОАСЪ.

Что мнѣ до этаго, кто бъ ни былъ онъ такой!
Рази его, и тѣмъ сверши мое велѣнье.

ИФИГЕНІЯ.

Мнѣ брата поразить!

ОРЕСТЪ, (*Фоасу*)

О дряхлое творенье!
Ты, дѣлая собой безчестіе вождямъ,
На сцену выведенъ совсѣмъ по пустякамъ!
Глупецъ! — Тебѣ ли быть тираномъ знамени-
тымъ?
Скажи, зачѣмъ пришелъ?

ИФИГЕНІЯ.

Чтобъ быть скорѣй убитымъ.

ФОАСЪ.

О жрица, удержись! Вы всѣ, мнѣ измѣня,
Публично здѣсь еще дурачите меня!
Эй! стражи! Рѣжте всѣхъ ни говоря ни слова!

ИФИГЕНІЯ.

Страшитесь! Въ перваго вцѣпиться я готова!

ФОАСЪ, (*воинамъ.*)

Вы трусите, скоты?

СКИѲЪ.

Нѣтъ, государь — но намъ
Страхъ жалко перебить прекрасныхъ этихъ дамъ.

—

V.

ТѢЖЕ, 2-й СКИѲЪ.

2-й скиѳъ.
О вождь! бѣда! бѣда! И не куда дѣваться!
Враги вступаютъ въ храмъ!

ФОАСЪ.
Спѣшите защищаться!
Но какъ ихъ чортъ принесъ?

2-й скиѳъ.
Того нельзя понять.

ФОАСЪ, (*Ифигеніи и Оресту.*)
Измѣнники! Сей-часъ васъ должно растерзать!

—

VI.

ТѢЖЕ, ПИЛАДЪ (*съ вооруженными греками.*)

ПИЛАДЪ, (*устремляясь на Фоаса*).
Умри! умри, злодѣй!

ФОАСЪ.
Эй, стражи! защитите,
И храбраго вождя отъ страха поддержите!

ПИЛАДЪ.
Не торжествуй, злодѣй! Порокъ низверженъ въ прахъ,

Невинность въ торжествѣ и ты въ моихъ рукахъ!
Мой мечь въ сей часъ тебѣ казнь лютую устроитъ!

ИФИГЕНІЯ, (*удерживая Пилада.*)

Не убивай его: онъ этого не стоитъ.

ФОАСЪ.

Позвольте, господа! — Я умереть не прочь.
Но дѣлу этому нельзя ли намъ помочь?
Ну, напримѣръ: чего вы отъ меня хотите?

ПИЛАДЪ.

Похитить истуканъ, который вы храните.

ФОАСЪ.

Когда онъ нуженъ вамъ, его извольте взять.
И такъ, я, кажется, могу не умирать?

ОРЕСТЪ.

Я также увести всѣхъ жрицъ хочу съ собою.

ФОАСЪ.

О! что до этихъ дуръ, я радъ тому душою!

ИФИГЕНІЯ.

А я такъ требую, чтобъ вовсе безъ причинъ,
Здѣсь женщины впередъ не рѣзали мужчинъ.

ФОАСЪ.

Могу ль отвергнуть я обрядъ для насъ священный?
Охотно бы желалъ; но боги раздраженны....

ИФИГЕНІЯ.

Чтобы увѣрить васъ, сколь гнусенъ онъ богамъ,
Діана здѣсь сама разрушитъ этотъ храмъ.

ФОАСЪ.

Ахъ, нѣтъ! Не будемъ мы напрасно
Богиню стаскивать сюда.
Ну, все ль теперь у насъ согласно?

ОРЕСТЪ И ПИЛАДЪ.

Да....

ФОАСЪ.

Стало, вся прошла бѣда!
Лишь объ одномъ прошу, скажите:
Не будете-ль еще вы къ намъ?

ОРЕСТЪ И ПИЛАДЪ.

Нѣтъ!

ФОАСЪ.

Ну жъ, такъ хлопнемъ по рукамъ!
Вы куклу поскорѣй возмите
И разъѣзжайте по морямъ!

—

VII.

ОРЕСТЪ, ИФИГЕНІЯ, ПИЛАДЪ, ГРЕКИ, ЖРЕЦЫ.

ПИЛАДЪ.

И такъ, свободны мы, и ты не умираешъ
Скажи мнѣ, каково теперь ты поживаешь?

ОРЕСТЪ.

Хвала судьбамъ! Я сталъ, мнѣ кажется, здоровъ.
И право отъ души исправиться готовъ;
Отъ ада, отъ чертей на вѣки отрекаюсь,
И въ шалостяхъ моихъ предъ всѣми извиняюсь!
Но вотъ моя сестра! Она тебя спасла.
Вотъ Ифигенія.

ПИЛАДЪ.

Ахъ! какъ она мила!

(*Ифигеніи.*)

Могу ль надѣяться, что нѣжностью Пилада....

ОРЕСТЪ.

Надѣйся и женись!

ИФИГЕНІЯ.

Я буду очень рада!

ОРЕСТЪ.

Ваша нѣжность и любовь,
Здѣсь, въ трагедьи, не у мѣста!

ИФИГЕНІЯ.

По чему жъ, когда любовь
Самый лучшій даръ боговъ?

ОРЕСТЪ.

Такъ вотъ тебѣ, мой другъ, невѣста!

ПИЛАДЪ.

Возможно ли!

ИФИГЕНІЯ.

Желаніе твое
Я увѣнчала бъ безъ Ореста.

ПИЛАДЪ.

Вотъ сердце вамъ.

ИФИГЕНІЯ.

И вотъ мое.

ХОРЪ.

Ваша нѣжность и любовь
Здѣсь, въ трагедьи, не у мѣста

ИФИГЕНІЯ, И ПИЛАДЪ.

По чему жъ, когда любовь
Самый лучшій даръ боговъ?

ТРОЕ ВМѢСТѢ.

Хоть въ трагедіи любовь
И конечно не у мѣста,
Но признайтесь, что любовь
Самый лучшій даръ боговъ!

ОРЕСТЪ И ПИЛАДЪ.

Мы изъ друзей, изъ молодцовъ
Примѣрные съ тобою!

ИФИГЕНІЯ.

Для всѣхъ, и смертныхъ и боговъ,
Всего пріятнѣе любовь!

ОРЕСТЪ И ПИЛАДЪ.

Мы дружбой славимся одною.

ИФИГЕНІЯ.

Не вѣрю я пустымъ словамъ.
Любовь владѣетъ въ насъ душою!
Любовь въ сто разъ пріятнѣй намъ!

ОРЕСТЪ И ПИЛАДЪ.

Мы изъ друзей, изъ молодцовъ
Примѣрные съ тобою!

ИФИГЕНІЯ, (*зрителямъ*).

Чтобъ вамъ лучше угодить,
Мы окончимъ представленье:
Но чтобъ тѣмъ же отплатить,
Вы должны насъ похвалить.
Намъ пріятно ободренье,
Похвала насъ веселитъ,
И при вашемъ снисхожденьи
Всякой критикъ замолчитъ.

ВСѢ.

Чтобъ вамъ лучше угодить....
И проч.

КАРАНТИНЪ.

ОПЕРА-ВОДЕВИЛЬ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Шляхтинко, карантинный надзиратель.

Аннушка, его дочь.

Бригадирша Арбатова.

Стрѣльскій, офицеръ, ея племянникъ.

Клинникусъ, подлекарь, въ должности карантиннаго доктора.

Мовша, еврей, карантинный факторъ.

jаго

КАРАНТИНЪ.

═

Театръ представляетъ дворъ, съ одной стороны карантинное строеніе, а съ другой два дома въ дали.

—

I.

МОВША (*входитъ украдкою, посматривая на окна надзирательской квартиры*).

Хвалу Богу! Наконецъ я доцскалемъ дня, ктурего сподзевамсе назыць собѣ фортуне; капитанъ Стрѣевскій съ своей богатой ціоткой врунилсе ззаграницы до насего Бердицева.... Іонъ закохавсе въ цурку насего карантиннего надзирателя Ленуся люби капитана.... ціотка пршешказа насей свадьзбы.... Панъ путейсый, докторъ насъ, вельки прсецивникъ; але ни ціотка, ни докторъ насъ ни застрашуць.... Кохане и Мовса всысткему помогуцъ.... О! Зыдки на всыстко людзи промысліоные: мувюцъ, зе мы не хоросые воицели.... Цозъ робицъ?... Така наса натура; алежъ за то добре мѣсканьцы.

Дали Бугъ, мы добрзы людзи!
Бардзо любимъ услузить,
И до насъ лишь ласковъ будзи,
Всѣмъ готовы пособить.
Зе евреи прокураты,
Вшиско зробятъ за дукаты.

Винна въ томъ сама натура,
Цо не можемъ войцовать;
Наша смирная фигура
Ницъ не можетъ испугать.
Мы зе въ томъ не виноваты:
Наше войско есть дукаты.

Якъ же такъ мы несченсливы,
Тршеба маяться якъ есть;
Авзе будьте справедливы....
Людзямъ слава, людзямъ цесть!
Мы зе славой не богаты,
Намъ дукаты и дукаты!

За отдане Ленусѣ того листа, капитанъ обѣцавъ мнѣ десенць дукатовъ, за отповѣдзь вдвое, за сватьбу втрое. О фортуна! о фортуна! То не мознобъ было прзебацыць каждему цестному поцивему цловѣку, зебы не постарацься помагаць двумъ млодымъ кохаіонцымъ сее.

II.

МОВША, ЛЕНУШКА, (*отворяя окошко*).

ЛЕНУШКА.

Ахъ! Мовша, съ какой радости ты сего-дня разпѣлся? Уймись, ради Бога! ты мнѣ ужасно наскучилъ. (*хочетъ затворить окошко*).

МОВША.

Панна Ленуся! панна Ленуся!

ЛЕНУШКА.

Да что-жъ тебѣ надобно!

МОВША.

Я маю интересъ бардзо потребны на секретъ и едне слово.

ЛЕНУШКА.

У меня нѣтъ никакихъ секретовъ.

МОВША.

Дали Бугъ, зе саме пильне дзяло. Отъ него залсзыцъ моя фортуна и сченстье панны. Змилуйся панна! хоць на единъ моментъ прсыдзь тутай.

ЛЕНУШКА, (*затворяя окошко*).

Ну, хорошо, такъ и быть, это право очень любопытно.

МОВША, (*одинъ*).

Добрзе! Она прзыбѣзыць, написець отповѣдзь и концена дукаты и дукаты! Тылько я боесе еднего насего доктора.

ЛЕНУШКА, (*вбѣгая*).

Ну, вотъ я налицо. Что-жъ тебѣ надобно?

МОВША.

А цо, панна Ленуся, я мыслю, знае, зе капитанъ Стрѣевскій врупилсе до Бердицева.

ЛЕНУШКА.

Капитанъ Стрѣльскій пріѣхалъ? Нѣтъ, я этого не знала. Но что это значитъ? что за разговоры и какая мнѣ до этого нужда?

МОВША.

А нузда таказе, цо капитанъ бардзо коха панну Ленусю, и цо панна Ленуся....

ЛЕНУШКА.

Ты врешь, ты врешь, прошу меня не вмѣшивать; и кто тебѣ сказалъ, что капитанъ меня любитъ?

МОВША.

То се разуме, зе самъ панъ капитанъ просивъ мене отдацать вамъ этую цедулку.

ЛЕНУШКА.

Ты напрасно изволилъ безпокоиться, потому-что я тебѣ не вѣрю, да и писемъ отъ мужчинъ принимать не намѣрена.

МОВША.

Авзе мнѣ дали Бугъ велька крзывда, зе панна Ленуся не маецъ ве мнѣ такимъ цестнымъ зыдку заднего кредыта. А листокъ самы маленькій и самы невинны, и вы працытавсы то забацыте.

ЛЕНУШКА.

Но письмо, кажется, запечато.

МОВША.

Дали рай, зе я и не русывъ пецепци.

ЛЕНУШКА.

Нѣтъ, я ни за что не стану распечатывать.

МОВША, (*улыбаясь*).

Респеценцовать зе всысткимъ не трудно. (*Распечатавши письмо, развертываетъ и держитъ его передъ Ленушкою, а самъ отварачивается. Ленушка украдкой читаетъ, и потомъ Мовша перевертываетъ на другую страницу*).

ЛЕНУШКА.

Что это значитъ?

МОВША.

А зе то знацитъ, цо панна Ленуся цитала.

ЛЕНУШКА.

Неправда, я совсѣмъ не читала.

МОВША.

То прзынаймнѣй обацыла.

ЛЕНУШКА.

Да.... посмотрѣла; но взглянуть на письмо не значитъ прочитать.

МОВША.

Досконала правда! Але я сподзивамсе, зе панна не откаже написаць хоць сама маленька отповѣдзь.

ЛЕНУШКА.

Ни за что, ни за что въ свѣтѣ!

МОВША.

А зе паненадка зроби мнѣ ласку, уцынь ласку для бѣднего цестнаго зыдка. Дали Бугъ никтъ не познаець, ни ойтецъ, ни докторъ, никтъ на свѣцѣ; хоць една строцка, хоць полстроцки, хоць едне слово!

ЛЕНУШКА.

Ни слова, ни полслова, ни четверти слова, ни за что на свѣтѣ!

Нѣтъ, нѣтъ, меня не упросить;
Стыдливость этому причиной,
И переписку заводить
Какъ можно дѣвушкѣ съ мужчиной?
Съ мужчиной?
Но если-бъ даже я сама,
Любя, къ кому нибудь писала,
То я курьера для письма
Ужъ не такого бы сыскала.
Сыскала.
Я переписки не терплю,
И тотъ, кто сердцемъ обладаетъ,
Что онъ мнѣ милъ, что я люблю
Всѣхъ лучше вѣрно это знаетъ!
Онъ знаетъ.

МОВША.

Але цозъ я маю повѣдзець отъ панны капитану?

ЛЕНУШКА.

А то, что я письма его не взяла и не читала, что батюшка мой сего-дня въ ночь воротился, что онъ можетъ съ нимъ познакомиться и сказать ему все, что угодно.

МОВША.

Авзе, кеды панна Ленуся не хце написаць отповѣдзи, то я не скажу ей вазнего секрета.

ЛЕНУШКА.

Ахъ, Мовша, какого секрета?

МОВША.

Ницего, ницего; я бы мугъ мувицъ, якимъ способемъ панъ капитанъ буде тута съ пани бригадировой; но то вазный секретъ, и я ни слова.

ЛЕНУШКА.

Неужли они сюда будутъ? Ахъ! кто-то идетъ.

МОВША, (*убѣгая*).

А вей кто-сь идзе!

—

III.

ЛЕНУШКА, (*одна*).

Никого? Какъ я перепугалась! Наконецъ я счастлива! Мой Стрѣльскій воротился, и вѣрно выпросилъ у своей тетушки позволеніе на мнѣ жениться.... Въ отсутствіе батюшки, не смотря на присмотръ за мною ревница нашего подлекаря, мы успѣли съ нимъ познакомиться, и я безъ восхищенія не могу вспомнить того времени, когда мы обѣщали вѣчно любить другъ друга, и когда... онъ мнѣ бывало говаривалъ....

Скажи, мой другъ, онъ говоритъ,
Люблю тебя! Ахъ! это слово,
Его умѣя такъ любить,
Я вѣчно-бъ повторять готова.
И такъ начнетъ онъ приступать,
Что повинуешься невольно....

И скажешь: Ну, да, я васъ люблю, очень люблю!

А онъ.... начнетъ опять вздыхать,
И все какъ будто не довольно.

Ты за любовь къ тебѣ мою,
Должна всегда быть откровенной!
Дай ручку мнѣ теперь свою
Поцѣловать, мой другъ безцѣнной!
Одинъ лишь разъ поцѣловать.
И повинуешься невольно....

И скажешь: ну, вотъ вамъ ручка, вотъ вамъ другая; я надѣюсь, что вы теперь перестанете...

А онъ.... начнетъ опять вздыхать,
И все какъ будто не довольно.

А! вотъ наконецъ и батюшка съ нашимъ подлекаремъ.

—

IV.

ШЛЯХТЕНКО, КЛИНИКУСЪ, ЛЕНУШКА.

ШЛЯХТЕНКО, *(нюхая уксусъ)*.
Что вы здѣсь изволите дѣлать, сударыня?

ЛЕНУШКА.
Я, батюшка, ничего не дѣлаю.

КЛИНИКУСЪ, *(глядя въ лорнетъ.)*
Тѣмъ хуже: бездѣйствіе души разслабляетъ составъ тѣлесный.

ЛЕНУШКА.

Я выбѣжала сюда немножно прогуляться, и я, слава Богу, очень здорова, господинъ подлекарь.

КЛИНИКУСЪ.

Что вы называете быть здоровой? И вамъ ли, сударыня, разсуждать со мною о здоровьѣ?

ШЛЯХТЕНКО.

Извольте идти домой и садиться за работу.

КЛИНИКУСЪ.

И какъ можно подалѣе отъ окошка. (*Ленушка уходитъ.*)

V.

ШЛЯХТЕНКО, КЛИНИКУСЪ.

ШЛЯХТЕНКО.

И такъ, почтеннѣйшій мой господинъ подлекарь, я опять съ вами! Чудесный проектъ мой о карантинныхъ устройствахъ имѣлъ совершенный успѣхъ, и я отмѣнно доволенъ своею поѣздкою.

КЛИНИКУСЪ.

Поздравляю, поздравляю васъ, господинъ надзиратель.

ШЛЯХТЕНКО.

Генералъ съ начала до конца прочиталъ все мое сочиненіе и, наконецъ, дружески потрепавъ меня по головѣ моимъ проектомъ, сказалъ: «Вотъ голова! Ступай домой, я тебя не забуду.» Каково г.

подлекарь? Теперь надобно ожидать, что дѣла наши скоро поправятся.

КЛИНИКУСЪ.

Все это очень хорошо; но я боюсь, чтобъ проектъ вашъ не былъ оставленъ безъ уваженія.

ШЛЯХТЕНКО.

Быть не можетъ! При отъѣздѣ моемъ, я слышалъ даже навѣрно, что все кончено.

КЛИНИКУСЪ.

Неужели въ самомъ дѣлѣ?

ШЛЯХТЕНКО.

Я васъ увѣряю; все прочитано, разсмотрѣно, написано, и только не подписано.

КЛИНИКУСЪ.

Прекрасно! Желательно, весьма желательно, г. надзиратель. Наша карантинная служба необходимо требуетъ ободренія; тутъ всякій шагъ сопряженъ съ опасностію жизни, которою мы жертвуемъ для здоровья отечества.

ШЛЯХТЕНКО.

Не напоминайте мнѣ этихъ ужасовъ, г. подлекарь! Наша служба такова, что конечно мало найдется охотниковъ. Въ военной, напримѣръ.... страшно, конечно; рубятся, стрѣляются, но подерутся да и перестанутъ; а здѣсь всегда смерть на носу, и кругомъ вѣчная зараза.

Иной изъ рыцарей у насъ,
Въ своихъ воинскихъ изъясненьяхъ,
Кричитъ, что въ жизни тридцать разъ
Онъ уцѣлѣлъ во всѣхъ сраженьяхъ!

Что-жъ это? Это вздоръ для насъ;
Не тридцать разъ, — когда угодно,
Мы триста шестьдесятъ пять разъ
Рискуемъ жизнью ежегодно!

КЛИНИКУСЪ.

Совершенная правда, г. надзиратель! Но скажите мнѣ откровенно, каково принято ваше представленіе о награжденіи меня за труды докторскимъ достоинствомъ?

ШЛЯХТЕНКО.

Есть надежда, любезный сослуживецъ; на счетъ васъ, однако-жъ, сдѣлано было мнѣ совершенно неожиданное замѣчаніе; напримѣръ, отъ чего у насъ умираетъ слишкомъ много народа?

КЛИНИКУСЪ.

Странная придирка! Но чѣмъ же вы возразили на это, г. надзиратель?

ШЛЯХТЕНКО.

Я отвѣчалъ, что слухи лгутъ,
И насъ напрасно обвиняютъ;
А то, что люди слишкомъ мрутъ,
Такъ люди вѣчно умираютъ;
Что отъ куренья мы безъ глазъ,
Что здѣсь купаются въ лекарствѣ,
И всѣ больные вѣрно васъ
Благодарятъ въ небесномъ царствѣ!

КЛИНИКУСЪ.

Я приношу вамъ за это чувствительнѣйшую благодарность. Впрочемъ, я долженъ вамъ объя-

вить весьма непріятную для васъ семейственную новость.

ШЛЯХТЕНКО.

Возможно ли? Вы меня пугаете! Что это значитъ?

КЛИНИКУСЪ.

Безъ васъ заѣзжалъ къ намъ въ городъ какой-то капитанъ Стрѣльскій, молодой повѣса, который весьма настоятельно волочился за вашею дочерью, и въ котораго она влюбилась. Я увѣренъ, что вы ее путемъ за это пожурите и поспѣшите нашею сватьбою.

ШЛЯХТЕНКО.

О, я конечно не шучу такими вещами. На счетъ сватьбы будьте спокойны; что-же касается до любви, то вы, какъ медикъ, безъ всякаго сомнѣнія ей поможете.

КЛИНИКУСЪ.

Я натурально всячески буду объ этомъ стараться.

Я признаюся вамъ, любовь
Болѣзнь чудесная въ природѣ!
Пожалуй, можно бросить кровь,
Да это нынче не въ методѣ.
Но ваша дочь, ручаюсь я,
Забудетъ прежніе амуры;
И я, какъ врачь, привыкъ шутя
Идти наперекоръ натуры.

ШЛЯХТЕНКО.

Это по вашей части, г. подлекарь.

КЛИНИКУСЪ.

Повѣрьте, что мы это устроимъ, а теперь милости просимъ со мною навѣстить нашихъ карантинныхъ.

ШЛЯХТЕНКО.

Съ дороги я страхъ усталъ; сего-дня же, вы сами знаете, у насъ въ городѣ начинается ярмарка, вѣрно завернутъ гости, и надо бы приготовиться.

КЛИНИКУСЪ.

Но этого требуетъ служба, г. надзиратель! Полчаса ничего не значутъ, и я вамъ совѣтую со мной прогуляться.

ШЛЯХТЕНКО.

Побойтесь Бога! Идти въ карантинъ, осматривать чумныхъ, и самому рисковать жизнію — вы называете это идти прогуляться? Благодарю покорно, г. подлекарь; но, впрочемъ, если вы полагаете это необходимымъ, вы меня знаете, я иду и конечно.... никогда не стану отговариваться.

—

VI.

ТѢЖЕ, МОВША, (*вбѣгая съ поспѣшностію*).

МОВША.

Винсуе! Винсуе! контробанда! контробанда!

ШЛЯХТЕНКО.

Возможно ли?

КЛИНИКУСЪ.

Контробанда!

МОВША.

Теразъ пршыѣхала до насего мяста руска бригадирска съ своимъ кузынемъ, они не маіо паспорта и мувіо, зе они споткались на границы съ заразой.

ШЛЯХТЕНКО.

Съ заразою! Важное открытіе! Если ихъ сейчасъ не схватить и не запрятать въ карантинъ, то могутъ выдти ужасныя послѣдствія!

КЛИНИКУСЪ.

Каждая минута медленности грозитъ смертію тысячамъ! г. надзиратель, вы меня понимаете?

ШЛЯХТЕНКО.

Очень понимаю, г. подлекарь, и потому вмѣсто меня поручаю вамъ сей-часъ отправиться на мѣсто заразы, и именемъ моимъ арестовать и притащить сюда кого надобно.

КЛИНИКУСЪ.

Это невозможно! Я не присвоиваю себѣ власти исполнительной и остаюсь при моей лечительной.

ШЛЯХТЕНКО.

Давно ли стали трусить вы?
И такъ, я вамъ рекомендую:
По силѣ сто-второй главы,
Сей-часъ же осмотрѣть больную.
Я полагаюся на васъ,
Чтобы не вышло послѣ худо,
Вы мой исполните приказъ,
(*всторону*)
А я поберегусь покуда.

КЛИНИКУСЪ.

Повѣрьте, я не изъ такихъ,
Кто жизнь предпочитаетъ славѣ.
Мой долгъ осматривать больныхъ,
Но я таскать людей не вправѣ.
Когда жъ поможете вы мнѣ,
То бригадирша хоть здорова,
А все жъ ей быть въ карантинѣ,
Я вамъ даю честное слово.

ВМѢСТѢ.

Подите жъ } дѣломъ поспѣшить,
Пойду же }
И все изслѣдуемте строго.

КЛИНИКУСЪ.

Я самъ берусь ее лечить.

ШЛЯХТЕНКО.

Такъ стало, проживетъ не много.

ШЛЯХТЕНКО.

И такъ, нечего дѣлать! Если польза службы этого требуетъ, я рѣшаюсь. Эй! факторъ! фуражку и палку (*всторону*). Ужасное положеніе! (*Мовша убѣгаетъ въ домъ надзирателя.*)

КЛИНИКУСЪ.

Ради Бога, г. надзиратель, нахватайте какъ можно болѣе народа, а я, между тѣмъ, приготовлю лекарства, курева, и дѣла пойдутъ какъ должно.

ШЛЯХТЕНКО.

Непремѣнно, г. подлекарь, все будетъ сдѣлано. Эй! факторъ! скорѣе! Не надобно терять минуты воспламененной рѣшительности.

—

VII.

ТѢЖЕ, ЛЕНУШКА, МОВША, (*подавая надзирателю фуражку и палку.*)

ШЛЯХТЕНКО.

Скорѣе, скорѣе! Ты пойдешь со мною.

ЛЕНУШКА.

Ахъ, батюшка! Куда вы это опять собираетесь?

ШЛЯХТЕНКО.

Не ваше дѣло, сударыня, мѣшаться въ государственные казусы. (*Мовшѣ*) Эй! уксусъ и спиртъ! Я готовъ, за мною! (*толкая Мовшу*) Впередъ! (*Уходитъ съ Мовшею.*)

VIII.

ЛЕНУШКА, КЛИНИКУСЪ.

ЛЕНУШКА.

Какъ вамъ не стыдно, что вы батюшку отпускаете одного?

КЛИНИКУСЪ.

Я дѣлаю, что должно, и вы напрасно со мною умничаете.

ЛЕНУШКА.

Извините, я никогда не умничаю, а говорю только то, что думаю.

КЛИНИКУСЪ.

Вотъ это и дурно; надобно говорить не то, что вы думаете, а то, что должно.

ЛЕНУШКА.

Нѣтъ, развѣ то, что можно....

Повѣрьте, дѣвушкѣ не должно
Со всѣми откровенной быть.
Влюбиться ей, положимъ, можно,
Но какъ объ этомъ говорить?
Сказать ли вамъ чистосердечно,
Что глупо старику любить;
Старикъ дурачится конечно,
Но какъ объ этомъ говорить?
Повѣрьте, дѣвушкѣ не должно
Со всѣми откровенной быть;
Мнѣ полюбить васъ невозможно,
Но какъ объ этомъ говорить?

КЛИНИКУСЪ.

Пустыя отговорки, сударыня! Если вы меня не любите, то полюбите.

ЛЕНУШКА.

Ей Богу не полюблю, г. подлекарь.

КЛИНИКУСЪ.

Я знаю ваши намѣренія: этотъ заѣзжій офицеръ, этотъ повѣса....

ЛЕНУШКА.

Вотъ новой вздоръ! Что вы это на меня клевещете?

КЛИНИКУСЪ.

Я знаю, этотъ офицеръ вскружилъ вамъ голову, и вы надѣетесь, что онъ на васъ женится, но вы

ошибаетесь. Я съ нимъ умѣлъ на этотъ счетъ рѣшительно объясниться; повѣса струсилъ и навсегда отсюда уѣхалъ.

ЛЕНУШКА.

Уѣхалъ ли онъ, или пріѣхалъ, мнѣ въ этомъ нѣтъ никакой нужды.

КЛИНИКУСЪ.

Если бъ вы были благоразумнѣе, то конечно не стали бы отговариваться отъ своего счастія:

Повѣрьте, доктора такого
Весьма завидно быть женой;
И я.... я всякаго больнаго
Тотчасъ спускаю съ рукъ долой.
Никто дурнаго вамъ не скажетъ,
А всѣ, я чай, благодарятъ.

ЛЕНУШКА.

Да ужъ конечно не бранятъ:
«Смерть всякому языкъ привяжетъ.»

КЛИНИКУСЪ.

Берегитесь, сударыня! Вы мнѣ за это дорого заплатите!

ЛЕНУШКА.

Не бойтесь, не заплачу; вѣдь я у васъ не стану лечиться.

Нѣтъ, я убійцѣ человѣку
Себя конечно не отдамъ;
И выдти за-мужъ за аптеку
Совсѣмъ не по моимъ лѣтамъ.
Мнѣ ваша практика знакома,

И лекарь мужъ хорошъ однимъ:
Что часто бѣгая къ больнымъ,
Сидѣть не будетъ вѣрно дома.

КЛИНИКУСЪ.

Очень хорошо, мы это увидимъ! Но я слышу шумъ! Это наши! Я оставляю любовь, и бѣгу на встрѣчу страждущимъ.

ЛЕНУШКА.

А я домой, дожидаться конца нашей комедіи.
(Убѣгаетъ.)

IX.

БРИГАДИРША, СТРѢЛЬСКІЙ, ШЛЯХТЕНКО, КЛИНИКУСЪ, МОВША, ВОЕННАЯ КОМАНДА.

БРИГАДИРША.

Куда меня ведете вы?
Злодѣи! варвары! пустите!

ШЛЯХТЕНКО.

По силѣ 102-й главы,
Сей-часъ больную осмотрите.

КЛИНИКУСЪ, *(издали смотря въ лорнетъ.)*

Сомнѣнья нѣтъ: она въ чумѣ?

БРИГАДИРША.

Вмѣстѣ.
Я здѣсь отъ эдакой бѣды
Въ здоровьѣ полномъ умираю!
Я знаю то, что вы скоты,
И больше ничего не знаю!

ШЛЯХТЕНКО, КЛИНИКУСЪ.

Сомнѣнья нѣтъ, она въ чумѣ!
За это можно побожиться.
Безъ воспаленія въ умѣ,
Она не стала бъ такъ браниться!

КЛИНИКУСЪ, *(увидя Стрѣльскаго, всторону.)*

Кого я вижу? Мой соперникъ!

БРИГАДИРША.

Я вамъ, господа, еще разъ повторяю, что я русская бригадирша Арбатова, съ чумными съ роду моего не встрѣчалась, и ѣду изъ-за границы въ Москву. Паспорта у насъ нѣтъ потому, что онъ потерянъ по милости племянника, и если вы меня сей-часъ не выпустите, то конечно будете послѣ раскаяваться.

ШЛЯХТЕНКО.

Все, что вамъ угодно; но общая безопасность требуетъ осторожности.

КЛИНИКУСЪ.

Сперва мы васъ осмотримъ, а потомъ окуримъ.

ШЛЯХТЕНКО.

А до тѣхъ поръ вы арестованы *.

---

* Клиникусъ, узнавши предъ симъ Стрѣльскаго, подходитъ къ надзирателю и даетъ знать, что это тотъ самый офицеръ, который волочится за Ленушкой.

бригадирша, (*Стрѣльскому.*)

Я арестована! Слышите ли вы, сударь, господинъ разтеряха? Меня, русскую бригадиршу, будутъ осматривать, окуривать! Я арестована, и все это по твоей милости.

стрѣльскій.

Вы, тетушка, напрасно на меня сердитесь; я право не такъ виноватъ.

бригадирша.

Да кто жъ виноватъ, сударь? Если не ты, такъ все-таки безумная любовь твоя, которая вскружила тебя голову. Но это вздоръ, любовь твоя глупость, и я жениться тебѣ на твоей красавицѣ никогда и ни за что не позволю.

шляхтенко и клиникусъ, (*подходя къ ней съ разныхъ сторонъ.*)

И такъ пожалуйте.

бригадирша.

Боже мой! меня тащутъ! (*Стрѣльскому.*) Да что-жъ ты, сударь, стоишь какъ вкопаной! Ты мужчина, ты долженъ вступиться за обиженную женщину, браниться, драться и даже стрѣляться съ ними, если это надобно.

клиникусъ, (*отступая.*)

Стрѣляться! Г. надзиратель!...

шляхтенко, (*отступая.*)

Вы подбиваете его стрѣляться? Тѣмъ хуже! Но мы съ вами справимся! Вы бунтовщица!

бригадирша.

Я бунтовщица!

КЛИНИКУСЪ.

Вы въ безпамятствѣ!

БРИГАДИРША.

Я въ безпамятствѣ?

МОВША.

А зе конецно, пани бригадирса контробанда!

БРИГАДИРША.

Боже мой! Что я слышу? И этотъ мерзавецъ смѣетъ называть меня контробандою!

Когда бы ожидала я
Съ такою встрѣтиться бѣдою!
Своей проклятою чумою
Злодѣи уморятъ меня.
Я страхъ испугана началомъ,
И какъ добра тамъ ожидать,
Гдѣ всѣмъ изволятъ управлять
Дуракъ съ какимъ-то коноваломъ!

ШЛЯХТЕНКО.

Чего тутъ слушать! Въ карантинъ ее, г. подлекарь.

КЛИНИКУСЪ.

И концы въ воду! Въ карантинъ вмѣстѣ съ г. офицеромъ.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*подходя, хочетъ взять за руки Шляхтенко и Клиникуса.*)

Послушайте.

ШЛЯХТЕНКО.

Прошу не дотрогиваться. Г. медикъ, берегитесь!

КЛИНИКУСЪ.

Не безпокойтесь, ко мнѣ не пристанетъ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Послушайте: тетушка моя женщина богатая; если вы непремѣнно хотите увѣриться, больна ли она, или здорова, то ради Бога помѣстите ее, по крайней мѣрѣ, въ особенную комнату, она за это будетъ благодарить васъ особенно.

ШЛЯХТЕНКО.

Какъ вы думаете объ этомъ, г. медикъ?

КЛИНИКУСЪ.

Въ этомъ случаѣ можно попробовать. — У васъ, г. надзиратель, есть пустая комната; извольте ее взять и запереть до моего прихода, а я, между тѣмъ, распоряжусь вотъ съ этимъ господиномъ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Напрасно безпокоитесь.

Мнѣ вашимъ быть нельзя больнымъ,
Однимъ я сердцемъ только боленъ;
Но если я равно любимъ,
То я судьбой моей доволенъ!
Въ любви, чему я очень радъ,
Не нужно медиковъ сословье,
И мнѣ моей любезной взглядъ
Скорѣе возвратитъ здоровье!

КЛИНИКУСЪ.

Пустое, пустое, милостивый государь! Г. надзиратель, время дорого, извольте отправляться съ своею больною.

БРИГАДИРША.

Боже мой! Я чувствую, что они уморятъ меня!

ШЛЯХТЕНКО.

Не бойтесь, сударыня.

БРИГАДИРША, (*Стрѣльскому*).

Прощай, Ванюшка! Ради Бога, не забудь бѣдной своей тетки. Проси ихъ, плати имъ, и навѣщай меня, если можно.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Повѣрьте, тетушка, я всячески буду стараться.

ШЛЯХТЕНКО.

Прошу покорно, пожалуйте.

КЛИНИКУСЪ, (*провожая бригадиршу*).

Пожалуйте и надѣйтесь на мое искусство.
(Бригадирша и Шляхтенко уходятъ въ домъ. Клиникусъ возвращается и становится съ торжественнымъ видомъ передъ Стрѣльскимъ).

—

X.

СТРѢЛЬСКІЙ, КЛИНИКУСЪ, МОВША (*вдали*).

КЛИНИКУСЪ.

А! а! Господинъ влюбленный! господинъ счастливый соперникъ! Вы попались ко мнѣ въ руки, и я съ вами раздѣлаюсь.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*схватывая Клиникуса*).

Мы увидимъ это, бездѣльникъ! Ни слова, и слушай, что я стану тебѣ приказывать.

КЛИНИКУСЪ.

Что это значитъ? и за кого вы меня принимаете?

СТРѢЛЬСКІЙ.

За плута, который съ досады, что я отбиваю у него невѣсту, хочетъ уморить меня.

КЛИНИКУСЪ.

Напротивъ, милостивый государь, я хочу лечить васъ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Все равно; слушай же: тетка моя и я такъ же здоровы, какъ ты самъ, бездѣльникъ. Любовь заставила меня прибѣгнуть къ крайности; я спряталъ нашъ паспортъ и нарочно затащилъ тетушку въ карантинъ, для того только, чтобъ напугать и вынудить у нея согласіе жениться на Ленушкѣ, которая тебя терпѣть не можетъ.

КЛИНИКУСЪ.

Такъ вы вздумали играть здѣсь комедію? Дурачить чиновниковъ! Повѣрьте же, что вы дорого заплатите за такія шутки.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*вынимая саблю.*)

Ни слова! или я сей-часъ....

КЛИНИКУСЪ.

Оружіе!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Чтобъ жениться на Ленушкѣ, я не все рѣшился.

Если ты не хочешь сей-часъ со мною рубиться и умереть на мѣстѣ, то долженъ уступить мнѣ свою невѣсту, напугать какъ можно болѣе тетушку, и совѣтовать надзирателю выдать за меня свою дочь. Вотъ сто червонныхъ, которые я дарю тебѣ за услугу, и вотъ сабля, которою изрублю тебя, если ты не согласишься; выбирай любое....

Теперь зависитъ все отъ насъ:
Или не думай о невѣстѣ,
Или соперникъ мой сей-часъ,
Умретъ на самомъ этомъ мѣстѣ!
Рѣшись, а я не пощажу:
Я изъ людей нецеремонныхъ —
И смерть и золото держу!

КЛИНИКУСЪ.

Я выбираю сто червонныхъ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

И такъ поздравляю, ты ихъ получишь. (*Прячетъ деньги.*)

КЛИНИКУСЪ.

Со временемъ! Прекрасно, преблагородно! Эй, факторъ! (*Тихо Мовшѣ.*) Бѣги какъ можно скорѣе къ надзирателю, и скажи ему, что на меня напали разбойники.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*Мовшѣ.*)

Что онъ тебѣ приказываетъ?

МОВША, (*котораго Клиникусъ дергаетъ за платье.*)

Ницего, дали Бугъ, ницего, пане капитанъ.

Панъ докторъ пвиказуе позвацъ пана надзираце-
ля и сказацъ ему, що на него напалъ разбойникъ.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*обнажая саблю.*)

Разбойникъ! Умри же, бездѣльникъ!

КЛИНИКУСЪ, (*упадая на колѣна.*)

Пощадите!

—

XI.

ТѢЖЕ, ШЛЯХТЕНКО, (*видя Клиникуса на колѣнахъ, останавливается отъ удивленія.*)

ШЛЯХТЕНКО.

Что я вижу?

КЛИНИКУСЪ, (*тихо Стрѣльско-му.*)

Позвольте встать.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*тихо.*)

Встань и лги въ мою пользу.

ШЛЯХТЕНКО.

Господинъ медикъ на колѣнахъ!

КЛИНИКУСЪ.

Ваши глаза васъ не обманываютъ, г. надзира-
тель. Я точно стоялъ на колѣнахъ; но это ничего
не значитъ; для медика всякое положеніе позво-
лительно, и я такимъ образомъ.... щупалъ пульсъ
моего больнаго.

ШЛЯХТЕНКО.

Стоя на колѣнахъ? Удивительное дѣло, г. под-
лекарь!

КЛИНИКУСЪ.

Дѣло въ томъ, что г. капитанъ совершенно здоровъ, и задерживать его здѣсь нѣтъ никакой надобности.

ШЛЯХТЕНКО.

Что-жъ дѣлать.... тѣмъ лучше: но по крайней мѣрѣ госпожа бригадирша....

СТРѢЛЬСКІЙ.

О, тетушка! это совсѣмъ другое дѣло: она очень больна.

(*Посматриваетъ на Клиникуса.*)

КЛИНИКУСЪ.

Да, да, она очень нездорова.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Покуда не вылечится.

КЛИНИКУСЪ.

Покуда не вылечится.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*Клиникусу.*)

Теперь я васъ прошу навѣстить мою тетушку. (*тихо.*) Смотри же, напугай ее какъ можно больше, а чтобъ ты не вздумалъ измѣнить мнѣ, то я приказалъ Мовшѣ не отходить отъ тебя ни на шагъ. (*въ-слухъ.*) Подите жъ, г. докторъ, сдѣлайте мнѣ это одолженіе.

ШЛЯХТЕНКО.

Поспѣшите, дорогой мой искусникъ! Эти вещи не терпятъ медленности.

(*Клиникусъ, откланиваясь, уходитъ къ бригадиршѣ и за нимъ Мовша.*)

XII.

СТРѢЛЬСКІЙ, ШЛЯХТЕНКО.

СТРѢЛЬСКІЙ.

И такъ, любезный надзиратель, пока выздоровѣетъ моя тетушка, я надѣюсь, что вы мнѣ позволите прожить это время у васъ; въ этомъ натурально нѣтъ никакого препятствія.... я хорошій пріятель съ вашимъ генераломъ, и заплачу вамъ какъ нельзя лучше.

ШЛЯХТЕНКО.

Повѣрьте, милостивый государь, что я для пріятеля моего генерала готовъ сдѣлать всякое удовольствіе, но клянусь вамъ, что это невозможно! Лишній покой въ моемъ домѣ занятъ теперь вашею тетушкою, и сверхъ того препятствуютъ этому разныя семейственныя обстоятельства. Вы можете нанять квартиру въ городѣ, и навѣщать тетушку, когда вамъ будетъ угодно.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Это очень жаль, потому что помѣшаетъ моему проекту.

ШЛЯХТЕНКО.

Проекту? А какому, если смѣю спросить?

—

XIII.

ТѢЖЕ, ЛЕНУШКА.

ЛЕНУШКА, (*увидя Стрѣльскаго.*)

Ахъ!

ШЛЯХТЕНКО.

Что это значитъ? Ты видишь чужаго человѣка, и прибѣжала сюда какъ сумасшедшая. Зачѣмъ ты не изволишь сидѣть у госпожи бригадирши?

ЛЕНУШКА.

Я у ней, батюшка, и такъ все сидѣла; бригадирша меня очень полюбила; но пришелъ нашъ подлекарь и я боялась помѣшашь ему, а сидѣть дома одной мнѣ право очень скучно.

ШЛЯХТЕНКО.

Прошу покорно!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Это конечно ваша дочь, господинъ надзиратель?

ШЛЯХТЕНКО.

Да-съ, это моя дочь. (*Ленушкѣ.*) Сей-часъ домой.

ЛЕНУШКА.

Ахъ, батюшка!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Зачѣмъ же уходить ей прочь?
Мнѣ ваша строгость непонятна;
Показывать такую дочь
Должно быть всякому пріятно.
Что карантинъ вашъ и чума!

Я ихъ бояться не намѣренъ;
Но что она сведетъ съ ума,
Такъ въ этомъ напередъ увѣренъ!

ШЛЯХТЕНКО.

Много чести, но все-таки ей здѣсь совершенно нечего дѣлать.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Почему жъ вы не хотите сдѣлать мнѣ честь познакомить меня съ вашею дочерью?

ШЛЯХТЕНКО.

О! если такъ, то я съ удовольствіемъ ее рекомендую. (*Ленушкѣ, которая кланяется.*) Еще разъ, сударыня, порядочно. И въ угодность вашу, позволяю ей остаться.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Скажите, сударыня....

ШЛЯХТЕНКО, (*останавливая его.*)

Къ-сожалѣнію моему, я долженъ откровенно предупредить васъ, что она дѣвушка.... почти деревенская, отмѣнно проста и ужасно застѣнчива.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*подходя къ ней.*)

О! это ничего; скажите, сударыня, часто ли вы здѣсь гуляете?

ШЛЯХТЕНКО, (*тихо Ленушкѣ.*)

Говори: нѣтъ.

ЛЕНУШКА.

Нѣтъ-съ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Бываете въ гостяхъ?

ШЛЯХТЕНКО, (*также.*)

Говори: нѣтъ.

ЛЕНУШКА.

Нѣтъ-съ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Веселитесь?

ЛЕНУШКА.

Нѣтъ-съ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вы за-мужемъ?

ЛЕНУШКА.

Нѣтъ-съ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

И останетесь въ дѣвушкахъ?

ЛЕНУШКА.

Нѣтъ-съ.

ШЛЯХТЕНКО, (*тихо Ленушкѣ.*)

Завираешься, завираешься, сударыня! Говори: да.... безтолковая!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Какъ я радъ, что съ вами познакомился!

ЛЕНУШКА.

Да-съ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Вы для меня прелестны!

ЛЕНУШКА.

Да-съ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я отъ васъ безъ ума!

ЛЕНУШКА.

Да-съ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

И я вамъ нравлюсь?

ЛЕНУШКА.

Да-съ.

ШЛЯХТЕНКО.

Позвольте!

СТРѢЛЬСКІЙ.

И очень нравлюсь!

ЛЕНУШКА.

Да-съ, да-съ.

ШЛЯХТЕНКО, (*ставъ между ними.*)

Позвольте, позвольте! Она такъ глупа, что нѣтъ никакого средства. Сей-часъ домой! Стыдись, сударыня! Слова не умѣешь сказать порядочно.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Я вижу, что мнѣ пора объясниться съ вами, любезный надзиратель. Все, что мы сказали, совершенная правда: я влюбленъ въ вашу дочь, а она также меня любитъ.

ШЛЯХТЕНКО.

Какъ, сударь! Безъ моего позволенія!

ЛЕНУШКА.

Да-съ.

ШЛЯХТЕНКО.

Прошу покорно! и она смѣетъ мнѣ говорить: да.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Послушайте и не сердитесь. Я дворянинъ, молодъ, большой пріятель вашему генералу. (*Шляхтенко кланяется.*) Тетушка моя богата, и я для вашей дочери по всему лучше женихъ, чѣмъ какой нибудь старый дуракъ, вашъ подлекарь.

ШЛЯХТЕНКО.

Но помилуйте, это дѣло кончено и она обѣщала г. медику....

ЛЕНУШКА.

Нѣтъ-съ.

ШЛЯХТЕНКО.

Прошу покорно! опять за то же! ты шутишь что ли со мною, сударыня? то да, то нѣтъ! Безтолковая! теперь ты должна говорить не то, что тебѣ приказываютъ, а то, что должно.

ЛЕНУШКА.

А если такъ, то я вамъ скажу, батюшка, что я очень люблю молодаго капитана и терпѣть не могу нашего стараго подлекаря.

ШЛЯХТЕНКО.

И она формально признается!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Тетушка моя совершенно здорова, и я нарочно затащилъ ее сюда, чтобъ напугать и заставить согласиться на нашу сватьбу. Ваша польза и счастіе вашей дочери требуютъ, чтобъ вы намъ помогли и постарались какъ можно болѣе настращать тетушку.

ШЛЯХТЕНКО.

Но что скажетъ г. подлекарь? Мнѣ необходимо надобно съ нимъ объясниться.

СТРѢЛЬСКІЙ.

О! что касается до него, онъ у меня отъ всего откажется.

ЛЕНУШКА.

Батюшка! вы меня такъ любите, не мѣшайте моему счастію!

ШЛЯХТЕНКО.

Что до меня, то я охотно сдѣлаю все, что надобно! Научите меня....

—

XIV.

ТѢЖЕ, МОВША, (*вбѣгаетъ испугавшись.*)

МОВША.

А вей пане докторъ! пане надзпрацелю! гвальдъ! гвальдъ!

ШЛЯХТЕНКО.

Что такое? Говори скорѣе! Ты перепугалъ меня до смерти.

МОВША.

Гвальдъ! гвальдъ! На насъ нападли броньци! пани бригадзирса біе пана доктора! Она така моцна.

ШЛЯХТЕНКО.

Слуга покорный! Что за вздоръ, не справиться съ больною женщиною, и почему я обязанъ заступаться за всякаго?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Уймите ее, любезный надзиратель; одно ваше слово—и она послушается.

ШЛЯХТЕНКО.

Благодарствуйте! Что я за выскочка? Вамъ, какъ

племяннику, гораздо приличнѣе удать вашу тетушку.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Она меня не послушаетъ, а васъ она ужасно боится.

ШЛЯХТЕНКО.

Боится! Неужли она въ самомъ дѣлѣ меня боится?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Какъ никого, я васъ увѣряю.

ШЛЯХТЕНКО.

Меня боится? Странно, очень странно! Такъ и быть, попробую; но если выйдетъ что нибудь непріятное, то я надѣюсь по крайней мѣрѣ, что вы заступитесь.

СТРѢЛЬСКІЙ.

О, непремѣнно!

ШЛЯХТЕНКО.

Эй, факторъ! За мною, то есть, впередъ; понимаешь ли, на всякій случай! (*хотятъ идти.*)

—

XV.

ТѢЖЕ, КЛИНИКУСЪ, (*входя оправляется.*)

ШЛЯХТЕНКО.

Ба! господинъ подлекарь! Вы ли это? Я летѣлъ къ вамъ на выручку.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*тихо Ленушкѣ.*)

Намъ опять помѣшаютъ.

КЛИНИКУСЪ.

Что вы называете выручкою, г. надзиратель?

ШЛЯХТЕНКО.

А то, что вамъ отъ бригадирши приходило очень худо.

КЛИНИКУСЪ.

Напротивъ, очень хорошо. Госпожа бригадирша дѣйствительно женщина весьма вспыльчивая, но она скоро совершенно успокоится.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*тихо Ленушкѣ.*)

Да этотъ злодѣй уморитъ бѣдную тетушку.

КЛИНИКУСЪ.

Впрочемъ, она еще въ памяти, и поручила мнѣ просить господина капитана, какъ можно поскорѣе къ ней пожаловать.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Сей-часъ. Эй! факторъ! (*тихо Мовшѣ.*) Смотри же, хорошенько присматривай безъ меня за этимъ бездѣльникомъ. (*громко.*) Эй! господинъ лекарь! (*тихо Клиникусу.*) Я оставляю присматривать за тобою фактора; одно лишнее слово—и мы рубимся и стрѣляемся.

ЛЕНУШКА.

Не пора ли, батюшка, и мнѣ навѣстить г-жу бригадиршу?

ШЛЯХТЕНКО.

Успѣешь, сударыня.

СТРѢЛЬСКІЙ.

А почему жъ не теперь? Я васъ провожу. Вы, господинъ надзиратель, конечно позволите? (*Бе-*

ретъ Ленушку подъ руки и убѣгаетъ съ нею къ бригадиршѣ.)

—

XVI.

ШЛЯХТЕНКО, КЛИНИКУСЪ, МОВША.

КЛИНИКУСЪ.

Я истинно не узнаю васъ, г. надзиратель! На что это похоже, что вы позволяете вашей дочери....(*Мовша подбѣгаетъ и дергаетъ Клиникуса*) что вы не позволяете вашей дочери навѣщать бригадиршу?

ШЛЯХТЕНКО.

Напротивъ, г. подлекарь, я позволяю, и вы сами видѣли, что они убѣжали.

КЛИНИКУСЪ.

Очень видѣлъ, и къ-сожалѣнію моему примѣчаю въ васъ слабость и болѣзнь душевную.

ШЛЯХТЕНКО.

Господинъ подлекарь! Вы знаете мою мнительность, и ради Бога прошу не говорить о болѣзняхъ.

КЛИНИКУСЪ.

Это ничего не значитъ; одна добрая пилюля—и все кончено.

ШЛЯХТЕНКО.

Г. подлекарь! Что вы называете: все кончено?

КЛИНИКУСЪ

Я не обязанъ вамъ давать отчета; я знаю, что говорю, и какъ съ вами кончить.

ШЛЯХТЕНКО.

Г. подлекарь! Я васъ весьма уважаю, но не

требую отъ васъ никакого лекарства Вы сего-дня такъ сердиты, что я боюсь даже открыть вамъ одно важное дѣло.

КЛИНИКУСЪ.

Какое это, милостивый государь, важное дѣло?

ШЛЯХТЕНКО.

Вашъ пріятель увѣрилъ меня, что вы уступаете ему свою невѣсту.

КЛИНИКУСЪ.

О какомъ вы говорите пріятелѣ, и кому я уступаю мою невѣсту?

ШЛЯХТЕНКО.

Ради Бога, не горячитесь, почтеннѣйшій г. докторъ! Это говорю не я, а нашъ капитанъ, котораго вы мнѣ рекомендовали.

КЛИНИКУСЪ.

Онъ лжетъ, сударь! (*Мовша дергаетъ Клиникуса.*) То есть, онъ не лжетъ, а ошибается. (*Мовша въ другой разъ его дергаетъ.*) То есть, онъ не ошибается, а говоритъ не то, что надобно. (*Отводитъ надзирателя далѣе отъ Мовши.*) Право мое на вашу дочь можетъ еще возобновиться.

МОВША, (*тихо Клиникусу.*)

А я зе разомъ бѣгу до папа капитана.

ШЛЯХТЕНКО.

Что-же это значитъ, г. подлекарь?

КЛИНИКУСЪ.

Вы спрашиваете меня, г. надзиратель, что это значитъ? И такъ, я скажу, что это ничего не значитъ. (*Тихо.*) Пожалуйте на эту сторону. (*Мовша опять подбѣгаетъ.*)

ШЛЯХТЕНКО.

Но я примѣчаю, что факторъ безпрестанно съ вами шепчется, г. подлекарь; что у васъ за секреты?

КЛИНИКУСЪ.

Милостивый государъ! Всякое подозрѣніе для меня обидно, и какіе я могу имѣтъ секреты съ этимъ бездѣльникомъ? (*Тихо.*) Пожалуйте на эту сторону. (*Мовша опять подбѣгаетъ.*)

ШЛЯХТЕНКО.

Я не сомнѣваюсь.

КЛИНИКУСЪ.

Чтобъ вы чего нибудь не подумали.... (*Тихо.*) Пожалуйте на эту сторону: вы можете прогнать его.

ШЛЯХТЕНКО, (*Мовшѣ.*)

Убирайся прочь, ты намъ мѣшаешь.

МОВША.

А зе панъ надзирацель мнѣ приказано.

КЛИНИКУСЪ.

Дѣйствительно ему приказано. (*Тихо.*) Пожалуйте на эту сторону.

ШЛЯХТЕНКО.

Помилуйте, г. подлекарь! Вы меня эдакъ до смерти затаскаете.

КЛИНИКУСЪ.

Вамъ это такъ кажется.

ШЛЯХТЕНКО.

Какое кажется, я это чувствую.

МОВША, (*тихо Клиникусу.*)

А зе я вшиско бѣгу, вшыско разскажу, и панъ капитанъ пафъ, и панъ докторъ пафъ!

КЛИНИКУСЪ.

Чего добраго! Этотъ головорѣзъ какъ разъ меня уходитъ.

ШЛЯХТЕНКО, (*Мовшѣ.*)

Убирайся же прочь, или я прогоню тебя насильно.

МОВША.

А зе якъ приказе панъ докторъ.

КЛИНИКУСЪ, (*Шляхтенкѣ.*)

Позвольте, онъ останется. (*тихо.*) Пожалуйте на эту сторону. (*Мовша опять подбѣгаетъ.*) Я вамъ разскажу послѣ.

ШЛЯХТЕНКО.

Рѣшите же, наконецъ, господинъ подлекарь, отступаетесь ли вы отъ своей невѣсты, и можно ли мнѣ согласиться на эту сватьбу?

КЛИНИКУСЪ, (*увидя Стрѣльскаго.*)

Отступаюсь и соглашаюсь! (*въ сторону.*) Чортъ побери! Жизнь мнѣ дороже всякой невѣсты.

—

XVII.

ТѢЖЕ, СТРѢЛЬСКІЙ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Ну, господа, все ли у васъ кончено?

ШЛЯХТЕНКО.

Совершенно.

КЛИНИКУСЪ.

Напротивъ, кончено, но не совершенно.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*тихо Клиникусу.*)

Ты опять за старое! И такъ, мы сей-часъ стрѣляемся; смерть или деньги — выбирай любое.

КЛИНИКУСЪ.

Разумѣется деньги, если-бъ вы мнѣ ихъ отдали.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*бросая кошелекъ.*)

Вотъ они.

КЛИНИКУСЪ.

Теперь совершенно кончено, и вы можете располагать моимъ искусствомъ.

СТРѢЛЬСКІЙ.

Послушайте, господа: тетушка моя въ отчаяніи и на все готова, чтобъ только поскорѣе отсюда вырваться. Мы присовѣтовали ей бѣжать.

ШЛЯХТЕНКО.

Какъ бѣжать? потихоньку?

СТРѢЛЬСКІЙ.

Но только что она соберется въ дорогу, Мовша подастъ намъ знакъ, вы ее схватите, настращаете, и она тогда на все согласится. (*Увидя Ленушку,*

которая выглядываетъ изъ комнаты бригадирши.) Но вотъ непріятельской авангардъ. Господа, за мною! и приготовимся къ атакѣ.

(Всѣ уходятъ въ домъ надзирателя.)

—

XVIII.

БРИГАДИРША, ЛЕНУШКА *(выходитъ первая, а потомъ вызываетъ бригадиршу.)*

ЛЕНУШКА.

Никого нѣтъ, пожалуйте; но ради Бога потихоньку.

БРИГАДИРША.

Ахъ, моя благодѣтельница! Ноги отъ страха подгибаются. Что если насъ застанутъ?

ЛЕНУШКА.

Ничего; мы скажемъ, что вышли немного прогуляться.

БРИГАДИРША.

Да вѣдь безъ спросу, душа моя! Злодѣи навѣрно ко всему придерутся.

ЛЕНУШКА.

Не бойтесь! Я рада для васъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать.

БРИГАДИРША.

Ангелъ, утѣшитель мой! Вотъ дѣвушка, какихъ конечно мало! Для незнакомой, несчастной женщины жертвуетъ, можетъ быть, своею жизнію.

ЛЕНУШКА.

Я сама несчастлива, госпожа бригадирша.

БРИГАДИРША.

Можешь ли ты быть несчастлива, моя красавица?

ЛЕНУШКА.

Я люблю; но тетка моего любезнаго мѣшаетъ нашей сватьбѣ.

БРИГАДИРША.

Ахъ, мое сокровище! Не вини всѣхъ тетокъ! Я сама тетка, и также не позволяю племяннику жениться, Богъ знаетъ на какой дѣвушкѣ. Если-бъ она хоть мало чѣмъ была похожа на тебя, моя красавица, то я бы конечно слова не сказала. Племянникъ мой что-то замѣшкался; онъ обѣщалъ прислать мнѣ все нужное; я право боюсь, чтобъ насъ не застали.

ЛЕНУШКА.

Да, это правда; но не бойтесь, я надѣюсь, что вы счастливо дезертируете.

БРИГАДИРША.

Я дезертирую! Ахъ матушки, какія страсти! Но нечего дѣлать, одно остается средство—бѣжать и въ первомъ судѣ просить защиты и правосудія.

ЛЕНУШКА.

Конечно, бѣжать всего лучше. Ахъ, кто-то идетъ! Не бойтесъ, такъ точно, это нашъ факторъ.

—

XIX.

ТѢЖЕ, МОВША, (*подкрадываясь съ узломъ.*)

ЛЕНУШКА.

Мовша! Мовша!

Мовша, (*дѣлаетъ знакъ Ленушкѣ быть осторожнѣе, и отдаетъ ключь отъ калитки.*)

А вотъ зе пани бригадировѣ мантель и капелютъ.

БРИГАДИРША.

Слава Богу! естъ надежда! (*Мовша подаетъ ей мужскую шинель и шляпу, а Ленушка отпираетъ калитку.*) Вотъ мои благодѣтели! Я васъ конечно не забуду. Ну, душа моя, отворяй скорѣе.

(*Мовша подбѣгаетъ къ колоколу, бьетъ тревогу и кричитъ:* Гвальдъ! Гвальдъ! *Въ это время во всемъ карантинномъ строеніи отворяются окна, и всѣ больные высовываютъ головы.*)

ЛЕНУШКА.

Измѣна!

БРИГАДИРША.

Измѣна! я погибаю!

—

XX.

ТѢЖЕ, ШЛЯХТЕНКО, КЛИНИКУСЪ (*вбѣгаютъ.*)

КЛИНИКУСЪ.

Держите, держите!

ШЛЯХТЕНКО.

Команда! команда! (*Оба схватываютъ бригадиршу.*) Эй! факторъ! Бѣги скорѣе за военною командою.

КЛИНИКУСЪ.

Дезертеръ!

ШЛЯХТЕНКО.

Кто вы таковы?

БРИГАДИРША, (*робкимъ голосомъ*).

Я военный офицеръ.

КЛИНИКУСЪ.

Военный офицеръ? Тѣмъ хуже! Васъ разстрѣляютъ!

БРИГАДИРША, (*сбрасывая шинель и шляпу.*)

Ахъ, мои матушки! Нѣтъ, нѣтъ, я женщина!

КЛИНИКУСЪ.

Возможно ли? Госпожа бригадирша!

ШЛЯХТЕНКО.

Въ карантинъ ее, г. подлекарь, въ карантинъ, не говоря ни слова.

КЛИНИКУСЪ.

И концы въ воду! Сей-часъ за мною!

бригадирша.

Сжальтесь! За что это? Куда вы меня тащите?

клиникусъ.

Сюда, сударыня!

бригадирша, (*увидя въ окнахъ больныхъ.*)

Ахъ, Боже мой! Все мертвые люди!

клиникусъ.

Не бойтесь, они живы покуда. По мѣстамъ, господа, по мѣстамъ! (*машетъ больнымъ рукою, они прячутся.*)

—

XXI.

тѣже, стрѣльскій.

стрѣльскій.

Боже мой, тетушка! Что съ вами дѣлается?

бригадирша.

Другъ мой! Я дезертерша! Я погибаю! На тебя вся моя надежда, спаси несчастную!

стрѣльскій.

Ахъ, тетушка! Я всячески старался помочь вамъ. Меня освободили, но васъ надзиратель ни за что не хочетъ выпустить.

бригадирша.

То есть, хочетъ уморить меня. Ахъ, Боже мой! Да за что-же онъ на меня такъ прогнѣвался?

стрѣльскій.

Вы мнѣ не позволяете жениться на его дочери;

онъ этимъ обидѣлся и поклялся, во чтобы то ни стало, отмстить вамъ за это.

БРИГАДИРША.

Какъ! Это та самая дѣвушка, въ которую ты имѣлъ дурачество влюбиться?

КЛИНИКУСЪ.

Команда приближается!

БРИГАДИРША.

Команда приближается! Г. надзиратель! хотите ли вы со мною помириться и сей-часъ меня выпустить?

ШЛЯХТЕНКО.

Ни за что на свѣтѣ!

КЛИНИКУСЪ.

Ни за что на свѣтѣ!

БРИГАДИРША.

Ради Бога, перестаньте сердиться! Если вы хотите, то я позволяю племяннику жениться на вашей дочери.

СТРѢЛЬСКІЙ.

И отдаете мнѣ, тетушка, обѣщанныя триста душъ.

БРИГАДИРША.

Даже и триста душъ, если это необходимо.

ШЛЯХТЕНКО.

На эдакихъ условіяхъ, извольте! Миръ такъ миръ! По рукамъ, госпожа бригадирша!

ЛЕНУШКА.

Ахъ, сударыня! Вы дѣлаете мое счастіе.

БРИГАДИРША, *(соединяя ихъ.)*

Ты стоишь этого, душа моя! Была ни была,

будьте счастливы! Дѣвушка-то въ самомъ дѣлѣ прехорошенькая.

СТРѢЛЬСКІЙ, (*бригадиршѣ.*)

Не правда ли?

—

XXII.

ТѢЖЕ, МОВША, (*за нимъ танцующіе.*)

МОВША.

Ну, хвала пану Богу! Я видзе, зе тута зе всыстксми эгода, и я замястъ войсковой команды пршыпровадзилемъ до васъ съ кермасу краковяковъ, поляковъ, танцоровъ, ктурзы хцо повинсовацъ пана надзирацеля знасымъ свѣнтемъ и развеселицъ васъ свеми танцами.

ШЛЯХТЕНКО.

Славно! Давай ихъ сюда, праздновать дорогую сватьбу.

(*Танцующіе приближаются.*)

БРИГАДИРША.

Ахъ, г. надзиратель! Да ужъ не чумные ли это? Я такъ напугана....

КЛИНИКУСЪ, (*важно подходя къ Арбатовой.*)

Я васъ могу увѣрить....

БРИГАДИРША.

Ахъ, батюшка! Отстань отъ меня, ради Бога!

КЛИНИКУСЪ.

Я васъ могу увѣрить, что эти люди въ совершенномъ здоровьи.

БРИГАДИРША.

Вѣрю, вѣрю! (*всторону.*) Какая у этого человѣка страшная физіономія!

СТРѢЛЬСКІЙ, (*Лѣнушкѣ.*)

Теперь мы совершенно счастливы. Ну, господа, веселье—и конецъ комедіи.

БРИГАДИРША.

Я на все бъ была готовой,
Чтобъ спасти себя скорѣй.
Каково бы мнѣ здоровой
Просидѣть здѣсь сорокъ дней!
Ужъ умнѣе бы, для пробы,
Нашихъ женщинъ и мужчинъ,
Всѣхъ влюбленныхъ—вотъ кого бы,
Запирать вамъ въ карантинъ.
Въ карантинъ!
Въ карантинъ!

СТРѢЛЬСКІЙ.

Тамъ не нужны эти средства,
Гдѣ счастливымъ быть хотятъ;
Гдѣ невѣста безъ кокетства,
И женихъ не такъ богатъ.
И къ чему тутъ испытанье?
Гдѣ любовь обманъ одинъ,
Тамъ женитьба въ наказанье:
Настоящій карантинъ!
Карантинъ!
Карантинъ!

ШЛЯХТЕНКО.

Быть смотрителемъ ужасно,
Гдѣ такая кутерьма:
Хоть и можно бъ, да опасно!
Все больные да чума!
Эта служба, мой мучитель!
Тутъ къ наградамъ путь одинъ:
Что посмотришь, самъ смотритель
Смаршируетъ въ карантинъ!
Въ карантинъ!
Въ карантинъ!

ЛЕНУШКА.

Что піэса наша, скажутъ,
Удалася или нѣтъ?
Что-же зрители прикажутъ
Мнѣ сказать тому въ отвѣтъ?
Если выйдутъ въ этомъ споры,
Виноватъ тогда одинъ
Сочинитель, что актёры
Завели васъ въ карантинъ.
Въ карантинъ!
Въ карантинъ!

БАБУШКИНЫ ПОПУГАИ.

ОПЕРА-ВОДЕВИЛЬ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Г-жа Курмондъ, старушка.
Г-жа Мервиль, ея племянница.
Тереза, дочь Г-жи Мервиль.
Жоржета, молодая крестьянка, воспитанная съ Терезою.
Жеркуръ.
Флорвиль, его племянникъ, офицеръ.
Жако, молодой крестьянинъ.

БАБУШКИНЫ ПОПУГАИ.

Театръ представляетъ уединенный паркъ, который обнесенъ стѣною. На срединѣ сцены калитка, а по сторонамъ двѣ бесѣдки и три большія дерева.

I.

Г-ЖА КУРМОНДЪ, **Г-ЖА МЕРВИЛЬ** (*держитъ распечатанное письмо въ рукахъ.*)

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Нѣтъ, я никакъ не повѣрю, дорогая моя племянница, чтобы ты, проживши столько лѣтъ въ счастливомъ нашемъ уединеніи, рѣшилась возвратиться въ шумный и опасный свѣтъ, въ которомъ мы столько потерпѣли!

Наскуча мирной тишиною,
Неужли въ городѣ толпою
Рѣшишься видѣть ты мужчинъ?
Я зла на нихъ не безъ причинъ,
И повторю въ моемъ совѣтѣ:
Изъ мыслей должно истребить,
Что есть еще мужчины въ свѣтѣ.

г-жа мервиль.

Какъ можно это позабыть?

г-жа курмондъ.

А я ихъ позабыла, сударыня, или, по крайней мѣрѣ, не вспоминаю больше; но посмотримъ, что пишетъ тебѣ г-жа Воланжъ, твоя пріятельница; она такъ вѣтренна, что я отъ нее ничего не ожидаю путнаго.

г-жа мервиль.

Послушайте: (*читаетъ.*) «Я увѣдомляю тебя, милый другъ мой, что твой Жеркуръ возвратился въ Парижъ.»

г-жа курмондъ.

Какъ? Жеркуръ! Этотъ повѣса, этотъ сумасшедшій, который съ отчаянья, что не могъ на тебѣ жениться, уѣхалъ путешествовать назадъ тому лѣтъ пятнадцать?

г-жа мервиль.

Да, онъ точно, тетушка. (*читаетъ.*) «Въ путешествіи своемъ онъ сдѣлалъ себѣ большое состояніе. Узнавъ, что ты овдовѣла, онъ поклялся мнѣ, во чтобы ему ни стало, открыть твое убѣжище, жениться на тебѣ, и сдѣлать тѣмъ общее ваше счастіе. По обѣщанію моему, я никакъ не рѣшилась сказать ему, гдѣ ты. Пятнадцать лѣтъ разлуки немного сдѣлали перемѣнъ въ Жеркурѣ: онъ также откровененъ, также веселъ, и на все хочетъ рѣшиться, чтобъ отыскать тебя. По моему мнѣнію, онъ точно можетъ сдѣлать счастіе женщины, и я, на твоемъ мѣстѣ, конечно бы воспользовалась такимъ пріятнымъ случаемъ воз-

вратиться въ свѣтъ, котораго ты такъ долго убѣгала.»

г-жа курмондъ.

Вздоръ, вздоръ, милая племянница! Повѣрь мнѣ, всѣ мужчины другъ на друга похожи: всѣ хитры, непостоянны, и этотъ Меркуръ не лучше прочихъ. А чтобы ты побоялась выдти въ другой разъ замужъ, то вспомни, сколько ты вытерпѣла отъ перваго, и что я служу тебѣ въ этомъ живымъ примѣромъ...

Въ пятнадцать лѣтъ, мой милый другъ,
Имѣла мужа я презлаго!
Но только умеръ мой супругъ,
Я тотчасъ вышла за другаго.
И съ этимъ не было утѣхъ!
Онъ также умеръ, — но на грѣхъ
Мой третій мужъ былъ хуже всѣхъ!
Теперь рѣшилась я быть твердой,
И мнѣ не нуженъ ужъ четвертой.

г-жа мервиль.

Я по неволѣ должна вѣрить вашей опытности.

г-жа курмондъ.

Сверхъ того, другъ мой, подумай и объ томъ, что я пекусь о воспитаніи твоей дочери, и съ какою осторожностію до сихъ поръ скрываю отъ нее, что есть на свѣтѣ мужчины.

г-жа мервиль.

Но, тетушка, рано или поздно, она все-таки объ этомъ узнаетъ.

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Положимъ, что и такъ, по крайней мѣрѣ будемъ стараться, чтобъ это было какъ можно позже, въ лѣтахъ зрѣлаго благоразумія, какъ напримѣръ... въ моихъ. Благодаря моему попеченію, твоя Тереза съ подругою своею, Жоржетою, такъ обѣ просты, такъ невинны, что сердце радуется, глядя на моихъ милыхъ воспитанницъ! Но пойдемъ лучше домой; я, признаюсь тебѣ, не люблю этихъ дѣвочекъ оставлять однѣхъ: у нихъ иногда такія странныя предчувствія, всегда другъ съ другомъ болтаютъ и разспрашиваютъ о такихъ пустякахъ, о такихъ странностяхъ....

Голосомъ Жоржеты.

Зачѣмъ, узнать желала бъ я,
Насъ барыня все запираетъ?

Голосомъ Терезы.

Мнѣ чудно, горлица моя
Безъ горлика всегда скучаетъ!

Своимъ голосомъ.

Онѣ пугаютъ страхъ меня!
И все разспросы... то.... другое....

Обоими голосами.

Къ чему? Да какъ? Да что такое?

Своимъ голосомъ.

Ахъ! Если-бъ не смотрѣла я,
Онѣ-бъ узнали раньше вдвое....
Ты разумѣешь, что такое!

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Я чувствую, сколько я вамъ благодарна!

г-жа курмондъ.

Что до меня, на этотъ счетъ,
За ними строго примѣчая,
Повѣрь ты мнѣ, не попадетъ
Къ намъ ни одна душа мужская!

—

II.

ТѢЖЕ, ЖЕРКУРЪ, ФЛОРВИЛЪ, ЖАКО,
(одинъ послѣ другаго показываются на деревьяхъ. Примѣтивши г-жу Курмондъ и Мервиль, они дѣлаютъ другъ другу знаки быть осторожными.)

жеркуръ, *(Флорвилю.)*

Вотъ она!

г-жа мервиль.

Такъ, матушка, я наконецъ рѣшилась послѣдовать вашему совѣту, и никогда не желаю видѣть болѣе мужчинъ.

г-жа курмондъ.

Слава Богу! слава Богу, дорогая племянница! Ты опять образумилась, и повѣрь, что гораздо полезнѣе ненавидѣть этихъ измѣнниковъ!

Ихъ убѣгать,
Ихъ презирать,
Совѣты эти страхъ полезны.

г-жа мервиль.

Не всѣ мужчины таковы:
Иные право вѣдь любезны!

О тетушка! Это не слишкомъ ли ужъ жестоко? Надобно согласиться, что есть изъ нихъ и очень любезные!

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Повѣрь, изъ нихъ
Дурныхъ и злыхъ
Гораздо чаще я встрѣчала;
И трехъ мужей похороня,
Ты согласишься въ томъ, что я
Все это лучше испытала. (*уходятъ.*)

—

III.

ЖЕРКУРЪ, ФЛОРВИЛЬ, ЖАКО.

ЖАКО.

Ну, господа, не правду ли я вамъ говорилъ, что эта старуха, г-жа Курмондъ, настоящій дьяволъ!

ЖЕРКУРЪ.

Чортъ меня возьми, если мы не усыпимъ этого Аргуса; но начнемъ съ того, чтобъ войти въ жилище нашихъ Гесперидъ! (*Соскакиваетъ со стѣны.*)

ФЛОРВИЛЬ, (*со стѣны.*)

Ахъ, дядюшка! Какъ бы мнѣ хотѣлось полакомиться ихъ золотыми яблочками. Я остаюсь здѣсь, на стѣнѣ, для наблюденій.

ЖЕРКУРЪ.

А я ужъ на мѣстѣ. Теперь, строгая старушка и скромная вдовушка, мы увидимъ, какъ-то вы отъ

насъ отдѣлаетесь! Но ты говоришь, Жако, что съ ними еще живутъ двѣ молодыя дѣвушки?

ЖАКО.

Да, сударь! Я ихъ разъ примѣтилъ издали, забравшись въ лѣсу на высокое дерево.

ФЛОРВИЛЬ.

Ну, что-жъ, Жако, хороши ли онѣ?

ЖАКО.

О! удивительно! Я думаю, однако-жъ, что кромѣ меня никому еще не удавалось ихъ видѣть. У насъ въ деревнѣ говорятъ, что г-жа Курмондъ увѣрила ихъ, будто на свѣтѣ живутъ однѣ только женщины, а насъ мужчинъ и не бывало. Какъ это покажется?

ЖЕРКУРЪ.

Себя намъ должно поддержать,
На это ясныя причины:
Какъ можно женщинамъ не знать,
Что въ свѣтѣ есть для нихъ мужчины?
О! мы отмстимъ
За это имъ!

ФЛОРВИЛЬ.

Какъ мнѣ было бы пріятно,
Ихъ скорѣе увидать,
Приласкать,
Разцѣловать,
Какъ мнѣ было бы пріятно!

ЖАКО.

Для нихъ мы будемъ точно тѣ,
Которымъ нравиться-бъ желали,
За тѣмъ, что лучше насъ нигдѣ
Онѣ покуда не видали.

ФЛОРВИЛЬ.

Дядюшка! дядюшка! Я вижу двухъ прелестныхъ дѣвушекъ; онѣ съ ружьями, какъ будто собрались на охоту!

ЖЕРКУРЪ.

Я бы не хотѣлъ, чтобъ онѣ теперь насъ увидѣли; я спрячусь въ этой бесѣдкѣ, а ты, ты, Жако, скорѣй на дерево. (*прячется въ бесѣдкѣ.*)

ЖАКО.

Слуга покорный! Если онѣ меня примѣтятъ, такъ чего добраго, по глупости еще мигомъ подстрѣлятъ. Нѣтъ, я лучше спрячусь также въ бесѣдкѣ. (*прячется въ бесѣдкѣ.*)

—

IV.

ФЛОРВИЛЬ (*на деревѣ*), **ТЕРЕЗА**, **ЖОРЖЕТА**, (*одѣтыя амазонками и обѣ съ ружьями, входя, поютъ.*)

Какъ намъ весело вдвоемъ
Здѣсь охотой забавляться!
Мы здѣсь рѣзвимся, поемъ,
И не можемъ наиграться!
Все насъ тѣшитъ, все живитъ!
Разставляемъ птичкамъ сѣти;
Мы играемъ такъ какъ дѣти,
Насъ и это веселитъ!

ТЕРЕЗА.

Намъ во всемъ съ тобой утѣха,
И съ веселостью своей

Я пою, и въ рощѣ эхо
Вторитъ пѣсенкѣ моей!

ЖОРЖЕТА.

Что-жъ здѣсь долѣ оставаться?
Побѣжимте въ добрый путь,
И сего-дня, можетъ статься,
Мы поймаемъ что нибудь.

ВМѢСТѢ.

Какъ намъ весело вдвоемъ, и проч.

ТЕРЕЗА, (*бросая ружье.*)

Нѣтъ, останемся лучше здѣсь, Жоржета. Признайся мнѣ, всегда ли тебя забавляетъ охота?

ЖОРЖЕТА.

Богъ знаетъ, сударыня! Сего-дня, напримѣръ, я стрѣляла, а думала совсѣмъ о другомъ.

ТЕРЕЗА.

А объ чемъ же ты думала, Жоржета?

ЖОРЖЕТА.

Да такъ, мало ли что приходитъ въ голову, и все и ничего.

ТЕРЕЗА.

Представь себѣ, Жоржета, что то же самое бываетъ и со мною; а всего чуднѣе для меня то, что я нынче, не знаю отъ чего, только очень часто вздыхаю.

ЖОРЖЕТА.

Ахъ, Боже мой! Вѣдь и я все вздыхаю, сударыня! (*вздыхая.*) Это очень чудно!

ТЕРЕЗА, (*вздыхая.*)

Да, очень чудно! Но мнѣ кажется, что это не даромъ!

ЖОРЖЕТА.

Я думаю, что мы еще съ вами очень глупы и многаго не знаемъ.

ФЛОРВИЛЬ, (*всторону.*)

Ахъ! какъ мнѣ любопытно ихъ подслушать.

ТЕРЕЗА.

Зачѣмъ, напримѣръ, бабушка не позволяетъ намъ выходить изъ этого парка?

ЖОРЖЕТА.

И конечно. Зачѣмъ, напримѣръ, она никогда не беретъ насъ съ собою въ сосѣднюю деревню?

ТЕРЕЗА.

Зачѣмъ, напримѣръ, когда кто нибудь приходитъ изъ деревни, она насъ всегда уводитъ?

ЖОРЖЕТА.

Зачѣмъ, напримѣръ....

ТЕРЕЗА, (*перебивая.*)

Зачѣмъ, напримѣръ, мы никогда, кромѣ ихъ, ни кого не видимъ?

ЖОРЖЕТА.

Зачѣмъ, напримѣръ....

ТЕРЕЗА.

Зачѣмъ, напримѣръ, мы никогда....

ЖОРЖЕТА.

Ахъ, Боже мой! Дайте же, сударыня, и мнѣ сказать хоть одно слово.

ФЛОРВИЛЬ, (*всторону*).

Конечно.

ЖОРЖЕТА.

Я это страхъ узнать желаю,
Я многаго не понимаю....

Позвольте-жъ мнѣ спросить у васъ:
Зачѣмъ есть матушки у насъ?

ТЕРЕЗА.

О! матушки! Это очень понятно; это потому, потому....

Нѣтъ, нѣтъ, я этого на знаю!

Однако-жъ, Жоржета, ты заставляешь меня думать.... Я даже очень помню, что одинъ разъ, смотря на меня, она тихонько сказала бабушкѣ: это живой портретъ ея отца. (*подумавши.*) Отца!... Что Жоржета?

Я это страхъ узнать желаю,
Я многаго не понимаю....
Но разстолкуй мнѣ наконецъ:
Что значитъ, напримѣръ, отецъ?

ЖОРЖЕТА.

Это значитъ, я думаю....

Нѣтъ, нѣтъ, я этого не знаю!

ФЛОРВИЛЬ, (*всторону.*)

О! какія любопытныя!

ЖОРЖЕТА, (*вздыхая.*)

Перестанемте лучше говорить объ этомъ, и побѣжимте, сударыня, пострѣлять.

ТЕРЕЗА, (*вздыхая.*)

Побѣжимъ, Жоржета; можетъ быть сегодняшній день мы будемъ счастливѣе.—Здѣсь лѣсъ такой густой, и всегда на деревьяхъ сидитъ множество разныхъ птичекъ.

ФЛОРВИЛЬ, (*смѣясь.*)

Чего добраго, онѣ пожалуй и меня подстрѣлять! (*прячется въ деревѣ.*)

ТЕРЕЗА.

Первая, которая попадется, навѣрно убита! — Не знаю отъ чего, я сего-дня страхъ сердита!

ЖОРЖЕТА, (*смотря въ кулису.*)

Ахъ!

ТЕРЕЗА, (*испугавшись.*)

Ахъ! Что Жоржета?

ЖОРЖЕТА, (*прикладываясь выстрѣлить.*)

Тише, тише! Вонъ, видите, на этомъ деревѣ сидитъ птичка.

ТЕРЕЗА.

Ахъ! Не стрѣляй, Жоржета, она не одна. (*отнимаетъ у нее ружье.*)

Ахъ, сдѣлай, сдѣлай одолженье....
Мнѣ жалко, если ихъ убьемъ!

ЖОРЖЕТА.

Зачѣмъ ихъ кончить наслажденье?
Онѣ такъ счастливы вдвоемъ!

ТЕРЕЗА.

Онѣ вдвоемъ, ихъ все забавитъ!
Онѣ какъ пара голубковъ!

ЖОРЖЕТА.

Что-жъ ихъ всегда другъ къ другу манитъ?

ФЛОРВИЛЬ, (*съ дерева.*)

Любовь!

ТЕРЕЗА.

Что ты сказала, Жоржета?

ЖОРЖЕТА.

Кто? я?—Я ничего не говорила, сударыня.

ТЕРЕЗА.

Это странно! Мнѣ послышалось такое слово, котораго я никогда еще не слыхала, а кажется, что будто его понимаю!

Какое сильное волненье
Я чувствую въ груди моей!

ЖОРЖЕТА.

Ахъ! Точно то же восхищенье
Живитъ меня душою всей!

ТЕРЕЗА.

Чтобъ это значило, Жоржета?

ЖОРЖЕТА.

Я не найду на это словъ.

ТЕРЕЗА.

Но кто-же объяснитъ намъ это?

ФЛОРВИЛЬ.

Любовь!

ТЕРЕЗА, (*увидя Флорвиля.*)

Ахъ, Боже мой!

ЖОРЖЕТА, (*испугавшись.*)

Ахъ! что такое? вы меня пугаете!

ТЕРЕЗА, (*показывая на Флорвиля.*)

Посмотри! посмотри! (*Обѣ ужасно пугаются, убѣгаютъ и кричатъ:*) Ай! ай! помогите! помогите!

ФЛОРВИЛЬ, (*вслѣдъ имъ.*)

Не бойтесь, не бойтесь! Тереза! Жоржета!

—

V.

ФЛОРВИЛЬ, МЕРКУРЪ, ЖАКО. (*Выходятъ на сцену.*)

ФЛОРВИЛЬ.

Что намъ дѣлать? Онѣ все разскажутъ!

ЖАКО.

Ваша правда, господа; дѣло худо, и по моему гораздо лучше, по добру по здорову убраться скорѣе.

(*Хочетъ бѣжать.*)

МЕРКУРЪ, (*останавливая Жако.*)

Постой, трусъ! (*Флорвилю, который соскакиваетъ съ дерева.*) Что ты дѣлаешь?

ФЛОРВИЛЬ, (*смѣясь.*)

Я, какъ воинъ, хочу раздѣлить съ вами опасность.

Хоть воинъ, вы овечка въ мирѣ,
Въ войнѣ вы страхъ своимъ врагамъ!
Но вы одинъ, а ихъ четыре,
И я пришелъ на помощь къ вамъ!
Сразитесь смѣло съ пожилыми,
Вы сами пожилой герой!
А я ужъ слажу съ молодыми,
И слава увѣнчаетъ бой!

ЖЕРКУРЪ.

Слуга покорный! Что до бабушки, такъ ты самъ скорѣй съ нею сладишь, ты драгунскій офицеръ, и она по твоей части.

ФЛОРВИЛЬ.

Шутки въ сторону; знаете ли, дадюшка, что эти дѣвочки безподобны! Я въ одну изъ нихъ право влюбился.

ЖАКО.

Не всѣхъ себѣ, однако-жъ, за труды надобно будетъ и со мною подѣлиться.

ФЛОРВИЛЬ.

Какая невинность! Ахъ, Тереза! Я берусь образовать тебя!

Какъ трудъ ни важенъ, ни великъ,
Я буду ей путеводитель!
Въ сраженьи вашъ я ученикъ,
А здѣсь хочу быть самъ учитель!
Товарищъ опытный въ войнѣ
Всэгда полезенъ, безъ сомнѣнья,
За то въ любви, повѣрьте мнѣ,
Для насъ ненужны наставленья!

ЖАКО.

Боже мой! Тише! Вонъ бѣгутъ онѣ!—Ай, ай! и вмѣстѣ съ бабушкою! Ну, теперь мы пропали!

ФЛОРВИЛЬ.

Надобно смѣло ихъ встрѣтить.

ЖЕРКУРЪ.

Вздоръ, вздоръ, погодите! Сперва я хочу поговорить съ госпожею Мервиль. Ты, Жако, займи мѣсто моего племянника на этомъ деревѣ.

ЖАКО.

Помилуйте! Что это за штуки! Эта злая бабушка меня знаетъ; я часто приношу ей изъ деревни разную провизію.

ЖЕРКУРЪ.

Не бойся, я за все отвѣчаю; но ни подъ какимъ видомъ не смѣй оставить своего мѣста.

ЖАКО, (*взлѣзая на дерево*).

Ради Бога! не допустите ихъ застрѣлить меня, а не то вы будете отвѣчать за это; вамъ же хуже.

(*Жеркуръ, Флорвиль прячутся*).

—

VI.

ЖАКО (*на деревѣ*), **Г-ЖА КУРМОНДЪ, ТЕРЕЗА, ЖОРЖЕТА.**

ТЕРЕЗА.

Посмотрите, посмотрите, бабушка! Онъ такой большой, съ глазами, съ руками, съ ногами... вотъ онъ, вотъ онъ!

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Боже мой! что я вижу? (*всторону*). Мужчина!

ТЕРЕЗА.

Ахъ, какъ жалко! Это ужъ другой, а тотъ былъ такой хорошенькой.

ЖОРЖЕТА.

Скажите жъ намъ, сударыня, что это такое?

г-жа курмондъ.

Это.... это, мои милыя.... (*всторону*). Какъ бы мнѣ вывернуться! (*вслухъ*). Это ничего, совершенно ничего. (*всторону*). Боже мой! Чтобы мнѣ сказать имъ?

тереза.

Какъ онъ на меня пристально смотритъ!

г-жа курмондъ, (*всторону*).

Такъ точно, чего лучше! Счастливая мысль!

Къ чему, къ чему весь этотъ страхъ?
Не бойся, милая Жоржета!
Я вамъ скажу, что птица эта
Здѣсь часто водится въ лѣсахъ;
Она какъ бабочка порхаетъ,
Смѣется, плачетъ, обольщаетъ,
И ей никакъ не довѣряй.
Она хоть съ виду и прекрасна,
За то лукава, зла ужасно,
И словомъ, это попугай!

тереза, жоржета.

Попугай! попугай!

г-жа курмондъ.

Да, дурочки, это попугай, да только самой большой породы.

жако.

Что это она имъ напѣваетъ?

г-жа курмондъ, (*всторону*).

Я не ошибаюсь, это точно крестьянинъ изъ сосѣдней деревни.

ТЕРЕЗА.

Вѣдь попугаи, бабушка, я слышала, говорятъ? Заставьте и этого поговорить немножко.

ЖОРЖЕТА.

Но ради Бога, не сердите его, сударыня.

Г-ЖА КУРМОНДЪ, (*всторону*).

Надобно скорѣе прогнать его. (*вслухъ*). Хорошо, хорошо, я васъ потѣшу. Зачѣмъ ты здѣсь, Жако?

ЖАКО.

Я.... я здѣсь прогуливаюсь, сударыня.

ТЕРЕЗА.

Какъ онъ славно говоритъ!

ЖОРЖЕТА.

Завтракалъ ли ты, Жако?

ЖАКО.

Нѣтъ, сударыня.

ЖОРЖЕТА.

Не хочешь ли ты поѣсть чего нибудь?

ЖАКО.

Съ охотою! — Если бъ попался кусокъ ветчины и бутылка добраго вина!

ТЕРЕЗА.

Онъ ѣстъ ветчину и пьетъ вино! — Онъ вѣрно ручной; надобно поймать его.

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Пустое, пустое, сударыня! — Съ этими попугаями шутить не надобно. Жоржета, возьми ружье и спугни его.

ЖОРЖЕТА.

Ахъ! мнѣ право жалко!

г-жа курмондъ, (*отнимая у Жоржеты ружье, прицѣливается въ Жако*).

Улетай же скорѣе.

жако.

Пощадите! Не стрѣляйте! Она, пожалуй, какъ воробья меня свалитъ.

г-жа курмондъ.

Что-жъ ты не летишь?

жако.

Ахъ, Боже мой! у меня подкосились крылья, сударыня!... Дайте мнѣ время хоть слѣзть, я побѣгу что есть силы! (*скрывается*).

—

VII.

ТѢЖЕ, кромѣ **ЖАКО**.

жоржета.

Ахъ, какъ жалко.... Онъ улетѣлъ!

тереза.

Этотъ, однако-жъ, не изъ самыхъ лучшихъ.

г-жа курмондъ.

Какъ не изъ самыхъ лучшихъ? Что это значитъ?

тереза.

Передъ вами, бабушка, мы на этомъ деревѣ видѣли другаго попугая.... Онъ былъ такой хорошенькой, а этотъ совсѣмъ другой.

г-жа курмондъ.

Не говорилъ ли тотъ чего нибудь съ тобою?

тереза.

Онъ сказалъ одно слово: Любовь.

Какъ мнѣ жаль, что невзначай
Мы его перепугали.
Что за милый попугай!
Мы бы въ мигъ его поймали.
Говоритъ, какъ человѣкъ!
Что за птичка! право диво!
И я чувствую, что вѣкъ
Безъ нее не быть счастливой!

г-жа курмондъ, (*в сторону.*)

Боже мой! Боже мой! какое ужасное приключеніе!.... Если я этого не поправлю, все пропало. (*вслухъ.*) Сей-часъ ступайте домой; здѣсь вамъ оставаться опасно.

тереза.

Отъ чего же это, бабушка?

г-жа курмондъ.

А отъ того, что эта птица, которая съ виду такъ пріятна и ласкова, ужасно зла и бѣгаетъ за женщинами.

тереза.

Бѣгаетъ за женщинами! Ахъ, какъ это весело!

г-жа курмондъ.

Ты врешь, сударыня! Тутъ нѣтъ ничего веселаго! Сей-часъ домой!

тереза.

Ахъ, бабушка!

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Ни слова! За мною.—Я дрожу отъ страха! (*уходятъ.*)

—

VIII.

ЖЕРКУРЪ, ФЛОРВИЛЬ, (*потомъ*) ЖАКО.

ЖЕРКУРЪ И ФЛОРВИЛЬ, (*показываясь на сценѣ.*)

Онѣ ушли! Жако! Жако!

ЖАКО, (*вылѣзая изъ-подъ стѣны.*)

Жако! Жако! Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ время оправиться.—Эта проклятая старуха чуть-чуть не застрѣлила меня.

ФЛОРВИЛЬ.

О, пустяки!

ЖАКО.

Какъ пустяки?—Она было заставляла Жоржету...

ЖЕРКУРЪ.

А что-жъ такое?

ЖАКО.

Да то, чтобъ вмѣсто попугая не застрѣлить человѣка.

ФЛОРВИЛЪ.

Какъ вмѣсто попугая?

ЖАКО.

Вотъ то-то же! Это старуха увѣрила ихъ, что я попугай.

ЖЕРКУРЪ.

Ахъ, это презабавно! Но я слышу кто-то идетъ! Спрячтесь скорѣе! (*Флорвиль и Жако уходятъ.*)

—

IX.

ЖЕРКУРЪ (*въ сторонѣ*), **Г-ЖА МЕРВИЛЬ.** (*Она входитъ, читая письмо и не примѣчая Жеркура.*)

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Тетушка будетъ довольна; это письмо увѣритъ ее въ моей твердости, и бѣдный Жеркуръ можетъ себѣ ѣхать, куда ему угодно.

ЖЕРКУРЪ, (*всторону.*)

О, мы увидимъ! — Начнемъ приступъ. — Свиданье неожиданное, пламенное, военное! (*вслухъ*) А! наконецъ я нашелъ васъ!

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Боже мой! Кого я вижу?

ЖЕРКУРЪ.

Жеркура, вѣрнаго вашего обожателя, который твердо рѣшился вытащить васъ изъ этого лѣса.

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Ахъ, Жеркуръ! Въ умѣ ли вы?

ЖЕРКУРЪ.

Я таковъ же, какъ былъ прежде,—но въ это время я успѣлъ сдѣлать себѣ большое состояніе, которое и намѣренъ раздѣлить съ вами.

г-жа мервиль.

Но какъ вы сюда попали?

жеркуръ.

Это объяснить не трудно. Калитка была заперта, такъ я перелѣзъ черезъ стѣну.

г-жа мервиль.

Но съ какимъ намѣреніемъ?

жеркуръ.

Съ намѣреніемъ васъ увидѣть, объясниться съ вами, и уговорить васъ выйти за меня за-мужъ.

г-жа мервиль.

Вы, конечно, шутите!

жеркуръ.

Напротивъ, я увѣренъ, что вы меня все еще любите, и я вамъ ручаюсь, что вы сего-дня же будете моею женою.

г-жа мервиль.

Но тетушка....

жеркуръ.

Что мнѣ до вашей тетушки! Она старая дура, и на нее смотрѣть нечего.

г-жа мервиль, (*смотря въ кулису.*)

Ахъ, Боже мой! Я вижу мою дочь! Ради Бога, спрячтесь поскорѣе! Вотъ вамъ ключь отъ калитки.

жеркуръ.

Но могу ли я надѣяться, что васъ опять увижу!

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Меня не трудно вамъ понять:
Вы черезъ часъ сюда придите;
Я буду здѣсь одна гулять,
И вы меня уговорите.

(*уходятъ.*)

—

X.

ТЕРЕЗА, ЖОРЖЕТА, (*входятъ на цыпочкахъ.*)

ТЕРЕЗА.

Точно ли, Жоржета, бабушка насъ не видѣла?

ЖОРЖЕТА.

Точно, сударыня! Она думаетъ, что мы въ своей комнатѣ.—Теперь мы однѣ.... еслибъ наши попугаи опять сюда прилетѣли!

ТЕРЕЗА.

Знаешь ли что, Жоржета: попробуемъ ихъ покликать. Мы, можетъ быть, приманимъ ихъ какъ и другихъ птичекъ. (*кличутъ.*) Ахъ, Жоржета! Какое счастіе! Посмотри,—въ этой алеѣ гуляютъ два попугая.... и кажется.... точно такъ.... это Жако съ другимъ хорошенькимъ попугаемъ, котораго я здѣсь видѣла.

ВМѢСТѢ.

Прилетай же поскорѣе,
Прилетай мой попугай!
Ты не бойся—будь смѣлѣе,
И со мною поиграй.

ТЕРЕЗА.

Вотъ они! Какъ сердце бьется!

ЖОРЖЕТА.

Я любуюся на нихъ!

ТЕРЕЗА.

Посмотри, одинъ смѣется!

ЖОРЖЕТА.

Вѣрно эти изъ ручныхъ.

ВМѢСТѢ.

Прилетай же поскорѣе, и проч.

(Жоржета, увидѣвъ Жако, которой бѣжитъ къ ней, убѣгаетъ; Жако бѣжитъ за нею; Флорвиль также входитъ, и съ притворною робостію останавливается передъ Терезою.)

—

XI.

ТЕРЕЗА, ФЛОРВИЛЬ.

ТЕРЕЗА, (*всторону.*)

Вотъ онъ! Вотъ онъ! Мнѣ кажется, что онъ очень застѣнчивъ. (*вслухъ.*) Скажи мнѣ, попугай, неужели ты меня боишься?

ФЛОРВИЛЬ.

Ахъ, нѣтъ! Но я боюсь вашей бабушки.

ТЕРЕЗА.

Онъ правъ; эта бабушка опять его испугаетъ.

ФЛОРВИЛЬ.

Я страхъ какъ бабушекъ боюся!
Что будетъ, если попадуся
Я на глаза, къ-несчастью, ей?

ТЕРЕЗА, (*съ досадой.*)

Такъ улетай себѣ скорѣй!

ФЛОРВИЛЬ.

Но нѣтъ! чтобъ вмѣстѣ быть съ тобою,
Твоей прельщаться красотою,
На все готовъ твой попугай!

ТЕРЕЗА, (*нѣжно.*)

Не улетай, не улетай!

ФЛОРВИЛЬ.

Но если бабушка узнаетъ,
Что попугай сюда летаетъ,
Какъ непріятно будетъ ей....

ТЕРЕЗА.

Такъ улетай себѣ скорѣй!

ФЛОРВИЛЬ.

Ахъ, нѣтъ! Я не рѣшусь конечно.
Тебя любить, любить сердечно
Твой вѣчно будетъ попугай!

ТЕРЕЗА.

Не улетай! Не улетай!

ФЛОРВИЛЬ, (*подходя ближе.*)

Любезная Тереза!

ТЕРЕЗА.

Ахъ, Боже мой! Онъ знаетъ мое имя!

ФЛОРВИЛЬ.

Я его слышалъ, и никогда не забуду.

ТЕРЕЗА.

Какой же ты умница! Не бойся, не бойся меня! (*сторону.*) Какой онъ хорошенькой!

ФЛОРВИЛЬ, (*всторону.*)

Вотъ забавная роля для нашего брата драгунскаго офицера!

ТЕРЕЗА, (*всторону.*)

Мнѣ хочется поучить его. (*въ-слухъ.*) Знаешь ли что, попугай, ты многаго, я думаю, не знаешь; попробуй повторять за мною: я поучу тебя.

ФЛОРВИЛЬ.

Ахъ, съ радостью!

ТЕРЕЗА.

Скажи мнѣ, попугай: люблю тебя, Тереза!

ФЛОРВИЛЬ.

Люблю тебя, Тереза!

ТЕРЕЗА, (*всторону.*)

Какъ онъ нѣжно говоритъ!

ФЛОРВИЛЬ.

Попугай тебѣ не льститъ.
Скажи-жъ и ты: люблю тебя *я*, попугай!

ТЕРЕЗА.

Люблю тебя *я*, попугай!

ФЛОРВИЛЬ, (*всторону.*)

Ахъ! она меня прельститъ!

ВМѢСТѢ.

Кто бы счастья ждалъ такова!

Я люблю, { онъ говоритъ.
{ она твердитъ.

Я люблю! Ахъ! это слово
Восхищаетъ и живитъ!

ТЕРЕЗА.

Скажи еще, скажи какъ я:
Я буду вѣкъ любить тебя!

ФЛОРВИЛЬ.

Я буду вѣкъ любить тебя!

ТЕРЕЗА, (*всторону*.)

Онъ любить не перестанетъ!
Попугай мой не обманетъ.

ФЛОРВИЛЬ.

Скажи и ты, скажи какъ я:
Я буду вѣкъ любить тебя!

ТЕРЕЗА.

Я буду вѣкъ любить тебя!

ФЛОРВИЛЬ, (*всторону*.)

Ахъ! какое восхищенье!
Я ей нравлюсь, нѣтъ сомнѣнья.
(*Въ-слухъ*.)
Взгляни-жъ теперь ты на меня!

ТЕРЕЗА.

Тобой и такъ любуюсь я!

ФЛОРВИЛЬ.

Какъ ты добра, мила, прекрасна!

ТЕРЕЗА.

Съ тобой и въ этомъ я согласна.

ВМѢСТѢ.

Кто-бы счастья ждалъ такова, и проч.

ТЕРЕЗА.

Ну, для перваго раза этого довольно! Завтра я еще чему нибудь поучу тебя. Но знаешь ли, попугай, мнѣ право удивительно, что я нахожу въ тебѣ большое сходство съ нами! Ты такъ же, какъ мы, и ходишь, и говоришь, и смѣешся.

г-жа курмондъ, (*за сценой.*)

Тереза! Жоржета! гдѣ вы? гдѣ вы?

тереза.

Ахъ, Боже мой! это бабушка!

флорвиль.

Прощай, Тереза, я улетаю!

тереза.

Прощай, прощай! Но обѣщайся мнѣ поскорѣе воротиться; я право тебя страхъ полюбила!

флорвиль.

О! непремѣнно. Ты меня найдешь у этой бесѣдки.

(*Убѣгаетъ.*)

XII.

ТЕРЕЗА, Г-ЖА КУРМОНДЪ, *потомъ* ЖОРЖЕТА.

г-жа курмондъ, (*вбѣгая.*)

Тереза! Жоржета! гдѣ вы? куда дѣвались?

тереза.

Я здѣсь, бабушка!

жоржета, (*вбѣгая.*)

Я здѣсь, сударыня!

г-жа курмондъ.

Да что-жъ здѣсь дѣлали?

тереза.

Мы ловили.... птичекъ, сударыня.

г-жа курмондъ.

Ужъ не тѣхъ ли, которыхъ поутру здѣсь видѣли?

ТЕРЕЗА.

Нѣтъ, бабушка, мы ловили простыхъ птичекъ.

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Ну то-то же; а то, по глупости, вы въ состояніи Богъ знаетъ что надѣлать; но извольте сей-часъ идти домой, вамъ здѣсь нечего дѣлать!

ТЕРЕЗА, (*уходя.*)

Пойдемъ, Жоржета.

ЖОРЖЕТА, (*тихо Терезѣ.*)

А я тоже успѣла поговорить съ моимъ попугаемъ, и онъ мнѣ очень понравился! (*обѣ убѣгаютъ.*)

—

XIII.

Г-ЖА КУРМОНДЪ, ЖЕРКУРЪ (*вдали у калитки.*)

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла здѣсь этого проклятаго Жако, я начинаю очень безпокоиться.

ЖЕРКУРЪ, (*всторону, отворяя калитку.*)

А! это бабушка!

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Кто знаетъ, можетъ быть онъ нарочно подосланъ сюда Жеркуромъ!

ЖЕРКУРЪ.

Она говоритъ обо мнѣ, послушаемъ.

г-жа курмондъ.

Этотъ старый повѣса меня ужасно пугаетъ.

жеркуръ.

Благодарствуйте!

г-жа курмондъ.

И моя племянница, какъ мнѣ кажется, начинаетъ раскаяваться въ своемъ обѣщаніи не оставлять меня. Зачѣмъ ей такъ часто приходить сюда! Здѣсь я опять поймала моихъ дѣвочекъ.... Все это раждаетъ во мнѣ ужасное подозрѣніе. О! мнѣ надобно хорошенько за ними присматривать.

жеркуръ, (*запирая калитку*).

Это напрасно.

г-жа курмондъ.

Что до меня, то я конечно въ состояніи устоять противъ всѣхъ соблазновъ.... но онѣ такъ слабы... надобно предупредить ихъ дурачество. Что я вижу? (*Въ это время упадаетъ передъ нею записочка, брошенная Жеркуромъ*). Записочка, которую вѣрно перекинули изъ-за стѣны. Прочтемъ. (*читаетъ*). »Милый мой другъ! Приходи поскорѣе въ большую аллею вашего парка, я все приготовилъ къ нашему отъѣзду; но ради Бога, остерегайся своей тетки! Это старая дура. Жеркуръ.» Старая дура! Нѣтъ сомнѣнія! Это писано къ племянницѣ, и у нихъ все приготовлено къ побѣгу. Старая дура! А! а, сударыня! Такъ вотъ что вы затѣваете! Но я все открыла и не допущу васъ до этихъ ужасовъ! Онъ васъ ожидаетъ, но не вы, а я сама бѣгу его встрѣтить! (*развертываетъ письмо*). «Въ концѣ большой аллеи.» Посмотримъ,

достанетъ ли у него довольно твердости, чтобъ вмѣсто племянницы увезти меня! Старая дура! (*уходитъ*).

—

XIV.

ТЕРЕЗА (*одна приходитъ съ корзинкою и останавливается у бесѣдки*).

Насъ взаимное участье
Привлечетъ сюда тайкомъ.
Что за радость, что за счастье,
Съ милымъ видѣться дружкомъ!

—

XV.

ТЕРЕЗА, ЖОРЖЕТА, (*она также приходитъ съ корзинкою и останавливается у другой бесѣдки*).

ЖОРЖЕТА.

Насъ взаимное участье
Привлечетъ сюда тайкомъ.
Что за радость, что за счастье,
Съ милымъ видѣться дружкомъ.

—

XVI.

ТѢЖЕ, Г-ЖА МЕРВИЛЬ, (*на срединѣ сцены*).

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Насъ взаимное участье
Привлечетъ сюда тайкомъ.
Что за радость, что за счастье,
Съ милымъ видѣться дружкомъ!

ЖОРЖЕТА.

Позовемъ, и онъ конечно
Прилетитъ сюда тотчасъ.

ТЕРЕЗА.

Для чего не можно вѣчно
Попугаямъ быть при насъ!

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Жеркуръ! но онъ не отвѣчаетъ!

ТЕРЕЗА И ЖОРЖЕТА.

Гдѣ же мнѣ его найти?

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Позовемъ! онъ ожидаетъ.

ТЕРЕЗА И ЖОРЖЕТА.

Попугай! Лети, лети!

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Твой другъ тебя здѣсь ожидаетъ.
Я долго ль буду здѣсь одна?

(*Въ это время всѣ мужчины показываются*).

ВСѢ ЖЕНЩИНЫ.

Вотъ и онъ!

ВСѢ МУЖЧИНЫ.

Вотъ и она!

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Насъ взаимное участье
Привлекло суда тайкомъ.
Что за радость, что за счастье,
Съ милымъ видѣться дружкомъ!

ЖОРЖЕТА.

А! здравствуй Жако! Ты мнѣ сказалъ, что ты ничего не ѣлъ, и я принесла тебѣ позавтракать.

ЖАКО.

Благодарствуй, моя умница!

ТЕРЕЗА.

Какъ я рада, что ты воротился, попугай.

ФЛОРВИЛЬ.

И съ тѣмъ, чтобъ навсегда остаться съ тобою!

ЖЕРКУРЪ, (*г-жѣ Мервиль*).

Рѣшите же наконецъ, когда быть нашей сватьбѣ?

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Но посудите, Жеркуръ, у меня есть дочь.

ФЛОРВИЛЬ.

Она безподобна!

ЖОРЖЕТА.

Вотъ тебѣ, Жако, еще булочка.

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Она такъ невинна, что по сіе время не знаетъ еще, есть ли въ свѣтѣ мужчины.

ЖЕРКУРЪ.

Какое дурачество!

ТЕРЕЗА.

Какъ мнѣ весело, попугай, что ты все на меня поглядываешь!

ЖОРЖЕТА.

Я лучше тебя, попугай, право не видала ни какой птички!

ЖЕРКУРЪ.

Но мы здѣсь не одни, я слышу, что кто-то разговариваетъ.

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

О! это дочь моя и Жоржета! Онѣ такъ любятъ птичекъ, что часто даже разговариваютъ съ ними; я къ этому старалась съ ребячества ихъ пріохотить.

ЖЕРКУРЪ.

Я, право, очень любопытенъ полюбоваться ими. Ба! ба! Что я вижу! Это повѣса мой племянникъ!

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Вашъ племянникъ?

ЖЕРКУРЪ.

Такъ вотъ птички, съ которыми онѣ разговариваютъ? (*хохочетъ*). А вотъ и Жоржета съ плутомъ Жако.

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

И ты осмѣлилась, сударыня!...

ТЕРЕЗА.

Ахъ, Боже мой! Да что-жъ тутъ худаго, маминька?

ФЛОРВИЛЬ, (*соскакивая съ дерева*).

Ради Бога, дядюшка, не разлучайте насъ!

ЖЕРКУРЪ.

Это зависитъ не отъ меня; вы, сударыня, должны рѣшить это.

ТЕРЕЗА.

Ахъ, маминька! пожалуйста не пугайте его.

ЖОРЖЕТА.

Ради Бога, сударыня! Жако мнѣ говоритъ, что я нарочно для него сдѣлапа.

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Не бойтесь, мои милыя! Я не только не разлучу васъ съ тѣми, которыхъ вы любите, но еще больше сближу васъ съ ними вашимъ замужествомъ.

ТЕРЕЗА.

А что значитъ замужество, маминька?

ЖЕРКУРЪ.

Это клѣтка, изъ которой не вылетаютъ.

ТЕРЕЗА.

Тѣмъ лучше! Мы себѣ сдѣлаемъ самую большую и крѣпкую клѣтку.

ЖЕРКУРЪ, (*г-жѣ Мервиль*).

Наконецъ, неужли я одинъ останусь безъ успѣха?

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Напротивъ, я какъ мать, должна показать имъ примѣръ собою. (*Она даетъ Жеркуру руку, который цѣлуетъ ее и становится на колѣна; дѣвушки этимъ любуются и заставляютъ своихъ жениховъ дѣлать тоже*).

—

XVII.

ТѢЖЕ, Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Г-ЖА КУРМОНДЪ, (*за сценой*).

Боже мой! Это ужасно! убійственно!

МУЖЧИНЫ.

Ну, бѣда! Кука намъ спрятаться?

ЖЕНЩИНЫ.

Останьтесь! останьтесь!

(*Жеркуръ уходитъ въ бесѣдку, а дѣвушки становятся впереди своихъ попугаевъ, такъ-что г-жа Курмондъ, входя, не видитъ ни одного мужчины*).

Г-ЖА КУРМОНДЪ, (*вбѣгая*).

Заставить меня столько дожидаться по пустому! О! вы еще не знаете, что со мною случилось!

ТЕРЕЗА И ЖОРЖЕТА.

Не кричите, не кричите!

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Что это значитъ?

ТЕРЕЗА И ЖОРЖЕТА.

Вы ихъ испугаете.

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Кого бы это?

ЖОРЖЕТА.

Они улетятъ!

ТЕРЕЗА.

Мы ихъ поймали!

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Кого поймали? Боже мой! разстолкуйте скорѣе!

ТЕРЕЗА И ЖОРЖЕТА.

Попугаевъ, попугаевъ! Вотъ они, посмотрите.

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Что я вижу! Все погибло! И ты, сударыня?... и ты равнодушно позволяешъ своей дочери ловить такихъ попугаевъ?

Г-ЖА МЕРВИЛЬ.

Что-жъ дѣлать, тетушка! Я не могла не позволить имъ этого.

ТЕРЕЗА.

За тѣмъ, бабушка, что у маминьки есть свой попугай.

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Возможно ли!

ТЕРЕЗА.

Немножко постарше нашихъ, а все-таки не дуренъ. Да покажите же поскорѣе бабушкѣ вашего попугая.

Г-ЖА КУРМОНДЪ, (*увидя входящаго Жеркура*).

Кого я вижу?

ЖЕРКУРЪ.

Точно такъ, я попугай, Жеркуръ, который имѣетъ честь свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Боже мой! Гдѣ я? Мужчина! одинъ, два, три!

ТЕРЕЗА.

Ужъ не хотите ли вы, бабушка, четвертаго?

Если вамъ завидно, мы пожалуй поймаемъ и для васъ попугая.

ФЛОРВИЛЬ.

О! ихъ здѣсь явится множество. Я на сватьбу приглашу весь полкъ нашъ.

ТЕРЕЗА, (*прыгая*).

Боже мой! Цѣлый полкъ попугаевъ!

ФЛОРВИЛЬ.

Васъ обманываютъ, милая Тереза! Мы такіе же люди, но вы женщины, а мы мужчины.

ТЕРЕЗА (*Флорвилю*).

Такъ ты не попугай, а мужчина?

ЖОРЖЕТА.

А, ты Жако? ты тоже мужчина?

ЖАКО.

Такъ какъ и всѣ, къ вашимъ услугамъ.

ЖЕРКУРЪ, (*г-жѣ Курмондъ.*)

И такъ, сударыня, вы видите, что мы со всѣхъ сторонъ на васъ вооружились, и наша побѣда!

Г-ЖА КУРМОНДЪ.

Вы думаете взбѣсить меня, но напротивъ. Если все испорчено и мужчины имъ такъ нравятся, пусть себѣ выходятъ за-мужъ, и будутъ счастливы съ своими попугаями....

Я теперь согласна съ вами:
Какъ дѣвицъ не увѣряй,
Но узнаютъ вѣрно сами,
Что за птица попугай.

ФЛОРВИЛЬ.

Вашихъ правилъ, слишкомъ строгихъ,
Неудаченъ былъ успѣхъ,

И изъ птичекъ здѣсь для многихъ
Попугай милѣе всѣхъ.

ЖОРЖЕТА.

Ахъ! съ моимъ здѣсь попугаемъ
Жизнь второй мнѣ будетъ рай,
И теперь мы сами знаемъ,
Что за птичка попугай

ТЕРЕЗА.

Мы не все еще узнали:
Напримѣръ, какъ отгадать,
Хорошо ли мы съиграли,
И чего намъ ожидать?

АКТЕРЫ МЕЖДУ СОБОЮ.

ВОДЕВИЛЬ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

—

Троепольскій.
Г-жа Троепольская.
Поповъ. } Актеры.
Шумскій. }

АКТЕРЫ МЕЖДУ СОБОЮ.

I.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ, (*одинъ выходитъ изъ дому съ письмомъ въ рукахъ.*)

Ну вотъ! только что собрался на охоту, такъ и отвѣтъ. Посмотримъ, что-то пишутъ мои пріятели! Я звалъ ихъ на имянины моей жены, а волокита Поповъ и повѣса Шумскій любятъ повеселиться. (*Читаетъ.*) «Мы получили твою записку, и радуемся, не столько твоему возвращенію въ Петербургъ, какъ имянинамъ почтенной твоей супруги, съ которою мы надѣемся сего-дня познакомиться. Пословица говоритъ: нѣтъ худа безъ добра, и точно правда! Если бы ты не сдѣлалъ глупости жениться, такъ намъ бы не удалось на твой счетъ попраздновать. Мы слышали, что тебя соблазнило приданое: это не дурно! Если же она, по твоему, не взяла умомъ, такъ и это не бѣда: ровная пара.» Несносные насмѣшники! Но этому я самъ виноватъ; я слишкомъ скроменъ на счетъ моихъ достоинствъ.

Поповъ и Шумскій мнѣ друзья,
А больше всѣхъ надоѣдаютъ!
И участь такова моя,
Что всѣ меня пересмѣхаютъ.
Но это не моя вина.
Понять я не могу, что значитъ:
И даже.... кто-жъ? моя жена
И та всегда меня дурачитъ.

Посмотримъ, что далѣе? (*читаетъ.*) «Ты говоришь, что жена твоя имѣетъ страсть и большія способности къ театру. Не ты бы это говорилъ, и не мы бы слушали; но мы скоро сами увидимъ это чудо, и если оно не такъ худо, такъ мы ею пожалуй позаймемся; не прогнѣвайся, мы вѣдь не боги, чтобъ одушевить твою Галатею. Прощай, до свиданія! твои на сегоднишній день гости: Поповъ и Шумскій со свитою!» Хороши пріятели! Но они узнаютъ Троепольскаго! Однако этого письма я ни за что не покажу женѣ моей, а то она навѣрно разсердится, и тогда праздникъ не въ праздникъ. Такъ точно, этого требуетъ благоразуміе!

—

II.

Троепольскій, г-жа Троепольская.

г-жа Троепольская.

Ты еще не ушелъ! Что это у тебя за письмо?

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Это не письмо.... а такъ.... ничего не значитъ.... (*в сторону*.) Какъ жаль, что не успѣлъ его спрятать!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Да что-жъ вы мнѣ его не отдаете?

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Мой другъ.... Но если это мои секреты....

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Тѣмъ лучше; я, какъ жена, должна ихъ знать.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Но посуди, мой другъ....

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Я васъ прошу, сударь.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Ну что у тебя за охота....

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Такъ я вамъ приказываю.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Шалунья! она мнѣ приказываетъ... Ну такъ возьми же, но съ тѣмъ, чтобы не сердиться. (*Она читаетъ*.)

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Я мужъ предобрый, признаюсь,
И съ нею обхожусь примѣрно.
Жена велитъ—я соглашусь,
И все исполнено навѣрно.
Ей хочется актрисой быть:
И я охотно позволяю,
А за талантъ ее любить
Я никому не помѣшаю.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Прекрасно! Вотъ твои друзья! И ты имъ позволяешь писать обо мнѣ такія вещи?

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Видишь ли, что ты наказана за твое любопытство? Но пожалуйста не сердись, это пустая шутка. Поповъ былъ всегдашній насмѣшникъ, а съ тѣхъ поръ, какъ воротился изъ Парижа и играетъ на театрѣ роли повѣсъ и волокитъ, такъ сдѣлался еще хуже.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Мнѣ до этого нѣтъ никакой нужды; но терпѣть такія дерзости я ни отъ кого не намѣрена, и должно отмстить за это.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Помилуй, мой другъ! Что ты затѣваешь? ужъ не дуэль ли?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

О, нѣтъ, ты не рожденъ для шпаги; я сама найду средство съ ними раздѣлаться.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Перестань, ради Бога! Если ты ихъ разсердишь, то они такъ тебя разкритикуютъ, что ужъ тогда никакъ не попадешь на театръ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Мнѣ не нужна ихъ протекція.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Однако-жъ, мой другъ, я тебѣ служу примѣромъ. Со всѣми моими способностями....

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Ахъ! оставь свои способности!

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Но дѣло въ томъ, что я по ихъ интригамъ самъ не попалъ въ трагическіе актеры.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Прекрасное сравненіе!

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Ну, полно же сердиться; повѣрь, стоитъ тебя увидѣть, чтобъ перемѣнить ихъ дурное мнѣніе.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

И перемѣнятъ; я тебя увѣряю.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Впрочемъ, если ты потребуешь, то я за честь твою трагически съ ними раздѣлаюсь.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Этого не нужно, у меня готово мщеніе.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

А! а! Какое же, напримѣръ?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Это моя тайна.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Но я могу тебѣ посовѣтовать.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Мнѣ этаго не нужно.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Мой другъ.... вспомни правила благонравія.... мужъ долженъ знать....

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

А жена не хочетъ разсказывать.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Но я требую....

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

А я не хочу, не хочу, и все-таки не хочу.

Какъ жена, я долгъ мой исполняю;
Ты какъ мужъ, успѣлъ свой позабыть.
Никогда тебѣ не досаждаю,
Ты всегда готовъ меня сердить.
И повѣрь, чтобъ мужемъ восхищаться,
Чтобъ всегда его намъ обожать,
Долженъ мужъ женѣ повиноваться,
А жена должна повелѣвать.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Ну полно же, мой другъ, я пошутилъ, — и какъ я могу требовать....

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Наконецъ, ты образумился.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Выдумывай все, что тебѣ угодно, а я повидаюсь съ нашею пріѣзжею роднею.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Только прошу скорѣе воротиться.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Непремѣнно, мой другъ, прощай. — Да, кстати, не равно кто нибудь изъ гостей завернетъ къ намъ съ позаранку, такъ ты....

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Такъ я приму ихъ.... а особливо Попова и Шумскаго.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Но ради Бога, прими ихъ получше и оставь...

г-жа троепольская.

О! я конечно ихъ оставлю (*всторону*) въ дуракахъ, если удастся.

троепольскій.

Я увѣренъ въ твоемъ благоразуміи. Прощай же, до свиданія! (*уходитъ.*)

—

III.

г-жа троепольская, (*одна.*)

Они надо мною смѣются! Какая дерзость! Но они раскаются.

И такъ, теперь мой планъ готовъ:
Обоимъ отомщу навѣрно,
И этотъ Шумскій и Поповъ
Со мной расплатятся примѣрно.
Объ нихъ-кричатъ: «вотъ остряки!»
И всякой похвалы имъ слышитъ;
Но ваша дура — въ дураки
Сама здѣсь умниковъ запишетъ.

—

IV.

Г-жа Троепольская, Поповъ (*въ охотничьемъ платьѣ входитъ напѣвая.*)

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Боже мой! кто-то идетъ. Что если бъ это былъ одинъ изъ этихъ насмѣшниковъ? Притворюсь и узнаю.

(*Садится на скамью.*)

ПОПОВЪ, (*всторону*).

А! а! Вотъ встрѣча! Молоденькая и хорошенькая женщина! Не дать бы промаха. (*Подходя.*) Позвольте васъ спросить, сударыня, не здѣсь ли живетъ на дачѣ господинъ Троепольскій?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Троепольскій? Какой Троепольскій? Нѣтъ.... кажется, онъ здѣсь не живетъ.

ПОПОВЪ.

Если не здѣсь, такъ вѣрно гдѣ нибудь недалеко; впрочемъ прошу извинить, что обезпокоилъ васъ вопросомъ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Помилуйте, мнѣ очень пріятно отвѣчать вамъ.

ПОПОВЪ, (*всторону.*)

Какъ хороша! Попробую разговориться.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Вы ищете Троепольскаго, а что онъ за человѣкъ?

ПОПОВЪ.

Онъ человѣкъ.... если вамъ угодно, простой и добрый, старый мой пріятель, и я по приглашенію его иду съ охоты къ нему на праздникъ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Да какъ же вы не знаете, гдѣ онъ живетъ?

ПОПОВЪ.

Не знаю потому, что онъ недавно воротился въ Петербургъ и прямо поселился гдѣ-то здѣсь на дачѣ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Я его не знаю, а не подалеку отсюда живетъ какой-то женатый человѣкъ, и часто проходитъ здѣсь мимо.

ПОПОВЪ.

Ужъ не подъ ручку ли съ своею супругою?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Я этого не замѣтила.

ПОПОВЪ.

А мнѣ бы хотѣлось въ этомъ увѣриться. Скажите мнѣ, не будетъ ли онъ похожъ на мое описаніе:

Оригиналъ и среднихъ лѣтъ,
Съ женой своей на этикетахъ,
И сходства на его портретъ
Не сыщете ни въ чьихъ портретахъ.
Онъ думаетъ, что страхъ уменъ,
И это въ немъ всего дороже:
Въ жену безъ памяти влюбленъ...

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Какъ это на него похоже!

ПОПОВЪ.

Такъ, бьюсь объ закладъ, что это онъ; но вы простите моему любопытству: скажите мнѣ, какова жена его?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Я право не люблю насмѣхаться.

ПОПОВЪ.

А видно есть надъ чѣмъ?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Она точно показалась мнѣ что-то странной.

ПОПОВЪ.

Какъ странной, не больше? Вы слишкомъ великодушны.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

А если вы слишкомъ насмѣшливы, такъ и я вамъ признаюсь....

ПОПОВЪ.

Ради Бога!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Она точно удивила меня. Что за походка! что за манеры!...

ПОПОВЪ.

Что за любезность!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Что за ловкость!

ПОПОВЪ.

Что за мужъ!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Что за жена.

ПОПОВЪ.

Вѣрно парочка! (*Оба хохочутъ.*)

г-жа троепольская.

Надо признаться, что наше знакомство началось очень весело!

поповъ.

А чтобъ больше повеселить васъ, я опишу портретъ ея, и ручаюся за сходство....

Она дурна и неловка,
А лѣтъ... считать ихъ въ вашей волѣ;
Отъ тридцати до сорока,
Но я ручаюсь, что не болѣ.
Ей хочется перемѣнить
Свой выговоръ иногородной,
И нашу труппу подарить
Такой актрисой превосходной?

г-жа троепольская.

Вы мастеръ описывать.

поповъ.

Этого мало; вообразите, что наша ярославская богиня съ такой привлекательной наружностію хочетъ, на перекоръ природы, быть актрисою, а нѣжный супругъ приглашаетъ насъ полюбоваться ея талантомъ.

г-жа троепольская.

А вы любитель театра?

поповъ.

Болѣе, я самъ актеръ.

г-жа троепольская.

Боже мой! Я васъ не узнала! Вы господинъ Шумскій?

ПОПОВЪ.

Не Шумскій, а Поповъ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Ахъ, Боже мой! какъ я ошиблась!

ПОПОВЪ.

Представьте же, что я въ этомъ нарядѣ, а товарищъ мой Шумскій въ лакейской ливреѣ, явимся къ мужу, и, съ согласія его, съ новой нашей актрисой сыграемъ комедію или, между нами сказать, просто ее одурачимъ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ, (*всторону*.)

Мы увидимъ. (*вслухъ*.) О! я думаю, что это будетъ презабавно, и мудрено ли вамъ? Я такъ часто любовалась прелестною вашею игрою....

ПОПОВЪ.

Я васъ благодарю за снисхожденіе.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Вы такъ на сценѣ ловки, пріятны....

ПОПОВЪ.

Помилуйте! (*всторону*.) Какъ она мила! Узнаю, кто она такая. (*Ей*). Благодарю случай, который меня знакомитъ съ вами; вы мнѣ конечно позволите узнать ваше имя?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Я, къ-несчастію, вдова, и съ моими родными живу здѣсь на дачѣ очень уединенно. Не любопытствуйте болѣе, это моя тайна.

ПОПОВЪ.

Я не смѣю требовать большей довѣренности.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Но оставимте это, и поговоримте о театрѣ, до

котораго я большая охотница. Скажите, я думаю, очень мудрено быть хорошей актрисой?

ПОПОВЪ.

Актрисѣ даръ и красота
Къ успѣху вѣрное есть средство.
Агнесѣ нада простота,
А Селименѣ даръ кокетства.
Нельзя, какъ будь ни хороша,
Безъ голоса быть примадоной,
И нужны чувства и душа,
Чтобъ быть отчаянной Дидоной!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

О! это конечно очень трудно; но всякая по своимъ способностямъ можетъ для себя выбирать роли?

ПОПОВЪ.

Вы этимъ шутите; но выбирать очень трудно, когда не изъ чего.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Помилуйте, но у насъ такъ много сочинителей.

ПОПОВЪ.

И такъ мало сочиненій.

Мнѣ признаются автора,
Что отбиваютъ имъ охоту,
И публикѣ давно пора
Платить имъ лучше за работу.
Да и желанье ихъ пустякъ,
Хотя оно смѣшно конечно:
Чтобъ имъ не шикали никакъ,
Но аплодировали вѣчно!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Вотъ забавное требованіе; но это не мѣшаетъ нашимъ выгодамъ?

ПОПОВЪ.

Напротивъ, очень мѣшаетъ, особливо если нѣтъ новой пьесы къ своему бенефису.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

А что такое бенефисъ?

ПОПОВЪ.

Что бенефисъ? Я очень радъ,
Его увидя назначенье.
Хорошимъ онъ актерамъ кладъ —
Дурнымъ, такъ хуже раззоренья.
Но я ручаюсь навсегда,
Что вамъ подобная актриса
Не можетъ вѣрно никогда
Дурнаго сдѣлать бенефиса.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Благодарю за учтивость! Но я такъ занялась вами... я хотѣла сказать: съ вами, а меня ждутъ.

ПОПОВЪ.

Мысль, что я, можетъ быть, въ послѣдній разъ васъ вижу...

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Почему жъ? Я очень рада съ вами познакомиться.

ПОПОВЪ.

Вы, по крайней мѣрѣ, вѣрно здѣсь часто прогуливаетесь.

г-жа троепольская.

Очень часто, и черезъ часъ обыкновенное мое гулянье.

поповъ, (*в сторону*).

Черезъ часъ, понимаю.

г-жа троепольская.

И такъ прощайте!

поповъ.

Я разстаюсь въ пріятной надеждѣ скоро съ вами увидѣться. (*Троепольская уходитъ*).

—

V.

поповъ, (*одинъ*).

Я въ восхищеніи! Прелестная женщина! Надо непремѣнно узнать, кто она такая. — Кто знаетъ, чѣмъ это все кончится? Судя по пріему... я надѣюсь... но лучше не загадывать.

—

VI.

поповъ, шумскій.

шумскій.

А! сіятельнѣйшій графъ! Вотъ и я на лицо къ вашимъ услугамъ. (*треплетъ его по плечу*). Но не забудь, однако-жъ, что это мы не на сценѣ, и такъ здорово.

ПОПОВЪ.

Какимъ франтомъ!

ШУМСКІЙ.

Да, въ лучшей театральной ливреѣ.

ПОПОВЪ.

Хоть сей-часъ за карету.

ШУМСКІЙ.

Скажи лучше, изъ кареты, потому что я сей-часъ въ ней пріѣхалъ и отправилъ ее за товарищами для нашего праздника.

ПОПОВЪ.

А, вотъ это дѣло.

ШУМСКІЙ.

А ты отыскалъ ли Троепольскаго?

ПОПОВЪ.

Да, онъ здѣсь живетъ неподалеку.

ШУМСКІЙ.

А каково поохотился?

ПОПОВЪ.

Не дурно.

ШУМСКІЙ, (*взявши его за пустой экташъ*).

Великодушный охотникъ!

На стойкѣ иногда иной,
Ночь на пролетъ не засыпаетъ,
А ходитъ вѣкъ съ пустой сумой,
Хоть птица подъ носомъ летаетъ!
А не признается никакъ!
Всегда улыбка, да ужимка!
Онъ не беретъ съ собой собакъ,
Съ нимъ пудель — только невидимка!

ПОПОВЪ.

Оставь эти вздоры, а порадуйся и пособи пріятелю.

ШУМСКІЙ.

Да что такое!

ПОПОВЪ.

Шумскій! Милый Шумскій, новая интрига!

ШУМСКІЙ.

Интрига! только не черезъ письма; мнѣ эта комедія и такъ надоѣла.

ПОПОВЪ.

Какія письма! Свиданія, объясненія — ты все узнаешь и дѣло сдѣлано.

ШУМСКІЙ.

Такъ мнѣ и дѣлать нечего.

ПОПОВЪ.

Напротивъ; главное — надобно узнать имя неизвѣстной красавицы.

ШУМСКІЙ.

Неизвѣстной? А гдѣ она живетъ?

ПОПОВЪ.

Вотъ въ этомъ домѣ.

ШУМСКІЙ.

Въ этомъ домѣ? Бездѣлка!

ПОПОВЪ.

Далѣе.

ШУМСКІЙ.

Не нужно, и безъ того близко.

ПОПОВЪ.

И такъ, я надѣюсь...

ШУМСКІЙ.

Что сказано, то сдѣлано! Смотри, однако-жъ, чтобъ намъ не прогулять обѣда.

ПОПОВЪ.

О, нѣтъ! Троепольскій, какъ я слышалъ, живетъ здѣсь близко; я пойду отыскивать его и ворочусь за тобою, а ты, между тѣмъ, исполнишь мое порученіе.

ШУМСКІЙ.

Да разскажи мнѣ, какъ это все сдѣлалось?

ПОПОВЪ.

Ты все послѣ узнаешь, теперь не время, насъ могутъ застать. — Прощай! (*всторону*). Она черезъ часъ сюда выйдетъ; надобно скорѣй воротиться и спровадить Шумскаго. (*уходитъ*).

—

VII.

ШУМСКІЙ, (*одинъ*).

Ну, Шумскій, выходи на сцену! Я правда не слишкомъ твердъ въ моей ролѣ, но съ кѣмъ изъ нашей братьи этого не случалось? Привычка мнѣ поможетъ, а смѣлость будетъ моимъ суфлеромъ. (*стучитъ въ двери*). Гей! кто нибудь!

—

VIII.

ШУМСКІЙ, Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ, (*въ домѣ*).

Кого вамъ надобно?

ШУМСКІЙ.

Женскій голосъ! Тѣмъ лучше, навѣрно все выболтаетъ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ, (*выходя*).

Не вы ли къ намъ стучались?

ШУМСКІЙ.

Точно такъ, это я, сударыня.... моя красавица. (*всторону*). Поповъ правъ! Судя по горничной— какова должна быть барыня! (*Ей*). И такъ, моя прелесть, какъ слуга и служанка, безъ церемоніи начнемъ поцѣлуемъ. (*Хочетъ обнять ее — она даетъ ему пощечину*).

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Начнемъ пощечиной!

ШУМСКІЙ.

Ай! ай! (*всторону*). Тьфу къ чорту! Я и забылъ, что это не на театрѣ. (*вслухъ*). Признаюсь, что пріемъ вашъ доказалъ мнѣ довольно...

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Что больно?

ШУМСКІЙ.

Оставимъ эти шутки, я виноватъ, и кончено; теперь приступимъ къ дѣлу....

Конечно госпожа твоя
Живетъ здѣсь съ кѣмъ нибудь на дачѣ?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Такъ точно, барыня моя
Живетъ здѣсь не одна на дачѣ.

ШУМСКІЙ.

А какъ ее изволятъ звать?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Тебѣ не нужно это знать.

ШУМСКІЙ.

Но это горничныхъ уловка!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Меня не скоро проведутъ.

ШУМСКІЙ, (*сторону*).

Да эта дѣвушка плутовка!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ, (*сторону*).

Да этотъ Шумскій страшный плутъ!

ШУМСКІЙ.

Ты напрасно со мною секретничаешь; распросы мои не ведутъ ни къ чему дурному.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Такъ стало къ хорошему?

ШУМСКІЙ.

Разумѣется. Что-жъ тутъ дурнаго, что слуга какого нибудь знатнаго господина, отыскивая пріѣзжаго знакомца, постучалъ къ вамъ въ двери и встрѣтился съ прекрасною горничною?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

А кто твой господинъ?

ШУМСКІЙ.

А кто твоя барыня?

г-жа троепольская.

Княгиня Шумская.

шумскій.

Княгиня Шумская! Неужели въ самомъ дѣлѣ? Это очень странно! Я съ роду не слыхивалъ этой княжеской фамиліи. (*всторону*). Ай да Поповъ! Смотри пожалуй, куда изволилъ заѣхать!

г-жа троепольская, (*всторону*).

Ихъ не трудно дурачить. (*вслухъ*). У барыни моей пять однофамильцевъ, и я кромѣ ее ни о какихъ Шумскихъ не слыхивала.

поповъ.

А мнѣ такъ помнится, что есть....

г-жа троепольская.

Да, можетъ быть, какая нибудь мелочь, которую никто не знаетъ.

шумскій.

Напротивъ — я вспомнилъ.... точно такъ — что на Петербургскомъ театрѣ есть актеръ Шумскій, который, какъ увѣряютъ, въ совершенствѣ представляетъ лакеевъ.

г-жа троепольская.

Лакеевъ? какая жалость! (*всторону*.) Онъ взбѣсится!

шумскій, (*всторону*).

Прошу покорно, какъ насъ отдѣлываютъ — и кто же? Какая нибудь горничная сіятельной моей родственницы! (*вслухъ*.) Ты ошибаешься, и представить нашего брата плута....

г-жа троепольская.

Плута?

ШУМСКІЙ.

Виноватъ! Я хотѣлъ сказать: представить честнаго человѣка не такъ-то легко, какъ ты думаешь!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Стоитъ у тебя поучиться.

ШУМСКІЙ.

У меня? плутовка!—Но ты обижаешь этимъ актеровъ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Я не люблю ихъ.

ШУМСКІЙ.

Напрасно....

Твой слишкомъ рѣзокъ приговоръ
И такъ не судятъ дарованья.
Я слышалъ, истинный актеръ
Достоинъ общаго вниманья.
Тотъ не артистъ, въ комъ нѣтъ ума;
Въ комъ нѣтъ таланта, вкуса, чувства,
И публика у насъ сама
Есть покровитель ихъ искусства!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Хоть не кстати, но ты славно за нихъ заступаешься, и ты не такъ глупъ, какъ я думала.

ШУМСКІЙ.

А ты такъ умна, какъ я не ожидалъ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

И не ошибся. (*всторону*.) Это ваша деревенская дура.

ШУМСКІЙ.

А собой красавица!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Безъ шутокъ?

ШУМСКІЙ.

Какія шутки! *(всторону.)* Я право безъ ума отъ этой горничной.—Хоть сей-часъ на театръ!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Да ты собой молодецъ — и я удивляюсь твоей ловкости!

ШУМСКІЙ.

Ты удивляешься моей ловкости? И такъ, я могу надѣяться.... *(подходя къ ней.)*

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Не такъ близко.

ШУМСКІЙ.

Да почему же?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Да потому, что.... ты вѣдь помнишь?...

ШУМСКІЙ, *(отступая.)*

А! это дѣло другое. — Что за скромница! Клянуся, что ты въ одно свиданіе побѣдила мое молодецкое сердце!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Такъ стало, я тебѣ нравлюсь?

ШУМСКІЙ.

Да такъ, что если ты меня не обракуешь, то хоть сей-часъ по рукамъ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Ты слишкомъ скоръ....

Ахъ! за-мужъ выходить
Не надобно спѣшить,
И я ужъ не рѣшусь,
Покуда не влюблюсь.
И что за обращенье
Всѣхъ нашихъ жениховъ?
Одно намъ утѣшенье
Взаимная любовь!
Мужья шалятъ,
А женъ бранятъ!
И такъ, чтобъ мнѣ рѣшиться
Скорѣе согласиться,
Ты долженъ обѣщать
Меня никакъ не ревновать. —
Ахъ! за-мужъ выходить, и проч.

ШУМСКІЙ.

Чего жъ недостаетъ во мнѣ? (*сторону.*) Попалась!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ, (*всторону.*)

Увидимъ, кто кого обманетъ. (*въ-слухъ.*) И такъ, начнемъ съ того—какъ зовутъ твоего господина?

ШУМСКІЙ.

Разумѣется....

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Но я съ тобой заговорилась и боюсь, чтобъ мнѣ не досталось за это.

ШУМСКІЙ.

И точно; я совѣтую тебѣ пойти и поскорѣе сюда воротиться; а на прощанье позволь поцѣловать хоть ручку—но съ условіемъ....

г-жа троепольская.

Да ну, скорѣй, не бойся.—Но ты все-таки не сказалъ, кто твой баринъ?

шумскій.

Нарочно, чтобъ заставить тебя скорѣй воротиться, а я, между тѣмъ, подумаю.

г-жа троепольская.

Ну, такъ я сей-часъ прибѣгу.

шумскій.

Не забудь же, о ты, краса всѣхъ горничныхъ, что я тебя ожидаю.

«И смертъ и жизнь моя теперь въ твоихъ рукахъ!»

г-жа троепольская.

Прощай!—Какъ это мило!

шумскій.

«И такъ, я жду тебя, души моей свѣтило!

IX.

шумскій, (*одинъ*).

Виватъ Шумскій! — Ожидалъ ли я встрѣтиться съ такою прелестною служаночкою? Однако-жъ эта пощечина, которую она безъ дальнихъ церемоній изволила мнѣ отвѣсить, слишкомъ разрумянила мою щеку!—Боюсь, чтобъ Поповъ не помѣшалъ нашему свиданію! (*Увидя его.*) Ну, такъ и есть! Какъ бы отъ него поскорѣй отдѣлаться.

X.

ШУМСКІЙ, ПОПОВЪ.

ПОПОВЪ, (*всторону.*)

Боюсь, чтобъ не прогулять свиданія. Надо поскорѣй спровадить Шумскаго. (*въ-слухъ*). Ну братъ, Шумскій, быть намъ сего-дня безъ обѣда! Представь себѣ, что я нигдѣ не могъ отыскать Троепольскаго.

ШУМСКІЙ.

Вздоръ, братецъ! быть не можетъ. — Поди теперь вотъ въ эту сторону, и ты навѣрно его отыщешь.

ПОПОВЪ.

Слуга покорный! Теперь твоя очередь.

ШУМСКІЙ.

Какая тутъ очередь?—Выбирай любое: если ты не пойдешь, такъ я не успѣю развѣдать о твоей красавицѣ.

ПОПОВЪ.

Хорошъ же ты! По сіе время не успѣлъ этого сдѣлать!

ШУМСКІЙ.

Надѣюсь. — Цѣлой часъ не могъ достучаться, и наконецъ вышелъ какой-то дуракъ слуга, отъ котораго не могъ добиться толку.

ПОПОВЪ.

Если такъ, то вотъ что мы сдѣлаемъ: ты пойдешь отыскивать Троепольскаго, а я, ужъ такъ и

быть, останусь здѣсь, и какъ нибудь самъ объ этомъ развѣдаю.

шумскій.

Помилуй, братецъ! Я съ удовольствіемъ похлопочу за тебя.

поповъ.

Мнѣ право совѣстно тебя безпокоить.

шумскій.

И, полно, что за церемоніи! Я началъ, такъ я и окончу, а ты, между тѣмъ, прогуляешся: это очень здорово.

поповъ.

А самъ лѣнишься? Какая прекрасная погода!

шумскій.

Очень хороша! Но я въ этомъ костюмѣ боюсь съ кѣмъ нибудь встрѣтиться.

поповъ, (*всторону.*)

Его никакъ не выживешь!

шумскій, (*всторону.*)

Онъ все-таки не уходитъ.

поповъ.

Смотри, Шумскій, не пѣняй на меня, если мы прогуляемъ обѣдъ.

шумскій.

Да мнѣ что-то и ѣсть не хочется. — (*всторону.*) А ужъ какъ бы пообѣдалъ!

поповъ, (*всторону.*)

Надобно будетъ ему признаться.

шумскій, (*всторону.*)

Онъ никакъ не уйдетъ; скажу лучше, чего добиваюсь. (*въ-слухъ.*) Послушай, Поповъ, нечего секрет-

ничать; — хлопотавши за тебя, я познакомился съ одною прекрасною служаночкою, и ее сюда ожидаю; если ты сей-часъ не уйдешь, то ей Богу мнѣ помѣшаешь.

ПОПОВЪ.

Съ служанкой? фи! какъ тебѣ не стыдно!

ШУМСКІЙ.

Вотъ это мнѣ нравится! Да она такъ хороша, что я съ роду эдакой не видалъ!

ПОПОВЪ.

Какой вздоръ! Я никакъ не допущу тебя до этихъ шалостей.

ШУМСКІЙ.

Прошу покорно!

ПОПОВЪ, (*всторону*).

Пущусь на хитрость. (*въ-слухъ*) Ну что тебѣ за радость? Того и смотри, что выйдетъ какая нибудь исторія. — Пойдемъ вмѣстѣ. (*всторону*) Я его тамъ оставлю, а самъ тотчасъ ворочусь.

ШУМСКІЙ, (*всторону*).

Славно! Я упрошу Троепольскаго не отпускать его, а самъ тотчасъ къ моей красавицѣ.

ПОПОВЪ.

Пойдемъ же.

ШУМСКІЙ.

Пойдемъ. — И въ самомъ дѣлѣ, глупо такъ дурачиться.

ПОПОВЪ.

И съ какой стати!

ШУМСКІЙ.

Ужъ разумѣется! Пойдемъ же. (*Берутъ другъ*

друга подъ руки и хотятъ идти; но вдругъ, услыта пѣніе въ домѣ, останавливаются.)

г-жа троепольская, (*въ домѣ.*)

Я жду тебя и не дождусь!
Что не летишь ты на свиданье?
Мой милый другъ! я признаюсь,
Какъ грустно это ожиданье.
Когда тобой любима я....
Спѣши! спѣши! я жду тебя!

шумскій.

Что это значить?

поповъ.

Ничего, ничего. Да отвяжись отъ меня, ради Бога!

шумскій.

Нѣтъ! вѣдь мы согласились идти вмѣстѣ.

поповъ, (*вырываясь.*)

Помилуй! У меня назначено здѣсь свиданіе — и это вѣрно сигналъ.

шумскій.

Любовное свиданіе! А, а! господинъ нравоучитель! Стыдись, сударь! Я не допущу тебя до такихъ шалостей.

поповъ.

Да убирайся къ чорту! (*Подходитъ къ окну и поетъ.*)

Тебѣ ли думать, чтобъ я могъ
Забыть съ любезною свиданье!
Тобой дыша, мой первый долгъ
Предупреждать твои желанья!

Когда тобой любимъ и я,
Приди, приди, я жду тебя!

Она, я думаю, выйдетъ. — Шумскій! ради Бога спрячься на минуту.

ШУМСКІЙ.

Хорошо! хорошо! — (*Слышенъ риторнель русской пѣсни.*) А! а! это по моей части. (*Отводя Попова.*) По мѣстамъ — теперь моя очередь.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ, (*въ домѣ.*)

Ахъ! что сердце пріуныло?
Что душа моя груститъ?
Ай люли, ай люли!
Что душа моя груститъ?
Или я тебѣ не нравлюсь,
Или ты меня забылъ?
Ай люли, ай люли!
Или ты меня забылъ?
Нѣтъ, я этому не вѣрю:
Ты всегда меня любилъ!
Ай люли, ай люли!
Ты всегда меня любилъ!

ШУМСКІЙ.

Она не выходитъ! Постой же, я и самъ пропою не хуже другаго. — Дай Богъ память!

Жду красотку я мою,
И ей пѣсенку пою!
Ай душа моя, душа,
Приди къ молодцу скорѣй!
Ахъ! дождусь ли полно я,
Здѣсь увидѣть ужъ тебя?

Ай душа моя, душа,
Приди къ молодцу скорѣй!
Твои рѣчи и твой взглядъ
Какъ рублемъ меня дарятъ!
Ай душа моя, душа,
Приди къ молодцу скорѣй!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ (*въ окошко.*)

Мы сей-часъ выйдемъ съ барыней, подождите насъ оба вмѣстѣ.

ШУМСКІЙ.

Поповъ! Поповъ!

ПОПОВЪ.

Ну, что такое?

ШУМСКІЙ.

Намъ велѣно ожидать ихъ вмѣстѣ обоимъ! — Представь себѣ: эта дѣвушка, какъ я догадываюсь, выходитъ служанкою твоей княгини.

ПОПОВЪ.

Какой княгини?

ШУМСКІЙ.

Дуракъ! Вѣдь она княгиня.

ПОПОВЪ.

Неужли княгиня? — Какое счастіе!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Когда я, мой милой, увижусь съ тобою?
Я жду съ нетерпѣньемъ и все не дождусь.
Кагда ты бываешь здѣсь вмѣстѣ со мною,
Тогда я спокойна, тогда веселюсь!

ПОПОВЪ.

Не ты ли со мною здѣсь медлишь свиданье?
Тебя ожидая, давно я томлюсь!

Тебя здѣсь увидѣть — одно мнѣ желанье;
Я жду моей милой, и все не дождусь!

ШУМСКІЙ.

Моей горничной прекрасной
Не могу дождаться я!
Кто влюбленъ, такъ тотъ напрасно
Не заставитъ ждать себя!

Что они все поютъ, лучше бы имъ выдти.

ПОПОВЪ.

Подождемъ, дѣлать нечего.

ШУМСКІЙ.

Ну, Поповъ! Каковы мы съ тобою?

ПОПОВЪ.

Ужъ не говори! Я самъ не вѣрю своему счастію. Да какъ бы ихъ поскорѣе вызвать?

ШУМСКІЙ.

Попробуемъ. (*Оба кашляютъ, чихаютъ и потомъ хлопаютъ въ ладоши.*)

XI.

ТѢЖЕ, ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Ба! первый разъ въ жизни встрѣчаютъ меня съ аплодиссементомъ! Здорово, мои друзья!

ШУМСКІЙ, (*всторону.*)

Вотъ принцесса нелегкая!

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Простите, что я такъ замѣшкался!

ПОПОВЪ.

Помилуй, все равно.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Дайте жъ разцѣловать себя, любезные.

ШУМСКІЙ.

Какъ выросъ!

ПОПОВЪ.

И какъ похорошѣлъ!

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Ну, полноте! пойдемте лучше ко мнѣ, и я тотчасъ познакомлю васъ съ моею женою.

ПОПОВЪ.

Сдѣлай одолженіе. (*Шумскому.*) Что намъ теперь дѣлать?

ШУМСКІЙ, (*тихо Попову.*)

Что съ нимъ церемониться? Скажемъ, да и только.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ

Да ну, мои друзья, пойдемте же скорѣй!

ШУМСКІЙ.

Послушай, Троепольскій, мы здѣсь не даромъ караулимъ. — Ступай домой, а мы тотчасъ къ тебѣ явимся.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Да что это значитъ?

ПОПОВЪ.

А то, что мы ожидаемъ сюда двухъ прекрасненькихъ знакомыхъ.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Ай да наши! Да какъ же вы это такъ скоро спроворили?

ШУМСКІЙ.

Ужъ мы не иначе: разомъ убиваемъ!

ПОПОВЪ.

Онѣ намъ назначили здѣсь свиданіе.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Славно! Вотъ молодцы! (*Попову.*) Кто жъ она такая?

ПОПОВЪ.

Представь себѣ: какая-то княгиня!

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Ахъ ты разбойникъ! (*Шумскому.*) А твоя красавица?

ШУМСКІЙ.

Горничная, но чудо дѣвушка!

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Ахъ ты мошенникъ! Ужъ не для нее ли ты такъ вырядился?

ШУМСКІЙ.

Нѣтъ, братецъ, это просто для твоей жены; не говори ей ни слова, а мы для перваго дебюта сыграемъ съ нею комедію.

ПОПОВЪ.

Да, и сей-часъ же явятся наши актеры въ разныхъ костюмахъ, и мы зададимъ тебѣ славный праздникъ!

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Прекрасно! Вы меня разодолжите!

—

XII.

ТѢЖЕ, Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

ПОПОВЪ, (*всторону.*)

Княгиня!

ШУМСКІЙ.

Какое сходство!

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Какъ кстати! Ну, господа, начинайте свою комедію.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Мнѣ право совѣстно, что я такъ долго заставила дожидать себя.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Прошу безъ церемоніи.

ПОПОВЪ.

Помилуй! въ умѣ ли ты?

ШУМСКІЙ.

Тьфу, чортъ возми! Да что это значитъ?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Да что-жъ вы меня не рекомендуете?

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Конечно... конечно... не бойтесь, не проболтаюсь... это одни... нѣкоторые... словомъ сказать...

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Господа Поповъ и Шумскій!

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Анъ не угадала; да почему жъ ты ихъ знаешь?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Ужъ видно что знаю.

ПОПОВЪ, (*тихо Шумскому*).

Ну, Шумскій!

ШУМСКІЙ.

Начинай первый, а я соберусь съ духомъ.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Да ну, братецъ, разтолкуй мнѣ, что это за комедія?

ПОПОВЪ.

Она кончена.

ШУМСКІЙ.

И такъ, для насъ невыгодно, что я не желаю видѣть второй репрезантаціи.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Помилуйте, что это значитъ?

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Мнѣ хотѣлось отомстить господамъ за ихъ насмѣшки, и кажется, что мы теперь поквитались.

ТРОЕПОЛЬСКІЙ.

Странное дѣло! Ничего не понимаю!

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ, (*Попову*).

Вы на меня не сердитесь?

ПОПОВЪ.

Помилуйте, не вы, а я у васъ долженъ просить прощенія.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ, (*Шумскому*).

А передъ вами я такъ виновата...

ШУМСКІЙ.

Помилуйте, я очень радъ...

г-жа троепольская.

Однако-жъ, мнѣ совѣстно, что я такъ неосторожно...

шумскій.

Сдѣлайте милость, оставимте это между нами.

троепольскій.

Между вами! Но скажите, наконецъ, что все это значитъ?

г-жа троепольская.

Спроси, и узнаешь.

поповъ.

Госпожа Троепольская, на счетъ которой мы съ Шумскимъ такъ ошиблись, безъ тебя намъ мастерски отплатила.

троепольскій.

Ага, насмѣшники, попались! (*женѣ*). Славно! поздравляю тебя!

г-жа троепольская.

Теперь скажите откровенно, каково я сыграла мою ролю?

шумскій и поповъ.

Прекрасно!

г-жа троепольская.

Но если вы и не совсѣмъ довольны, то простите для перваго моего дебюта.

троепольскій.

Я на сцену самъ собою
Не попался на бѣду;
Но теперь, съ такой женою,
Ужъ конечно попаду;
Такъ, не медля ни минуты,
Я возму съ другихъ примѣръ:

И на всѣ свои дебюты
Насажу друзей въ партеръ.

ПОПОВЪ.

Если дурно роль Попова
Я сыгралъ, прошу простить:
Гдѣ искусства взять такова,
Чтобъ талантъ изобразить?
Я скажу лишь въ оправданье,
Подражатель — не примѣръ;
Но надѣюсь, за старанье
Пощадитъ меня партеръ.

ШУМСКІЙ.

Я на этотъ счетъ смѣлѣе,
И скажу, что былъ хорошъ,
Потому что по ливреѣ
Страхъ на Шумскаго похожъ;
И для вѣрности я право
Взялъ старинную въ примѣръ.
О ливрея! если бъ браво
Закричалъ тебѣ партеръ.

Г-ЖА ТРОЕПОЛЬСКАЯ.

Водевильная актриса
Не нуждается въ роляхъ;
Не проходитъ бенефиса,
Чтобъ не быть ей въ хлопотахъ.
Всѣ пустились въ водевили!
А что пользы, напримѣръ:
Если мы не угодили,
И не хлопаетъ партеръ?
Если жъ мы вамъ угодили,
То захлопаетъ партеръ.

СУЖЕНАГО КОНЕМЪ НЕ ОБЪѢДЕШЬ,

ИЛИ

НѢТЪ ХУДА БЕЗЪ ДОРБА,

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

—

Баронъ Дорсанъ.
Лора, дочь его.
Г-жа Валькуръ, сестра барона.
Эрнестъ, гусарскій офицеръ.
Брантъ, гусаръ.
Г. Гримардо, управитель за́мка.
Г-жа Гримардо, жена его.
Роза, дочь садовника.
Служители за́мка.
Крестьяне и крестьянки.

—

СУЖЕНАГО КОНЕМЪ НЕ ОБЪѢДЕШЬ.

Театръ представляетъ комнату готическаго замка, по бокамъ двѣ двери и буфетъ съ рѣшеткою.

I.

Г-ЖА ГРИМАРДО, (*съ письмомъ*).

Г. Гримардо! Г. Гримардо! Куда онъ дѣвался? А по этому письму мнѣ экстренная въ немъ надобность. (*читаетъ*). «Спѣшу увѣдомить тебя, любезная моя управительница, что я сего дня прiѣду въ зáмокъ, гдѣ намѣренъ отпраздновать сватьбу моей дочери, если ей понравится мой племянникъ Белькуръ, за котораго желалъ бы я ее выдать. Сестра моя, взявши изъ монастыря Лору, прiѣдетъ къ вамъ въ зáмокъ, куда не замедлитъ явиться и женихъ. — Если жъ онѣ предупредятъ меня, то прошу дорогую управительницу принять и угостить ихъ какъ можно лучше. — Баронъ Дорсанъ» — Прошу покорно! И такъ, вотъ нынѣшнiя сватьбы. Одно свиданiе, и все кончено. — Г. Белькуръ, котораго я давно знаю, самый скучный и самый вялый молодой человѣкъ, а барышня

наша самая живая и превеселая дѣвушка! Чего жъ тутъ ожидать добраго? Нѣтъ, въ наше время, когда я выходила за-мужъ, эти вещи дѣлались совсѣмъ иначе. Г. Гримардо цѣлыхъ пять лѣтъ волочился за мною не говоря ни слова, и наконецъ, когда дѣло дошло до сватьбы, то онъ насилуй рѣшился сказать мнѣ: «сударыня, какая сегодня прекрасная погода!» И вотъ какъ истинно любятъ въ лѣтахъ благоразумія!

За то я съ мужемъ никогда
Въ большихъ побранкахъ не бывала,
И подлинно сказать, всегда
Ему усердно угождала;
И право бъ надо завести,
Чтобъ выдавать безъ отговорокъ
Дѣвицъ лѣтъ тридцати пяти
За молодыхъ людей—лѣтъ въ сорокъ.

Но онѣ, можетъ быть, скоро прiѣдутъ. Г. Гримардо! г. Гримардо! Ахъ, Боже мой! Надобно хлопотать, топить, стряпать, а я одна и никто не поможетъ. Г. Гримардо! г. Гримардо! (*уходитъ въ боковыя двери*).

—

II.

ЭРНЕСТЪ, БРАНТЪ.

БРАНТЪ.

Понять не могу, гдѣ мы очутились! Но все равно, если можно обогрѣться и пообѣдать.

ЭРНЕСТЪ.

Проклятая дорога и почталіонъ! Опрокинуть и переломать коляску, не доѣхать трехъ миль до Парижа!

БРАНТЪ.

Мнѣ однако-жъ странно, что никто къ намъ не является!

ЭРНЕСТЪ.

А всѣ двери отперты!

БРАНТЪ.

Этотъ зàмокъ своею древностію напоминаетъ мнѣ что-то рыцарское!

ЭРНЕСТЪ.

Неужли же онъ пустой?

БРАНТЪ.

Богъ знаетъ! Я читывалъ въ исторіяхъ, что часто благодѣтельныя волшебницы покровительствовали богатырямъ, и однажды....

ЭРНЕСТЪ.

Оставь свои сказки; впрочемъ, я бы желалъ, чтобъ какая нибудь волшебница накормила теперь голодныхъ рыцарей.

БРАНТЪ.

Я вамъ пророчу, что это сбудется.

ЭРНЕСТЪ.

Очень радъ.

БРАНТЪ.

Это бы по крайней мѣрѣ наградило насъ за пять осадъ, двадцать сраженій, и десять штурмовъ, въ которыхъ мы остались побѣдителями.

ЭРНЕСТЪ.

И за эту рану.

БРАНТЪ.

И за отчаяніе вашихъ парижскихъ красавицъ, которыя считаютъ васъ убитымъ.

ЭРНЕСТЪ.

Да, по реляціямъ, въ которыхъ часто убиваютъ живыхъ и награждаютъ убитыхъ.

БРАНТЪ.

Но вамъ пора, наконецъ, воскреснуть, и предупредить объ этомъ вашихъ пріятелей.

ЭРНЕСТЪ.

Напротивъ, я люблю нечаянности.

Хоть ихъ увѣрили недавно,
Что я убитъ, но наконецъ,
Какъ это будетъ презабавно!
Живой къ нимъ явится мертвецъ.

БРАНТЪ.

Нечаянность при возвращеньи
Бываетъ часто не-въ-попадъ.

ЭРНЕСТЪ.

О! для женатыхъ, безъ сомнѣнья;
Но я по счастью не женатъ.

БРАНТЪ.

И стало, не женитесь?

ЭРНЕСТЪ.

Не ручаюсь; и если одна дѣвушка похожа на то, что мнѣ объ ней пишутъ, то я бы конечно не отказался....

БРАНТЪ.

Присвоишь ее себѣ.... разумѣется?

ЭРНЕСТЪ.

Но ей восемнадцать лѣтъ, и такъ я, можетъ быть, опоздалъ. Впрочемъ, мы утѣшимся, вылечимъ рану и снова полетимъ на поле чести.

БРАНТЪ.

Помилуйте! Безъ руки! И думать о войнѣ!

ЭРНЕСТЪ.

Мнѣ жаль, что мѣткіе стрѣлки
Не лѣвую мнѣ прострѣлили,
А то отъ правой бы руки
Они бы ружья положили.
Побѣда для меня легка,
Всѣ закричали бы: вотъ чудо!
Вотъ наша правая рука....

БРАНТЪ.

Ошиблись! Лѣвая покуда!

ЭРНЕСТЪ.

Чтобы ни было, но мы эдакъ въ самомъ дѣлѣ здѣсь никого не дождемся.

БРАНТЪ.

Чего добраго! И умремъ еще съ голоду.

ЭРНЕСТЪ.

По милости твоей благодѣтельной волшебницы. Но я, между тѣмъ, отдохну въ этихъ дѣдовскихъ креслахъ, а ты отыщи кого нибудь и поторопи починить коляску.

БРАНТЪ.

Но ее такъ переломали, что не скоро починятъ.

Я предчуствую, что намъ придется ночевать въ этомъ зàмкѣ.

ЭРНЕСТЪ.

Все лучше, чѣмъ на бивакахъ. Ступай и хлопочи, я нетерпѣливо желаю поскорѣе добраться до Парижа.

БРАНТЪ.

А я до чего нибудь съѣстнаго. Боже сохрани, если мы попались въ необитаемый зàмокъ! (*уходитъ.*)

III.

ЭРНЕСТЪ, (*одинъ.*)

И такъ, я скоро буду въ Парижѣ! И тамъ-то, въ кругу друзей, каждая минута посвящена будетъ новымъ удовольствіямъ....

Я напередъ воображаю,
Какую буду жизнь вести!
Вездѣ пріятелей встрѣчаю,
Мнѣ не даютъ почти пройти;
Я всѣмъ пою побѣды наши,
Кругомъ съ шампанскимъ носятъ чаши!
Зовутъ ко всѣмъ: сюда на балъ,
Туда на завтракъ, на гулянье,
Ну такъ, что я отъ пированья
Заранѣе почти усталъ!
Въ театры стану ѣздить поздно,
Чтобъ показаться и взглянуть,
И чтобъ за оперой серьёзной
Мнѣ пресерьёзно не заснуть.
(*Въ концѣ аріи засыпаетъ.*)

IV.

ЭРНЕСТЪ (*спящій*), **Г-ЖА ГРИМАРДО.**

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Теперь все устроено, и я спокойна; ужинъ будетъ славный! Г. Гримардо приготовляетъ встрѣчу и сюрпризы, а мнѣ остается убрать эти комнаты. (*увидя Эрнеста.*) Боже мой! Что я вижу?

ЭРНЕСТЪ, (*вскакивая.*)

Кто здѣсь?

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Человѣкъ незнакомый и вооруженный.

ЭРНЕСТЪ, (*увидя ее.*)

Ба! ужъ не эта ли наша благодѣтельная волшебница?

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Эй! люди! люди!

ЭРНЕСТЪ.

Помилуйте! что за крикъ! и чего вы перепугались?

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Ничего, милостивый государь, ничего....

ЭРНЕСТЪ.

Да за кого-жъ вы меня принимаете?

Г-ЖА ГРИМАРДО,

Признаюсь.... что человѣкъ, который такъ скрытно подкрался....

ЭРНЕСТЪ.

Ничего не бывало, я не подкрался, а прямо вошелъ.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

А какимъ бы это образомъ?

ЭРНЕСТЪ.

Да самымъ простымъ, когда двери отперты.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Но зачѣмъ, сударь? Вотъ въ чемъ дѣло!

ЭРНЕСТЪ.

За тѣмъ, чтобъ уснуть, какъ вы видѣли.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Но кто вы таковы, чтобъ осмѣлиться.....

ЭРНЕСТЪ.

Но вы сами, чтобъ осмѣлиться такъ говорить со мною,—что вы? хозяйка что ли этого зàмка?

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Нѣтъ, сударь; но я тридцать лѣтъ имъ управляю, въ отсутствіи барона представляю главное лицо.

ЭРНЕСТЪ.

И представляете его съ такою ласкою, любезностію!...

Г-ЖА ГРИМАРДО, (*со досадою.*)

Тутъ дѣло не о томъ. Я васъ рѣшительно спрашиваю: кто вы, откуда, и кого вамъ надобно?

ЭРНЕСТЪ.

Кто я таковъ?—офицеръ. Откуда?—изъ арміи. Кого мнѣ надобно?—Не васъ,—можете быть спокойны.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

И такъ, господинъ какой-то офицеръ, если вы не имѣете во мнѣ надобности, то извольте сей-

часъ выдти добровольно, а не то я принужу васъ силою.

ЭРНЕСТЪ.

Силою? О! такъ повѣрь же, прелестная моя старушка, что ты насильно ничего со мною не сдѣлаешь.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Мы это увидимъ! Г. Гримардо! г. Гримардо!

ЭРНЕСТЪ.

Что это за Гримардо? вѣрно такой же старый сумасшедшій, какъ ты?

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Какъ я? Гримардо! Старый сумасшедшій! Нѣтъ, я этого не вытерплю.

Я хочу, я велю, чтобы вышли вы отсюда.
А не то, а не то, извольте это знать:
Я клянусь, что вамъ здѣсь придется очень худо,
И меня, и меня вамъ ничѣмъ не испугать.

ЭРНЕСТЪ.

Что за взглядъ! Что за нравъ и ласковой и милой!
Я готовъ, — готовъ тебя разцѣловать.
Но меня никакой не выпроводишь силой,
И я радъ, и я радъ вѣкъ съ вами вѣковать.

—

V.

ТѢЖЕ, Г. ГРИМАРДО.

Г. ГРИМАРДО.

Что за шумъ? что за крикъ и что за удивленье?
Кто тебя, ангелъ мой, здѣсь смѣетъ обижать?

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Милый другъ! милый другъ! отомсти за оскорбленье!
А не то, а не то, придется намъ бѣжать.

(*Эрнестъ и г-жа Гримардо повторяютъ первые куплеты.*)

ЭРНЕСТЪ, (*всторону*).

Нечего дѣлать! По крайней мѣрѣ позабавлюсь надъ этими каррикатурами.

ГРИМАРДО.

Я, милостивый государь, чтобъ вы изволили это замѣтить, называюсь Балтазаръ Гримардо.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Да, милостивый государь, чтобъ вы это замѣтили.

ЭРНЕСТЪ.

И такъ, г. Балтазаръ Гримардо, я очень буду радъ съ вами познакомиться.

ГРИМАРДО.

А я, какъ управитель замка, осмѣлюсь спросить васъ, что вамъ здѣсь угодно?

ЭРНЕСТЪ.

Вотъ это дѣло другое! И если бъ ваша жена была такъ же учтива, то я бы конечно отвѣчалъ ей.

гримардо, (*женѣ*).

Вотъ видишь ли! Г. Офицеръ правъ, и ты одна всему виновата; смотря по человѣку, надобно умѣть....

г-жа гримардо.

Надобно умѣть вступаться за жену, когда она обижена.

эрнестъ.

Вотъ въ чемъ дѣло, г. управитель: я ѣхалъ въ Парижъ, и очутился здѣсь по остановкѣ самой обыкновенной въ дорогѣ.

гримардо.

Вѣрно сломалась коляска?

эрнестъ.

Вы отгадали. Теперь я прошу васъ отвести намъ двѣ комнаты, одну для меня, а другую для моего гусара; накормить лошадей, и покуда починятъ мою коляску, приготовить мнѣ обѣдъ и бутылку лучшаго бургонскаго, которую разопьемъ за здоровье милой вашей супруги, не смотря на то, что она сердится; она должна быть предобрая, и вѣрно тронется моимъ положеніемъ.

г-жа гримардо.

Ошибаетесь! Я прежде часто трогалась, но всегда была жертвою состраданія.

гримардо.

Но, душа моя, я не вижу причины отказать господину офицеру; онъ кажется мнѣ прекраснымъ человѣкомъ.

г-жа гримардо.

Прекраснымъ человѣкомъ? Безумный! Да развѣ

по твоему прекрасные люди входятъ безъ спроса въ дома и обходятся такимъ манеромъ?

ЭРНЕСТЪ.

Госпожа Гримардо! въ послѣдній разъ... не то будетъ поздно!

Еще я повторяю вамъ,
Чтобъ вы мнѣ пообѣдать дали,
И не шумя по пустякамъ,
Мнѣ отдохнуть бы не мѣшали.
А въ вашу бъ молодость и я
Не встрѣченъ былъ пріемомъ строгимъ,
И вѣрно ближняго любя,
Вы сами услужили многимъ?

ГРИМАРДО.

Господинъ офицеръ! Позвольте васъ спросить, что вы разумѣете подъ словомъ: услужить многимъ, и за кого вы принимаете госпожу Гримардо? Знайте, сударь, что она всегда останется такою, какою была прежде.

ЭРНЕСТЪ.

Я васъ поздравляю.

ГРИМАРДО.

Что поведеніе ея такъ же примѣрно, какъ привязанность ея къ мужу.

ЭРНЕСТЪ.

Это очень похвально.

ГРИМАРДО.

И что никакое злословіе никогда напрасно ее не клеветало.

ЭРНЕСТЪ.

Прекрасно! прекрасно!

ГРИМАРДО.

И что, наконецъ, тотъ, кто осмѣлится обидѣть ее....

ЭРНЕСТЪ.

Господинъ Гримардо!

ГРИМАРДО.

Г. Гримардо васъ не боится, и когда дѣло идетъ о чести его жены, то онъ въ состояніи... и этого довольно.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

И что вы на это скажите!

ЭРНЕСТЪ.

Я требую комнаты и обѣда.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Ни того, ни другаго! и вы здѣсь не въ трактирѣ!

ГРИМАРДО.

Это рѣшительный отвѣтъ, и я покорно прошу...

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Сей-часъ отсюда выдти.

ЭРНЕСТЪ.

Нѣтъ, я ни за что не разстанусь съ такими любезными хозяевами.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Это однѣ насмѣшки!

ГРИМАРДО.

Милостивый государь!...

Вамъ повторить обязанъ я:
Имѣйте больше къ ней почтенья;
Не то, такъ самаго меня
Вы выведете изъ терпѣнья!

ЭРНЕСТЪ.

О! вывести не трудно васъ;
Но я не выйду, вамъ ручаюсь.
Теперь почти обѣда часъ,
И я обѣда дожидаюсь.

ГРИМАРДО.

Это ужъ слишкомъ дерзко, и я найду средство съ вами справиться.

ЭРНЕСТЪ.

Со мною? Тѣмъ лучше! я давно не билъ непріятелей!

Г. И Г-ЖА ГРИМАРДО.

Какъ сударь! и вы осмѣливаетесь!...

ЭРНЕСТЪ.

Война! война! я очень радъ!
Что воину ее лестнѣе?
Мы не знавали ретирадъ,
И здѣсь увидимъ, кто храбрѣе!

ГРИМАРДО.

Позвольте донести вамъ смѣть,
Что это шуткой я считаю.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Нѣтъ, выгнать или умереть!
Одно изъ двухъ я выбираю.

ЭРНЕСТЪ.

Война! война! я очень радъ!
Что воину ее лестнѣе?
Мы не знавали ретирадъ,
И здѣсь увидимъ, кто храбрѣе!

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Ко мнѣ почтенья не имѣть!
Я этихъ шутокъ не прощаю;
Нѣтъ, выгнать или умереть!
Одно изъ двухъ я выбираю.

(Г-жа Гримардо, уходя, уноситъ тихонько саблю Эрнеста).

—

VI.

ЭРНЕСТЪ, БРАНТЪ. (*вбѣгая изъ боковой двери*).

БРАНТЪ.

Что за шумъ? Что за тревога? Неужели мы попались въ непріятельскій лагерь?

ЭРНЕСТЪ.

Ты почти угадалъ, потому что надобно драться.

БРАНТЪ.

Драться? славно! Но за что, и съ кѣмъ?

ЭРНЕСТЪ.

Съ старымъ войскомъ.

БРАНТЪ.

И, полноте, вы шутите!

ЭРНЕСТЪ.

Напротивъ, нѣтъ ничего вѣрнѣе.

БРАНТЪ.

Если такъ, то намъ должно укрѣпиться. Но гдѣ жъ мы, и у кого, по крайней мѣрѣ!

ЭРНЕСТЪ.

Въ волшебномъ замкѣ, откуда насъ выгоняетъ сумасшедшая управительница. Я объявилъ войну, весь гарнизонъ въ тревогѣ, и настаетъ роковой часъ рѣшительнаго сраженія!

БРАНТЪ.

Но чѣмъ же это все кончится?

ЭРНЕСТЪ.

Не безпокойся; заряди мои пистолеты, но такъ, чтобъ не перебить, а перепугать непріятельскую армію.

Не бойся! Храбрымъ, говорятъ,
Вездѣ сопутствуетъ побѣда!
И мы, ужъ какъ они хотятъ,
А не уѣдемъ безъ обѣда.
Искавши на войнѣ побѣдъ,
Мы мщеньемъ стали знамениты;
Теперь намъ надобенъ обѣдъ.
Отмстимъ—и вѣрно будемъ сыты!

БРАНТЪ, (*заряжая пистолеты*).

А ужъ я за себя ручаюсь....

Хотя ихъ много, все равно!
Я тотчасъ въ погребъ, гдѣ вино,
И тамъ-то отличусь на чудо:
Бутылки выстрою всѣ въ рядъ,
И мигомъ бой начну геройской!

Они сдадутся, я назадъ
И вытяну мое все войско!

ЭРНЕСТЪ.

Ба! да гдѣ жъ моя сабля?

БРАНТЪ.

Возможно ли! ее нѣтъ, и вы арестованы!

ЭРНЕСТЪ.

А! а! ее унесла управительница.

БРАНТЪ.

Хорошо, что уцѣлѣли пистолеты.

ЭРНЕСТЪ.

Пойдемъ! За страшную измѣну
Она разплатится со мной!
И я трагическую сцену
Окончу шуткой пресмѣшной!

БРАНТЪ.

Отнять оружье! Вотъ обида!
Кто похищалъ его у насъ?
И вдругъ столѣтняя Армида
Обезоруживаетъ васъ!

(*Оба вмѣстѣ повторяютъ тѣже куплеты и уходятъ*).

—

VII.

РОЗА, (*выглядывая тихонько въ двери*).

Ихъ нѣтъ!... точно нѣтъ, слава Богу! Но чего эти офицеры хотятъ, и чѣмъ это все кончится? Мой батюшка, всѣ люди, и даже г. Гримардо, вооружились, а г-жа управительница кричитъ и командуетъ! Ахъ, Боже мой! Они вѣрно станутъ драться, и если эти страшные офицеры насъ побѣдятъ, то я спрашиваю, что будетъ тогда со мною? Но я ни въ чемъ не виновата, такъ они вѣрно простятъ меня. — Богъ знаетъ, однако, потому что они военные мужчины; а меня бабушка такъ часто ими пугаетъ!

Старушки наши говорятъ,
Что намъ мужчины вѣчно льстятъ,
За тѣмъ, чтобъ обмануть скорѣе;
Но я не вѣрю, признаюсь;
Съ тѣхъ поръ, какъ стала я умнѣе,
Я ужъ не такъ мужчинъ боюсь.
Кого хорошенькой найдутъ,
Они прохода не даютъ:
Когда жъ я не дурна собою,
Такъ вѣрно эти господа
Здѣсь познакомятся со мною.
Что-жъ за бѣда? Что-жъ за бѣда?
Они хоть ласковы на взглядъ,
А все обманывать хотятъ.
Мнѣ съ ними говорить случалось;

Но я.... страхъ бабушки боюсь,
И чтобъ мнѣ также не досталось...
При ней... всегда на нихъ сержусь!

—

VIII.

РОЗА, ЭРНЕСТЪ, БРАНТЪ.

БРАНТЪ, (*за кулисами*).

Тьфу, чортъ возьми! Куда жъ они запропастились?

РОЗА, (*испугавшись*).

Ахъ, Боже мой! Это вѣрно они! надобно спрятаться!
(*Роза хочетъ бѣжать, но Брантъ ее останавливаетъ*).

БРАНТЪ.

Ни съ мѣста!

РОЗА.

Помилуйте, господинъ генералъ!

ЭРНЕСТЪ.

Не бойся, моя красавица!

БРАНТЪ.

Господинъ капитанъ. Это непріятельской шпіонъ, надобно ее повѣсить.

РОЗА.

Ахъ, Боже мой! (*Хочетъ бѣжать, но Эрнестъ ее удерживаетъ.*)

ЭРНЕСТЪ.

Постой! такой хорошенькой нечего бояться.

БРАНТЪ.

Шпіонъ женскаго рода вдвое опаснѣе мужскаго.

РОЗА.

Ради Бога, не убивайте меня, господинъ офицеръ!

ЭРНЕСТЪ.

О, будь спокойна; но скажи мнѣ, кто ты такова?

РОЗА.

Меня зовутъ Розою, и я, право, дѣвушка, дочь здѣшняго садовника.

ЭРНЕСТЪ.

И вѣрно лучшій цвѣтокъ изъ вашего сада! (*цѣлуетъ ее.*)

РОЗА, (*вырываясь.*)

И, полноте, какъ вамъ не стыдно! (*всторону.*) Если онъ меня цѣлуетъ, такъ вѣрно не убьетъ.

ЭРНЕСТЪ.

Теперь скажи мнѣ, моя красавица, много ли у васъ въ за̀мкѣ людей?

РОЗА.

Сколько людей? Ахъ, Боже мой! Да неужели вы хотите ихъ всѣхъ перерѣзать?

ЭРНЕСТЪ.

Я хочу только знать, сколько ихъ?

РОЗА.

Первая-съ, госпожа Гримардо, наша управительница.

ЭРНЕСТЪ.

Эту я знаю.

РОЗА.

Потомъ господинъ Гримардо, ея мужъ.

ЭРНЕСТЪ.

И этого я видѣлъ: далѣе?

РОЗА.

Потомъ-съ.... потомъ садовникъ, мой батюшка, и потомъ я, господинъ офицеръ, и потомъ конюхъ, ключникъ и поваръ.

БРАНТЪ.

И поваръ! (*цѣлуетъ Розу.*) Что за красавица!

РОЗА (*всторону.*)

И этотъ поцѣловалъ меня! Ну, теперь мнѣ нечего бояться.

ЭРНЕСТЪ.

Что-жъ они дѣлали?

РОЗА.

Они приготовляли праздникъ и ужинъ для сватьбы нашей барышни.

БРАНТЪ.

А! а!

РОЗА.

Она.... вотъ видите, съ женихомъ своимъ никогда еще не видалась, а здѣсь съѣдутся въ первый разъ. Если онъ ей понравится, такъ хорошо, а если нѣтъ, такъ они разъѣдутся.

ЭРНЕСТЪ.

И здѣсь будутъ танцы!

РОЗА.

Да-съ.

ЭРНЕСТЪ.

Я остаюсь!

БРАНТЪ.

И будутъ пить за ея здоровье?

РОЗА.

Да-съ.

БРАНТЪ.

Я ни за что не уѣду.

ЭРНЕСТЪ.

А гдѣ жъ теперь твоя барышня?

РОЗА.

Она въ деревнѣ, откуда пріѣдетъ сюда съ своей тетушкой.

ЭРНЕСТЪ.

А какихъ она лѣтъ?

РОЗА.

Семнадцати.

ЭРНЕСТЪ.

И хорошенькая?

РОЗА.

Ужъ конечно-съ.... она дочь барона.

ЭРНЕСТЪ.

Барона! А какъ его фамилія? (*За кулисами слишенъ крикъ.*)

ГРИМАРДО, (*за кулисами.*)

Впередъ! Жизнь или смерть!

БРАНТЪ.

Къ ружью! Господинъ капитанъ! Непріятель атакуетъ!

РОЗА.

Атакуетъ! Ахъ, Боже мой, что это значитъ? Какіе ужасы! (*убѣгаетъ.*)

—

IX.

ТѢЖЕ, Г. ГРИМАРДО, КОНЮХЪ, КЛЮЧНИКЪ, САДОВНИКЪ, ПОВАРЪ, (*всякой изъ нихъ вооруженъ чѣмъ нибудь изъ своего ремесла. Гримардо впереди съ ружьемъ безъ замка.*)

ХОРЪ (*за кулисами.*)

Дружина храбрая, впередъ!
Дирекція направо.
Кто первый въ комнату войдетъ,
Тому и честь и слава.

БРАНТЪ, (*смотря въ двери.*)

Къ ружью! вотъ управитель нашъ,
Начальникъ всѣхъ отрядовъ;
При немъ ружье и патронташъ,
Да только безъ зарядовъ.

ХОРЪ, (*показываясь въ дверяхъ.*)

Дружина храбрая, впередъ!
Дирекція направо, и проч.

ЭРНЕСТЪ.

Назадъ! не то коварный врагъ
Все войско здѣсь утратитъ,
И кто подвинется на шагъ,
Тотъ жизнью мнѣ заплатитъ!

ГРИМАРДО.

Чего бояться? Васъ, друзья,
Не выдастъ предводитель!

ЭРНЕСТЪ.

И перваго за то тебя
Накажетъ побѣдитель.

ХОРЪ, (*входя въ комнату.*)

Дружина храбрая, впередъ! и проч.

(*При концѣ пѣнія Эрнестъ стрѣляетъ и всѣ падаютъ.*)

ГРИМАРДО.

Я убитъ, и все кончено.

—

X.

ТѢЖЕ, Г-ЖА ГРИМАРДО, (*показываясь изъ буфета.*)

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Мой мужъ! Боже мой! онъ убитъ!

ГРИМАРДО, (*лежа на полу.*)

До смерти.

БРАНТЪ.

Возврати намъ наше оружіе, несчастная вдова, или ты также погибнешь.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Вдова! Все кончено! (*Уходитъ.*)

—

XI.

ТѢЖЕ, кромѣ **Г-ЖИ ГРИМАРДО.**

ЭРНЕСТЪ.

И такъ, бездѣльники! я дарю васъ жизнію, и по праву побѣды назначаю себя генералъ-губернаторомъ этого зáмка, а всѣхъ здѣшнихъ жителей дѣлаю моими военноплѣнными.

ГРИМАРДО.

Военноплѣнными!

ЭРНЕСТЪ, (*Бранту.*)

Господинъ комендантъ, обезоружьте гарнизонъ. (*Брантъ обезоруживаетъ ихъ.*)

—

XII.

ТѢЖЕ, Г-ЖА ГРИМАРДО, (*съ распущенными волосами.*)

Г-ЖА ГРИМÁРДО.

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

ГРИМАРДО.

Въ твоихъ объятіяхъ!

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Ты живъ! (*Эрнесту.*) Вотъ ваша сабля.

ЭРНЕСТЪ.

Вы, господинъ управитель, какъ бунтовщикъ, вооружившій противъ меня здѣшнихъ жителей,

должны бы быть разстрѣляны; но я великодушенъ, и наказываю васъ однимъ арестомъ.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Господинъ Гримардо подъ арестомъ!

БРАНТЪ.

Смирно!

ЭРНЕСТЪ.

Господинъ комендантъ! Посадите его на чердакъ.

БРАНТЪ.

Но намъ не отданы еще ключи отъ замка и отъ погребовъ.

КЛЮЧНИКЪ, (*отдавая ключи Эрнесту.*)

Вотъ они.

БРАНТЪ.

Давай! Маршъ за мною, господинъ управитель!

ГРИМАРДО.

Что со мною будетъ?

БРАНТЪ.

Ну, ну, безъ церемоніи.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Боже мой, чему я подвергаюсь! (*Брантъ уводитъ управителя.*)

—

XIII.

ТѢЖЕ, кромѣ **БРАНТА и ГРИМАРДО.**

ЭРНЕСТЪ.

А что до васъ, любезная управительница, то я хочу упрятать васъ въ такое мѣсто, гдѣ бы вы могли кричать сколько вамъ угодно; я видѣлъ здѣсь голубятню, и такъ... (*входящему Бранту*) господинъ комендантъ, на голубятню ее.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Меня на голубятню!

БРАНТЪ.

Чего лучше! Пожалуйте, мы съ вами справимся. (*Уводитъ г-жу Гримардо*).

XIV.

ЭРНЕСТЪ, ОСТАЛЬНЫЕ.

ЭРНЕСТЪ.

А вы, бездѣльники, которые осмѣлились напасть на меня, должны теперь повиноваться моей волѣ. (*Кучеру.*) Кто ты таковъ?

КУЧЕРЪ.

Я кучеръ, господинъ генералъ.

ЭРНЕСТЪ.

Сей-часъ убери и накорми лошадей моихъ. (*Ключнику.*) А ты?

КЛЮЧНИКЪ.

Я ключникъ, господинъ военный губернаторъ!

ЭРНЕСТЪ.

Сей-часъ вина, и самаго лучшаго? (*Повару.*) А ты?

ПОВАРЪ.

Я поваръ, господинъ побѣдитель!

БРАНТЪ, (*вбѣгая.*)

Поваръ! Пощадите, господинъ капитанъ! Я прошу о помилованіи этого плѣнника.

ЭРНЕСТЪ.

Сей-часъ приготовь намъ славный обѣдъ. Идите, бездѣльники, исполнять мои приказанія.

—

XV.

ТѢЖЕ, РОЗА.

(*Она, отворя дверь той комнаты, въ которой спряталась, бѣжитъ въ среднія двери, но Эрнестъ ее останавливаетъ.*)

РОЗА.

Ну, теперь пришла моя очередь!

ЭРНЕСТЪ.

Тебя, милая моя Роза, за то, что ты съ нами не воевала, я жалую въ управительницы этого зàмка.

РОЗА.

Какъ? Меня управительницею! Неужели въ самомъ дѣлѣ?

ЭРНЕСТЪ.

Да, да, генеральною управительницею!

РОЗА.

Ахъ, Боже мой! Какое счастіе! Я управительница, да еще и генеральная!

Я управительница здѣсь!
Я безъ ума! я въ восхищеньи!
И люди всѣ, и замокъ весь,
Теперь въ моемъ распоряженьи!
Иная вѣкъ изволь служить,
А не удастся такъ случайно
Вдругъ управительницей быть,
Да и какой же? генеральной!

ЭРНЕСТЪ.

За это ты должна отвести мнѣ хорошую комнату.

РОЗА.

Хоть десять, если вамъ угодно; пожалуйте за мною.

ЭРНЕСТЪ.

Хоть на край свѣта! Но смотри, не засади меня также, какъ я управителя.

РОЗА.

И, полноте! Не грѣхъ ли вамъ это думать!

Я рада вамъ служить всегда,
И вашей ласки не забуду,
Нѣтъ, противъ васъ я никогда
Неблагодарною не буду.

ЭРНЕСТЪ.

Я вѣрю; если, можетъ быть,
Я очень долго здѣсь засплюся,
Приди меня ты разбудить.

РОЗА.

Да вы осердитесь боюся.

ЭРНЕСТЪ.

Нѣтъ, побожиться я готовъ,
И буду радъ тебя дождаться.
Когда бъ будила насъ любовь,
Мы рано бъ стали просыпаться!

(Всѣ уходятъ въ боковыя двери.)

—

XVI.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ, ЛОРА.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Что это значитъ! Насъ никто не встрѣчаетъ!

ЛОРА.

Но здѣсь, я слышала, разговаривали!

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

И я также.

ЛОРА.

Прекрасный пріемъ! Нѣтъ ни одного человѣка, а главное, жениха моего! Онъ видно не очень спѣшитъ со мною увидѣться.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Вѣрно его что нибудь задержало.

ЛОРА.

А я такъ нетерпѣливо ожидаю его видѣть!

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Но если онъ тебѣ не понравится?

ЛОРА.

О, батюшка вѣрно не выбралъ мнѣ дурнаго.

Онъ веселъ, милъ, хорошъ собою.
На встрѣчу къ намъ теперь летитъ,
Его я вижу, онъ со мною,
И мнѣ со вздохомъ говоритъ:
Ты, Лора, будешь мной счастлива.
Теперь покажемся мы въ свѣтъ!...
Я право очень терпѣлива,
А все его однако-жъ нѣтъ!

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

О, наканунѣ сватьбы такъ много хлопотъ! Его вѣрно задержали.

ЛОРА.

Насъ обвѣчаютъ, тутъ-то станемъ
Мы веселиться, танцовать!
И наконецъ, когда устанемъ,
Мы будемъ дома отдыхать.
О, я заранѣе счастлива....
Вхожу я къ мужу въ кабинетъ....

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Къ чему такъ спѣшить; не входи, погоди немножко.

ЛОРА.

Все дожидаться.... ахъ, тетушка!

Я право очень терпѣлива,
А все его однако-жъ нѣтъ!

—

XVII.

ТѢЖЕ, РОЗА.

РОЗА.

Этотъ офицеръ самый безпокойный человѣкъ! (*Увидя Лору.*) Ахъ! Это вы, сударыня! Простите меня.... я такъ захлопоталась, что васъ и не примѣтила.

ЛОРА.

Мы видно пріѣхали первыя?

РОЗА.

Да-съ, г. баронъ еще не бывалъ.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Но гдѣ-жъ управитель и жена его? Они насъ не встрѣтили!

РОЗА.

Это точно такъ.... Но они ей Богу не виноваты! Вотъ изволите видѣть.... г. Гримардо сидитъ теперь подъ карауломъ.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ И ЛОРА.

Какъ подъ карауломъ? Что это значитъ?

РОЗА.

Я васъ увѣряю; и г-жа Гримардо сидитъ тоже подъ карауломъ.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Да какъ же это сдѣлалось?

РОЗА.

Вотъ изволите видѣть, отъ того, что-сего дня поутру случились здѣсь ужасныя вещи.

ЛОРА.

Но какія же?

РОЗА.

Здѣсь было сраженіе!

ЛОРА.

Ахъ, Боже мой! Ради Бога, тетушка, уѣдемте отсюда.

РОЗА.

Нѣтъ, теперь уже вы не бойтесь: они побѣдили, но никого не зарѣзали.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Да разтолкуй мнѣ, ради Бога, какъ это случилось?

РОЗА.

Вотъ видите.... это очень ясно: сего-дня поутру пріѣхалъ къ намъ въ зȁмокъ одинъ прекрасный офицеръ, котораго называютъ капитаномъ, и онъ просилъ г-жу Гримардо дать ему комнату, а она ему отказала; у нихъ вышелъ шумъ, прибѣжалъ г. управитель и тоже отказалъ господину офицеру; за это онъ разсердился и сказалъ имъ, что онъ все таки здѣсь останется; они привели людей и хотѣли его выгнать; но офицеръ выстрѣлилъ—и они

подъ карауломъ; господинъ Гримардо на чердакѣ, а госпожа Гримардо на голубятнѣ.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Да это цѣлый романъ.

ЛОРА.

И теперь они всѣ подъ карауломъ?

РОЗА.

Всѣ до одного человѣка.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Кромѣ тебя однако-жъ?

РОЗА.

О, разумѣется!

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Почему же?

РОЗА.

Потому-съ.... что онъ меня сдѣлалъ управительницею.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ И ЛОРА.

Управительницею?

РОЗА.

Да-съ, еще и генеральною.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

А какъ зовутъ этого офицера?

РОЗА.

Я этого у него не спрашивала, а судя по виду, онъ долженъ быть порядочнымъ человѣкомъ.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ, (*Лорѣ.*)

Я разгадываю эту шутку: этотъ офицеръ вѣрно женихъ твой.

ЛОРА.

Неужели!

РОЗА, (*всторону.*)

)бъ чемъ онѣ шепчутся?

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ, (*Лорѣ.*)

Твой батюшка, чтобъ ты не такъ оробѣла, вѣр-
присовѣтовалъ ему явиться сюда подъ чужимъ
)немъ, и онъ нарочно нашалилъ здѣсь, чтобъ
елѣе начать знакомство.

ЛОРА.

Такъ вы думаете, что это заговоръ противъ
ъ?

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Мы охотно простимъ ему.

ЛОРА.

Теперь мнѣ еще больше хочется его увидѣть.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Ничего нѣтъ легче. Роза!

РОЗА.

Чего изволите?

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Скажи этому офицеру, что двѣ дамы, пріѣхав-
и въ замокъ, хотятъ говорить съ нимъ.

РОЗА.

А если онъ спитъ?

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Такъ ты его разбудишь.

РОЗА.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь онъ и безъ того при-
залъ мнѣ разбудить. (*Увидя Эрнеста.*) Ну, я опо-
ла! Онъ вѣрно узналъ, что вы пріѣхали. (*ухо-
тъ.*)

—

XVIII.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ, ЛОРА, ЭРНЕСТЪ.

ЭРНЕСТЪ.

Возможно ли! У меня гости—и никто не скажетъ. (*всторону.*) Какая прекрасная женщина! (*вслухъ.*) Прошу извинить меня.

ЛОРА, (*всторону.*)

Какъ онъ хорошъ! Ахъ, тетушка, это точно мой женихъ.

ЭРНЕСТЪ, (*всторону.*)

Неужели это здѣшняя невѣста? И такъ, сударыня, позвольте васъ спросить, по какому счастливому случаю я имѣю удовольствіе васъ видѣть?

ЛОРА.

А я у васъ хотѣла спросить тоже самое.

ЭРНЕСТЪ.

Я здѣсь очутился совсѣмъ нечаянно.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Вѣрно сломался экипажъ?

ЭРНЕСТЪ.

Точно такъ,—въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда.

ЛОРА.

А я думала, что вы батюшкинъ знакомый и пріѣхали ко мнѣ на сватьбу.

ЭРНЕСТЪ.

А вы выходите замужъ?

ЛОРА, (*съ насмѣшкою.*)

А вы это знали?

ЭРНЕСТЪ.

По несчастью.

ЛОРА.

По несчастью?

ЭРНЕСТЪ.

Разумѣется, потому что я теперь также огорченъ вашимъ пріѣздомъ, сколько сначала ему радовался.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Это обыкновенныя учтивости!

ЭРНЕСТЪ.

Но позвольте васъ спросить: вы, конечно, дочь владѣльца этого зàмка?

ЛОРА.

Вы этого также не знаете?

ЭРНЕСТЪ.

Конечно, потому что въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть.

ЛОРА.

Но вѣрно не въ послѣдній?

ЭРНЕСТЪ.

Очень бы желалъ.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Я въ этомъ почти увѣрена.

ЭРНЕСТЪ, (*Лорѣ.*)

Вы слишкомъ любезны! Но, можетъ быть, вашъ женихъ...

ЛОРА.

О! я не думаю, чтобъ онъ помѣшалъ нашему знакомству. (*Оба смѣются.*)

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Онъ вѣрно не будетъ ревновать васъ къ Лорѣ.

ЭРНЕСТЪ.

Но вы надо мной смѣетесь.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Мы смѣемся потому, что вы прекрасно играете вашу комедію.

ЭРНЕСТЪ, (*всторону.*)

Что это значитъ? Никакъ не понимаю!

ЛОРА.

Вамъ вѣрно досадно, что мы васъ узнали?

ЭРНЕСТЪ.

Но за кого вы меня принимаете?

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

За знакомаго барону Дорсану.

ЭРНЕСТЪ.

Возможно ли! баронъ Дорсанъ! А вы его знаете?

ЛОРА.

Очень коротко.

ЭРНЕСТЪ.

Какъ я радъ! Онъ мой благодѣтель! Я служилъ подъ его начальствомъ и всегда пользовался его дружбою.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Насъ не обмануть подозрѣнья,
И кто-бъ рѣшился изъ чужихъ
Такъ нашалить?—и нѣтъ сомнѣнья,
Что вы Белькуръ, ея женихъ.

ЭРНЕСТЪ.

Белькуръ! Я честью вамъ клянуся,
Что я, къ-несчастію, не онъ;

Но я ошибкою горжуся,
И болѣе его влюблёнъ!

ЛОРА.

Нѣтъ, вы Белькуръ, мы отгадали;
Вы братецъ мой и мой женихъ.
По вашей шуткѣ васъ узнали,
И мы поймали васъ самихъ!

(Всѣ вмѣстѣ повторяютъ свои куплеты.)

—

XIX.

ТѢЖЕ, БРАНТЪ, *(въ полъ-пьяна съ бутылкою и стаканомъ въ рукахъ.)*

БРАНТЪ.

Виватъ, г. капитанъ, еще двѣ плѣнницы!

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ И ЛОРА, *(испугавшись.)*

Ахъ, Боже мой! *(убѣгаютъ.)*

ЭРНЕСТЪ.

Лора! Лора! Милая сестрица!

БРАНТЪ.

Что это за новая сестрица?

ЭРНЕСТЪ.

Это совершенство, чудо красоты и любезности, которую ты перепугалъ, бездѣльникъ! Нѣтъ, я не уступлю ее Белькуру. *(уходитъ.)*

—

XX.

БРАНТЪ, (*одинъ садится къ столу.*)

Вотъ сумасшествіе! Для хорошенькаго личика такъ суетится и позабылъ обѣдать. Нѣтъ, я на этотъ счетъ философъ. Я путемъ позапасся, пообѣдалъ и выпилъ,—теперь станемъ ужинать. Что за вино! Нектаръ небесный!

Вино! вино! душа войны,
Душа любви!, душа веселья!
Мы всѣ вино любить должны,
Чего не сдѣлаешь съ похмѣлья?
Въ винѣ конечно тьма добра:
Оно живитъ, крѣпитъ отъ лѣни;
Идешь впередъ, кричишь ура!
И пьянымъ море по колѣни.
Кто пьянъ, тотъ менѣе грѣшитъ;
Ничѣмъ онъ ближнихъ не тревожитъ,
За тѣмъ, что пьяный вѣчно спитъ,
А спящій дѣлать зла не можетъ.
Въ винѣ конечно тьма добра, и проч.

БАРОНЪ, (*за кулисами.*)

Эй, управитель! Кто нибудь!

БРАНТЪ.

Что за шумъ? Какая дерзость! Я докажу.... (*хочетъ встать, но шатаясь опять садится.*)

—

XXI.

БРАНТЪ, БАРОНЪ.

БАРОНЪ, (*увидя Бранта.*)

Славно! У меня гости очень веселы! эй! кто ты таковъ?

БРАНТЪ, (*не оглядываясь.*)

Здѣшній комендантъ!

БАРОНЪ.

Комендантъ въ моемъ зàмкѣ?

БРАНТЪ.

Скажи лучше: въ зàмкѣ моего капитана.

БАРОНЪ.

Что это значитъ? Онъ пьянъ или сумасшедшій! Чего тебѣ здѣсь надобно?

БРАНТЪ.

Шампанскаго!

БАРОНЪ.

Прошу покорно!

БРАНТЪ.

Самаго лучшаго, V. C. P. со звѣздочкой!

БАРОНЪ.

Отъ него не добьешся толку. Эй! кто нибудь?

БРАНТЪ.

Смирно, а не то въ тюрьму.

БАРОНЪ.

Въ тюрьму? Меня, бездѣльникъ?

БРАНТЪ.

Да, въ тюрьму, какъ и другихъ.

БАРОНЪ.

Это смѣшно и досадно? Эй! г. управитель?

БРАНТЪ.

Дожидайся. Они всѣ подъ карауломъ! Я сей-часъ иду рапортовать г. капитану, и мы тебя также упрячемъ. (*уходитъ.*)

—

XXII.

БАРОНЪ, Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ, ЛОРА, РОЗА.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Что за шумъ? Возможно ли? Это ты, братецъ?

ЛОРА, (*цѣлуя барона.*)

Ахъ, батюшка!

БАРОНЪ.

Здраствуйте, здраствуйте.

РОЗА.

Побѣгу къ нашему губернатору, чтобъ увѣдомить его о пріѣздѣ господина барона. (*убѣгаетъ.*)

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Ты видишь, что мы не опоздали.

БАРОНЪ.

Все это очень хорошо, но разтолкуйте мнѣ, ради Бога, что здѣсь за пьяные гости?

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Это вѣрно гусаръ твоего племянника.

БАРОНЪ.

Какъ? развѣ Беркуръ пріѣхалъ?

ЛОРА.

Да, батюшка, я его видѣла.

БАРОНЪ, (*тихо г-жѣ Валькуръ.*)

Ну что-жъ, онъ понравился?

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Какъ нельзя лучше!

ЛОРА, (*вслушавшись.*)

Да, батюшка, и я очень довольна вашимъ выборомъ.

БАРОНЪ.

А! а!

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ такой любезный!

ЛОРА.

Хорошенькой, веселой!

БАРОНЪ.

Веселой!... Кто, Беркуръ? Это чудо! Онъ, напротивъ слишкомъ молчаливъ, и смотритъ настоящимъ Катономъ.

ЛОРА.

Онъ видно перемѣнился, и вы его не узнаете.

БАРОНЪ.

Очень радъ. Вотъ въ первый разъ, однако-жъ, что онъ не опаздываетъ.

ЛОРА.

Отъ того, что хотѣлъ меня скорѣе видѣть.

БАРОНЪ.

Гдѣ жъ онъ? Пойдемте.

XXIII.

ТѢЖЕ, ЭРНЕСТЪ.

ЭРНЕСТЪ, (*за кулисами*).

Мошенникъ! Осмѣлился нагрубить г. барону!

БАРОНЪ, (*смотря на входящаго Эрнеста*).

Это совсѣмъ не онъ.

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ И ЛОРА.

Возможно ли!

ЭРНЕСТЪ.

Кого я вижу? Баронъ Дорсанъ! Мой благодѣтель!

БАРОНЪ.

Эрнестъ! Ты ли это! Мы тебя заживо оплакали!

ЭРНЕСТЪ.

Реляція меня убила, но судьба помиловала.

БАРОНЪ.

Слава Богу! Я душевно радъ обнять храбраго моего воспитанника! (*обнимаетъ его*).

ЭРНЕСТЪ.

Ахъ, берегитесь!

БАРОНЪ.

Что это значитъ?

ЭРНЕСТЪ.

Раненая и больная рука! Но это бы ничего, если бы я могъ утѣшиться. (*взглядываетъ на Лору*).

Когда я нашего врага
Могъ поразить въ войнѣ кровавой,
Моя мнѣ рана дорога —
Я награжденъ за это славой!
Но здѣсь я славой возмущенъ.
Кто въ жизни былъ непобѣдимымъ?
Я, признаюся вамъ, влюбленъ,
И не надѣюсь быть любимымъ.

БАРОНЪ, (*въ сторону*).

А! а! понимаю! (*Лорѣ*). Такъ ты приняла его своего жениха?

ЛОРА, (*съ робостію*).

Да — но это по ошибкѣ.

БАРОНЪ, (*смѣясь*).

Разумѣется, — и ты по ошибкѣ также благорила меня за выборъ.

ЛОРА.

Женихъ вашъ слишкомъ опоздалъ,
И здѣсь другаго я застала.
Я въ васъ влюбленъ, онъ мнѣ сказалъ,
И я.... ему я отвѣчала.
Ошибка не моя вина;
Вы вспомните, что мнѣ твердили:
Ты жениха любить должна! —
И мы другъ друга полюбили.

—

XXIV.

ТѢЖЕ, Г. И Г-ЖА ГРИМАРДО, (*оба вбѣгаютъ въ отчаяніи*).

Г. И Г-ЖА ГРИМАРДО, (*вмѣстѣ*).

Правосудіе! Правосудіе! Господинъ баронъ!

БАРОНЪ.

Ба! Наконецъ вотъ и наши! Откуда вы?

ГРИМАРДО, (*оправляясь*).

Съ чердака, г. баронъ.

Г-ЖА ГРИМАРДО, (*отряхивая перья*).

А я съ голубятни, г. баронъ.

БАРОНЪ.

Вотъ новости!

ГРИМАРДО.

И мы цѣлое утро страдали въ такомъ заточеніи, по милости этого офицера.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

И содержались какъ военноплѣнные.

БАРОНЪ.

Да что это значитъ?

ЭРНЕСТЪ.

Ничего; это было маленькое наказаніе за ихъ неучтивость.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Но съ какого права вы осмѣлились...

ЛОРА.

Г-жа Гримардо, прошу васъ! (*Барону*). Какая она сердитая.

БАРОНЪ, (*смѣясь*).

Нечего дѣлать, дорогая моя управительница! Надобно будетъ съ нимъ помириться: она за него заступается.

ЛОРА.

Я не заступаюсь, батюшка.

Г-ЖА ГРИМАРДО, (*Эрнесту*).

И такъ вы, сударь, должны....

ЛОРА, (*тихо барону*).

Заступаюсь, заступаюсь! Помирите ихъ, батюшка.

БАРОНЪ, (*тихо*).

А онъ тебѣ понравился?

ЛОРА, (*тихо*).

Какъ нравится?

БАРОНЪ.

И такъ, Эрнестъ, ты ей не нра...

ЛОРА, (*забывшись, говоритъ вслухъ*).

Нравится! Нравится! Ахъ, Боже мой! что я сдѣлала?

БАРОНЪ.

Кстати проговорилась.

ЭРНЕСТЪ.

Если я такъ счастливъ, то отъ васъ зависитъ изъ благодѣтеля сдѣлаться отцемъ моимъ.

БАРОНЪ.

Ты предупредилъ Беркура, понравился моей дочери, — и съ Богомъ! Ты уменъ, храбръ, благороденъ, и я не желаю лучшаго зятя. Ну, женихъ и невѣста, поздравляю васъ.

ЭРНЕСТЪ.

Теперь я совершенно счастливъ!

Г-ЖА ВАЛЬКУРЪ.

Поздравляю васъ, мои милые!

БАРОНЪ.

Ну, г. и г-жа Гримардо! Какъ вы теперь съ вашей претензіей?

Г. И Г-ЖА ГРИМАРДО.

Помилуйте! Все забыто!

ЭРНЕСТЪ.

Мы сочтемся и будемъ друзьями. (*слышенъ барабанъ*).

—

XXV.

ТѢЖЕ, РОЗА.

РОЗА.

Г. баронъ! г. баронъ! Всѣ наши деревенскія дѣвушки просятъ позволенія поздравить васъ съ пріѣздомъ и невѣстою.

БАРОНЪ.

Очень радъ! Милости просимъ! Я задамъ славный праздникъ! (*Стукъ барабана*)

—

XXVI.

ТѢЖЕ, БРАНТЪ, КРЕСТЬЯНЕ, КРЕСТЬЯНКИ.

БРАНТЪ.

Что это значитъ? Бьютъ сборъ и опять война!

БАРОНЪ.

Напротивъ, миръ и наша побѣда! Поздравь барина своего съ невѣстою.

БРАНТЪ.

Возможно ли! (*Эрнесту*). Ну, видите ли теперь, что меня не обманывало предчувствіе.

ЭРНЕСТЪ, (*показывая на Лору*).

И вотъ наша благодѣтельная волшебница.

БРАНТЪ.

Честь имѣю явиться! (*Розѣ*). Послушай, моя красавица! Здѣсь пошло на сватьбы, и я сдержу мое обѣщаніе.

РОЗА.

Какое обѣщаніе?

БРАНТЪ.

На тебѣ жениться.

РОЗА.

Нѣтъ, это не на мнѣ.

БРАНТЪ.

Вотъ прекрасно! Я очень помню.

РОЗА.

Ты лжешь, ты лжешь, — и это не правда.

БРАНТЪ.

Виноватъ! точно такъ, — я обѣщалъ это на последней станціи дочери смотрителя.

БАРОНЪ.

Ну, господа! Теперь за веселье!

ЭРНЕСТЪ.

Мы часто тужимъ по пустому,
Что все не удается намъ;
И то не нравится иному,
Чего онъ послѣ ищетъ самъ.
Я здѣсь былъ драться приневоленъ,
Не зналъ, что дѣлать мнѣ вчера;
Теперь женюсь и всѣмъ доволенъ....
И такъ, — нѣтъ худа безъ добра.

ГРИМАРДО.

Я самъ съ супругою моею
Сначала дѣлать что не зналъ;
Всѣ волочилися за нею,
И я все видѣлъ и молчалъ.
Теперь весь штатъ ея разстроенъ,
Всѣ говорятъ: она стара!
Положимъ такъ, но мужъ спокоенъ....
И такъ, — нѣтъ худа безъ добра.

Г-ЖА ГРИМАРДО.

Въ нашъ вѣкъ расчетъ былъ очень вѣрной,
И всѣ бывало говорятъ:
Пусть будетъ мужъ хоть не примѣрной,
Лишь бы молчалъ, да былъ богатъ.
Мой вкусъ конечно не разборчивъ,
На выборъ я была скора;
Хоть онъ и простъ, за то сговорчивъ....
И такъ, — нѣтъ худа безъ добра.

БРАНТЪ.

Когда я первый разъ безбожно
Съ друзьями гдѣ-то подгулялъ,
То такъ упалъ неосторожно,
Что чуть ноги не изломалъ.
Я не тужилъ, и не въ потерѣ!
Теперь стою я, какъ гора.
Я пьянъ, но цѣлъ по крайней мѣрѣ....
И такъ, — нѣтъ худа безъ добра.

ЛОРА.

Дѣвицы слишкомъ пожилыя
Изволятъ часто мнѣ твердить,
Что сватьбы вещи предурныя,
И глупо замужъ выходить.
Положимъ, въ этомъ вредъ находятъ
Всѣ тѣ, кому прошла пора,
Однако-жъ за-мужъ всѣ выходятъ....
И такъ, — нѣтъ худа безъ добра.

РОЗА, (*къ зрителямъ*).

Я въ очередь мою куплетомъ
Осмѣлюсь зрителей просить:
Чтобъ насъ съ ученымъ вашимъ свѣтомъ
За водевиль не разбранить.
Піэса наша, всякій знаетъ,
Есть вздоръ веселаго пера;
Но этотъ вздоръ васъ забавляетъ....
И такъ — нѣтъ худа безъ добра.

МОЙ МЯЧИКЪ.

МОЙ МЯЧИКЪ.

Какъ иной дилетантъ, напѣвая новую тему, варируетъ ее на разные тоны, такъ точно и *я*, въ моемъ *dolce far niente*, напавъ на какое-нибудь слово, играю имъ какъ мячикомъ, бросаю его во всѣ стороны, во всѣ фразы, перифразы и даже анти-фразы, если вамъ угодно. И, повѣрьте, если-бъ мы почаще играли такимъ мячикомъ, то скорѣй бы пріучились владѣть языкомъ, который не довольно еще гибокъ для языка разговорнаго.

НОСЪ.

Первое слово, на которое я сегодня наткнулся, былъ *носъ* — вещь, натурально, всѣмъ извѣстная, потому-что всякій изъ насъ, болѣе или менѣе, *съ носомъ*. И этотъ носъ, право, вещь удивительная! Кромѣ исключительнаго чувства обонянія, притупленнаго нѣсколько суровостью климата, и также способностей чихать, сморкаться и фыркать, ни одинъ членъ или наростъ человѣческаго тѣла не имѣетъ такого чуднаго свой-

ства: въ одно и тоже время подвергаться и раздражительности и онѣмѣнію. Дайте *щелчокъ въ носъ* — и носъ зашевелится; побробуйте *водить за носъ* — и онъ ничего не почувствуетъ. Носы имѣютъ свою характеристику, свою физіономію. *Высуньте* любой *носъ*, и *я*, по наукѣ знаменитаго Лафатера, Галля и самого Аристотеля, не только опредѣлю вамъ полъ, возрастъ, но даже многія свойства и національность каждаго носа. Китайскій, итальянскій видны съ перваго взгляда. Русскіе носы не имѣютъ отличительной физіономіи; въ нихъ много татарскаго и нѣмецкаго. Наконецъ, носы можно назвать термометромъ человѣческаго счастья. Какъ ртуть отъ жара или холода, такъ точно и носы, то опускаются, то подымаются, смотря потому, знобитъ или грѣетъ. *Если носъ фыркаетъ* — ему везетъ. Вообще, богачи ихъ *вздернули*, бѣдняки *повѣсили*.

—

РУКА.

Теперь возьмемте другой мячикъ, другое слово, какое хотите, любое, первое, которое *подъ руку* попадется. И кстати, возьмите слово *рука*, подъ которой разумѣется извѣстный членъ нашего тѣла съ пятью механическими пальцами.

Позвольте, однако-жъ, *прикинуть* этотъ мячикъ *на руку* и хоть немного *набить руку*. Хорошо, онъ бьетъ ловко и *изъ рукъ не вывалится*.

Начнемте съ оборртовъ самыхъ обыкновенныхъ.

Всѣ играющіе въ карты, стало-быть, всѣ рѣшительно, очень хорошо знаютъ, что значитъ: *быть въ рукѣ*, *сидѣть подъ рукою* или *за рукою*. Въ первомъ случаѣ, вы имѣете *ходъ;* во второмъ васъ *проводятъ;* въ третьемъ *вы выжидаете*.

Кто намъ *съ руки*, тотъ иногда жметъ намъ руку. Искусство жать дошло до совершенства, до крайности. Дотронуться ли слегка до плеча, взять ли за одинъ палецъ, за два, за три, или всею ладонью и потомъ, какъ пожать руку: слабо, чувствительно или сильно?.... О! въ этомъ вся сила, это составляетъ цѣлую науку для людей государственныхъ.

Многіе, чтобъ не быть *по рукамъ и по ногамъ связанными*, имѣютъ особую *правую руку*, которая стоитъ иногда сторукаго Вріарея. Это все тоже, что *чужими руками жаръ загребать*.... казаться озабоченнымъ, дѣйствующимъ, а между тѣмъ *сидѣть поджавши руки*.

Похвалить чью-нибудь *руку*, значитъ похвалить почеркъ. *Рука руку знаетъ, рука руку моетъ*, говоритъ пословица. *Умыть руки*, не значитъ ихъ вымыть.... я говорю это *подъ рукою* или по секрету, что-нибудь запечатать и надписать *въ собственныя руки*.... это такой секретъ, что сохрани Господи!

Выраженіе и совокупное съ нимъ дѣйствіе *прибрать къ рукамъ, нагрѣть руки*, употребляется больше въ сатирическомъ смыслѣ. *Держать* въ

рукахъ—дѣло женское; *цѣловать ручки*—дѣло мужское.

Пріятно *ударить по рукамъ* или поладить. Весело *жить рука въ руку, душа въ душу*.

Всего веселѣе *подать* ближнему *руку помощи*.

Предложить кому-нибудь *свою руку* и сердце.... должно быть величайшее наслажденіе!

Купить изъ первыхъ рукъ — всего выгоднѣе.

Отруби ту руку по локоть, которая-добра себѣ не желаетъ.

Къ сожалѣнію, счастіе наше непрочно и *дурное какъ сонъ въ руку*. Поглядишь и *руки врознь*, прочитаешь — *изъ рукъ вонъ!*

Поднять или *наложить руки на себя* или на другаго, есть преступленіе. *Гдѣ рука, тамъ и голова*, говоритъ другая пословица.

Не скучайте пословицами: ихъ справедливо называютъ драгоцѣннымъ кодексомъ житейской философіи.

Наконецъ, есть *рука легкия*—дружеская, *тяжелая* — недоброжелательная, и кто не знаетъ, что *сильная рука — владыка!*

Если я что-нибудь пропустилъ.... простите. И не такія вещи дѣлаются *на скорую руку*.

—

КАРМАНЪ.

Дарю вамъ мячикъ, сказалъ мнѣ одинъ любезный знакомый. Давайте! давайте! онъ *растопы*-

рилъ карманъ, я запустилъ руку.... что-жъ это значитъ? *пустой карманъ*? гдѣ-жъ вашъ подарокъ? — «А право *располагать чужимъ карманомъ?*» А! понимаю, хватаюсь за вашъ мячикъ и начинаю его ощупывать.

Не бойтесь! мы *за словомъ въ карманъ не полѣземъ*.

Первая идея о карманахъ принадлежитъ, конечно, не портнымъ, эта идея общая, идея всѣхъ и каждаго; она современна первымъ листьямъ, первой шкурѣ, наброшенной на наготу человѣческую.

Съ развитіемъ разума, воли и прихотей нашихъ, при помощи золота, этого двигателя человѣчества, измѣнилась только форма и увеличилось число кармановъ. Что ни надѣнешь, куда ни взглянешь, куда ни сядешь, вездѣ карманы, и сзади, и съ боку, и спереди.

Женщины, эти милыя, добрыя, попечительныя подруги, такъ привыкли, по хозяйству, *обшаривать* и такъ полюбили *полные карманы*, что завели свои собственные — и видимые и невидимые.

Обращаясь къ мошенникамъ-портнымъ, надобно признаться, что они не только философы, даже поэты. *Понять силу кармана*, понять кому какой надобно, придумать: *толстый* для богача, *тонкій* для бѣднаго, *тугой* для скупаго и *гнилой* для мота — развѣ это не философія?

А *боковой карманъ*? самый близкій, самый де-

нежный карманъ, приложенный къ самому сердцу.... развѣ это не поэзія?

Пожалуй, все можно выворотить наизнанку; услышавъ страстное: «*ближе, ближе, къ моему сердцу*!» вы и тутъ можете сказать, что будто это все тоже, что *ближе, ближе къ моему карману!*

Нынче такъ полюбили чужіе карманы, что не только шарятъ, но даже *путешествуютъ по карманамъ.*

Что значитъ: *карманныя деньги, карманная книжка, карманные часы* — извѣстно всякому.

Карманная чахотка также извѣстна многимъ; она есть слѣдствіе общаго обыкновенія *жить не по карману.*

Полемическое *битье по карманамъ*, съ критиками и антикритиками, напечатанное нѣкогда въ разныхъ журналахъ, было, просто, желанье перемѣстить въ свой карманъ чужихъ подписчиковъ.

Мнѣ обѣщано, и *это какъ въ карманѣ*, говоритъ легковѣрный; *держи карманъ*! отвѣчаетъ ему опытный.

Сначала мнѣ казалось страннымъ, почему у насъ говорится: *дѣло въ шляпѣ*, тогда какъ всякое дѣло не столько зависитъ отъ шляпы, сколько отъ кармана. Сообразивъ однако-жъ объемъ дѣлъ, изъ которыхъ ни одно въ *карманъ не уляжется*, выходитъ, что принятое выраженіе гораздо лучше и правильнѣе. Эта поговорка: уложивъ дѣло въ шляпу и оставивъ васъ простоволосымъ, аллегорически намѣкаетъ вамъ о слѣдствіяхъ процес-

совъ, послѣ которыхъ дѣйствительно тогда *не чѣмъ прикрыть голову.*

СЕМЬ.

(По-арабски 7, по-римски VII)

Вообразите, я перебралъ, перепортилъ шесть мячиковъ! Беру семьмой.... чудесно! слово числительное, небывалое, *семька попробуемъ.*

Правда, что число семь дурной дѣлитель, но что за дѣло, если дѣлить нѣчего.

Всего хуже то, что оно не имѣетъ никакихъ перифразъ; какъ ни верти, какъ ни перебрасывай, все семь, да семь, а это очень не выгодно для мячика.

Семью семь, однако-жъ составляютъ 49, то есть годъ, предшествующій всякому 50-ти лѣтнему юбилею.

Въ древности іудейской и во времена язычества число семь играло чрезвычайно важную роль.

Іудейскій *шабашъ* значилъ *седьмой день* или день покоя.

Семь было таинственнымъ числомъ магиковъ и астрологовъ. Посредствомъ его они призывали духовъ и заставляли ихъ кудесничать.

Въ философской ариѳметикѣ Пиѳагора, послѣ

мистическихъ единицъ 1-хъ, 3-хъ и 4-хъ, число 7 е занимало 4-е мѣсто.

Вѣрованіе въ таинственность этого числа перешло ко всѣмъ народамъ.

Такимъ образомъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ мы видимъ *семь книгъ*: 1) книга Судей, 2) книга Царствъ, 3) книга Пророковъ, 4) книга Премудростей, 5) книга Моисея, 6) Псалтирь и 7) Экклезіаста.

Въ нихъ говорится *о 7 трубахъ, о 7 свѣтильникахъ, о 7 духахъ, о 7 ангелахъ.*

Премудрость созда себѣ домъ, сказалъ царь Соломонъ, и *утверди столповъ его седмь.*

Новый Завѣтъ заключаетъ въ себѣ также 7 книгъ: 4 Евангелія, Дѣянія Апостоловъ и въ 7-хъ Апокалипсисъ.

Число семь вошло даже въ догматы и обряды христіанскіе. Такимъ образомъ, мы вѣруемъ въ *семь таинствъ*, считаемъ *семь Даровъ Духа Святаго, семь церквей апостольскихъ, семь псалмовъ покаянія, семь грѣховъ смертныхъ.*

Господи! сказалъ Апостолъ Петръ Спасителю: сколько разъ долженъ я прощать брату моему, если онъ погрѣшитъ противъ меня — *прощать ли ему до семи разъ?*

Не говорю тебѣ до семи разъ но *до семижды семидесяти разъ*, отвѣчалъ Спаситель

А *семь хлѣбовъ*, которыми Онъ накормилъ тысячи народа въ пустынѣ Галилейской.

Сонъ Фараона, разгаданный Іосифомъ, о 7 годахъ голодныхъ, о 7 изобильныхъ, представлялъ 7 колосьевъ и 7 телицъ тощихъ и упитанныхъ.

Число семь, десятерично взятое, напоминаетъ намъ о числѣ Учениковъ Христовыхъ, которыхъ было *семдесятъ*.

Западная Церковь, по числу этихъ Учениковъ, имѣетъ 70 кардиналовъ.

70 *Толковниковъ* переводили Священное Писаніе.

Было *семь Вселенскихъ Соборовъ*.

Семь ѳивскихъ вождей.

У Грековъ считалось *семь мудрецовъ* и *семь чудесъ на свѣтѣ*.

Не ихъ ли Архипелагъ красуется *семью Іоническими островами?*

Римъ, этотъ живой музеумъ древности, по числу своихъ холмовъ, называется *Семихолмнымъ*.

Даже невѣрные, и тѣ, изъ уваженія къ своему седьмому небу, построили *Семибашенный замокъ*.

Седьмое небо, по словамъ Корана, выше серебрянаго, золотаго, алмазнаго, изумруднаго, кристальнаго и огненнаго. Птоломей считалъ 10 небесъ, астрологи 11, Кеплеръ и Ньютонъ сочли ихъ всѣхъ вѣрнѣе.

Семилѣтняя война была вѣнцомъ политики, стратегіи и славы Фридриха Великаго.

Наполеонъ въ своихъ запискахъ сказалъ: что на свѣтѣ было только *семь знаменитыхъ полководцевъ*. *

Увѣряютъ, что въ симпатическихъ лекарствахъ

---

* Александръ Македонскій, Аннибалъ, Юлій Кесарь, Густафъ Адольфъ, Тюрень, Евгеній Савойскій и Фридрихъ II.

и заговорахъ, особенно при новолуніи, число семь играетъ чисто-волшебную роль.

И въ самомъ дѣлѣ, оно встрѣчается на каждомъ шагу.

Недѣля или *седмица* имѣетъ семь дней.

Семь недѣль Великаго Поста.

Семикъ, то есть четвергъ отъ Пасхи.

Есть даже *семиковые* или *семицкія пѣсни.*

До *семи лѣтъ* человѣкъ считается младенцемъ.

До новыхъ семи, то есть до 14 — отрокомъ.

Въ семнадцать лѣтъ онъ вступаетъ въ управленіе своимъ имѣніемъ.

Три *раза* 7-ю составляютъ 21, то есть годъ его совершеннолѣтія.

Если мы обратимся къ наукамъ, то увидимъ, что и тутъ мистическое слово семь, какъ тѣнь, преслѣдуетъ человѣка, начиная съ русской азбуки.

Въ ней *семь гласныхъ.*

Въ музыкѣ *семь нотъ въ октавѣ.*

Въ математикѣ *семь алгебрическихъ дѣйствій.*

Въ механикѣ *семь простыхъ машинъ.*

Въ физикѣ *семь источниковъ теплоты, семь радужныхъ цвѣтовъ.*

Моряки считаютъ *семь морскихъ вѣтровъ* *, *семь парусныхъ веревокъ.*

* 1 штиль, 2 бомъ-брамсельный, 3 брамсельный, 4 марсельный, 5 рифъ-марсельный, 6 унтерзейль и 7 штормъ.

Самое замѣчательное созвѣздіе, Большая Медвѣдица, имѣетъ *семь звѣздъ* второй величины.

Малая Медвѣдица, съ своей Полярною Звѣздою, и Оріонъ, съ своими 3 Царями, составляютъ также *семизвѣздныя созвѣздія*.

Семь звѣздъ кавалерскихъ 1-хъ степеней составляютъ итогъ императорскихъ и царскихъ орденовъ Россійской имперіи.

Извѣстно, что великая и славная Россія прилегаетъ *къ семи морямъ*.

Она имѣла *семь царей* *.

Она имѣла *семь императоровъ*.

Для нихъ въ Петербургѣ *семь дворцовъ*.

Для насъ, въ Россіи *семь университетовъ*.

Знаете ли вы, что матушку-Москву, этотъ русскій Римъ, называютъ также *Семихолмною*?

Семибоярщина, то есть, дума изъ семи бояръ правила Россіею во время междуцарствія.

Что она правила дурно, въ этомъ свидѣтельствуютъ пословицы того времени:

Изъ семи печей хлѣбы ѣдалъ.
У семи пастуховъ не стадо.
У семи нянекъ дитя безъ глазу.
Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ.
Семеро одного не ждутъ.

---

* 1) Іоанна Грознаго, 2) Ѳеодора Іоанновича, 3) Бориса Годунова, 4) Василія Шуйскаго, 5) Михаила Ѳеодоровича, 6) Алексѣя Михайловича, 7) Ѳеодора Алексѣевича.

Я думаю, что даже сказку «*О братьяхъ семи Симіонахъ*» можно отнести къ тому же времени.

Другая сказка, подъ заглавіемъ «*Семиглавый змѣй Горыничъ*» еще интереснѣе.

Пословица, *семь пятницъ на недѣлѣ*, составилось прежде. Она относится не столько къ непостоянству и нерѣшительности, сколько къ лишнимъ праздникамъ, на недостатокъ въ которыхъ и теперь нельзя пожаловаться.

А русскія загадки и заговоры?

Загадать ли тебѣ, дѣвица, *семь загадокъ*?

Загадай ты, сынъ гостиной, хоть десятокъ.

Стоитъ мостъ
На семь верстъ;
На мосту столбъ,
На столбу цвѣтъ
Во весь свѣтъ.

А знаете ли вы, какъ старинные знахари помыкали вѣдьмами?

«Ты, злая вѣдьма кіевская, вели своему ворону слетать подъ море Хвалынское, въ мѣдный домъ, заклепать змѣя огненнаго, достать *семипудовой ключъ*.»

Натурально, что съ такимъ ключемъ не мудрено было имъ кудесничать. Послѣ этаго заговоръ *съ семи песковъ*, съ глаза и урока, казался бездѣлкою.

Чародѣи съ семипудовымъ ключемъ входили въ *Семибашенный домъ* и замыкали свои заговоры

семьюдесятью семью замками и *семьюдесятью семью цѣпями* *.

Въ старину русской народъ лакомился лукомъ, говоря, что онъ *лечитъ семь недуговъ.*

Нынѣшняя настойка 49 *здоровей* должна быть *въ семь разъ дѣйствительнѣе.*

Въ пятомъ колѣнѣ мы женимся; *въ седьмомъ колѣнѣ* родство вовсе прекращается. Это ужъ не родство, *это седьмая вода на киселѣ*, какъ говорится.

Поговорка *ѣхать семь верстъ киселя ѣсть,* значитъ ѣхать чортъ знаетъ куда и чортъ знаетъ зачѣмъ.

Семидневный срокъ положенъ у насъ на объявленіе о недѣйствительности какого-либо акта.

Семерикъ тоже, что семь четвериковъ.

Русскія *семь верстъ составляютъ* нѣмецкую милю.

Семь футовъ составляютъ русскую сажень.

При семи футахъ прибылой воды Петербургъ начинаетъ тонуть. Въ это время каждыя четверть часа стрѣляютъ по два раза изъ Адмиралтейства и Крѣпости.

Седьмаго Ноября 1824 *года* мы чуть совсѣмъ не потонули.

---

* Сказан. русск. народа г. Сахарова, томъ 1, о русскихъ чернокнижникахъ, стр. 72.

Есть городъ Симипалатинскъ *, есть форпостъ Семіярскъ.

Высокоблагородный седьмой классъ, по табели о рангахъ, составляетъ ровно середину между 1 и 14.

Двѣ седьмыхъ серебрянаго рубля составляютъ ровно 1 рубль ассигнаціонный, по нынѣшнему счету.

Виноватъ! я позабылъ *семипольное* хозяйство, котораго плоды такъ очевидны.

А *семерка*, которая кроетъ шестерку и ложится подъ осмерку.... кто жъ ее не знаетъ?

Наконецъ замѣтимъ, что таинственное число 7 въ нашемъ XIX столѣтіи дѣлитъ на ровно только слѣдующіе годы:

2806, 1813, 1820, 1827, 1834, 1841, 1848 и *еще семь другихъ*.

Взгляните на прошедшее, и вы увидите:

Въ 1806 году первое бореніе Русскихъ съ Наполеономъ.

Въ 1813 Русскіе на Рейнѣ.

Въ 1820 возстаютъ Греки.

Въ 1827 Русскіе за Араратомъ.

Въ 1834 году открыта колонна въ честь подвиговъ Александра Благословеннаго.

Въ 1841 году совершено высокоторжественное бракосочетаніе Государя Цесаревича Наслѣдника.

* * *

---

* Названіе этого города взято отъ развалинъ храма *Семипалатъ*, открытыхъ при Петрѣ I, въ Сибири на рѣкѣ Иртышѣ.

Будущаго мы не знаемъ: *что будетъ, то будетъ*, а *будетъ то, что Богъ дастъ*!

Итакъ — конецъ моей *семіадѣ*.

—

ГОЛОВА.

Странно!... Я перебилъ столько мячиковъ и досихъ поръ не пришло въ голову.... какъ вы думаете, что такое? именно слово *голова*, которая какъ мячикъ, набита всякой всячиной.

Голова всему начало. Это резиденція ума и чувствъ человѣческихъ. Это ужъ совсѣмъ не то, что рука, нога или другая какая нибудь часть тѣла, безъ которой никакъ не обойдешься. *У насъ одна голова на плечахъ*, а безъ головы куда жъ денешься?

Вотъ почему всякій долженъ *беречь* и *образовывать голову*.

Разумѣется, мѣра образованія, мѣра природныхъ способностей, примѣръ, свойства и наклонности человѣческія чрезвычайно разнообразятъ головы.

Свой умъ царь въ головѣ; что голова, то разумъ, или *сколько головъ, столько и умовъ*, говорятъ пословицы.

Этотъ человѣкъ *не безъ головы*; *онъ съ головой*; *что за голова! ай да голова!* говорятъ про умнаго.

Иной кутитъ *очертя голову; это сорви-голова*, ему *не сносить головы* навѣрно.

Есть головы чрезвычайно тупыя, чрезвычайно пустыя. Есть *голова сахарная*.

Есть *голова — колпакъ*.

У инаго *голова набита соломой*, у другаго *на головѣ пухъ, въ головѣ перья*.

Голова съ пивной котелъ была у дѣдушки Митрофана Терентьевича Скотинина *. Однажды онъ съ похмѣлья такъ стукнулся о притворню, что не взвидѣлъ свѣту Божьяго; а очнувшись, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

По примѣру головы, господствующей надъ человѣкомъ, и все господствующее надъ чѣмъ-нибудь другимъ называется также *главою* или головою.

Такимъ образомъ: Спаситель есть *глава Церкви*, государь — глава царства, отецъ — глава семейства.

Есть *голова городской, голова сельской*.

Въ старину существовали головы: *стрѣлецкій, письменный, пушкарской, соляной, таможенный* и даже *кабацкій*.

Выдать головою должника или обидчика, значило отдать его въ полную волю заимодавцу или оскорбленному.

Выраженія: *болитъ голова, голова кружится, вертится, бить объ стѣну головою, сломить го-*

* Недоросль, комедія Фонъ-Визина.

лову, слишкомъ извѣстны, чтобъ объ нихъ распространяться

Въ сухопутномъ войскѣ каждый батальонъ имѣетъ свою голову.

«*Головы батальоновъ впередъ на линію!*»

Наши храбрецы любятъ бить въ *головѣ колонны*; не любятъ только, чтобъ имъ *сажали на голову*.

Они для защиты матушки-Россіи, что доказалъ 1812 годъ, рады были не только служить ей *поголовно*, но рады были за нее *положить головы*.

Въ частности, я совѣтую вамъ: *не задирать голову* — это знакъ чванства.

Совѣтую *не ломать голову* попустому, какъ я напримѣръ, подъ своимъ *головоломнымъ* мячикомъ.

Если бѣдному *не чѣмъ прикрыть, не куда преклонить головы*, пособите ему, это доброе дѣло.

«*Добрая голова сто головъ кормитъ*» говоритъ пословица.

Въ дѣлѣ чести, въ дѣлѣ тайны государственной вы должны *отвѣчать головою*.

Если кто провинится немного, *вымыть* ему *голову*—и все кончено.

Не мудрено голову срубить, мудрено приставить.

Если сами провинитесь.... не сваливайте съ больной *головы на здоровую*; лучше, по-старинному, явиться *съ повинной*.

«*Повинную голову и мечъ не сѣчетъ.*»

—

ШЕЯ.

Что-то заревѣло на улицѣ, я броеился къ окну и, какъ журавль, *вытянулъ шею.*

Толпа людей тащила связаннаго человѣка. По-*шеямъ* его! по-*шеямъ!* кричали проходящіе.

Намылить, путемъ *наколошматить ему шею*, кричали другіе.

Въ будку, въ будку, на *ошейникъ* мошенника! кричали третіе.

Это маленькое полицейское происшествіе заключалось въ томъ, что какой-то шутникъ нечаянно сдернулъ *шейный платокъ* съ проходящей жен щины.

Бѣдная шея! подумалъ я: какъ часто тебѣ достается.

Не смотря на это, *сломать шею* никому не хочется.

Дознано, что *шея гибкая* самая выгодная, что *длинная* прочнѣе *короткой.*

Что *мірская шея толста*, это утверждаетъ пословица.

По близкой связи съ головою, шея пользуется исключительными привилегіями.

Мужчины украшаютъ свою орденами; женщины... не безпокойтесь, жемчугомъ и алмазами; онѣ знаютъ, что выбрать.

Мужчины, по привычкѣ, всегда *закутываютъ шею:* женщины совершенно ее раскутали.... имъ всегда жарко, моимъ красавицамъ!

И что за прелесть, въ самомъ дѣлѣ, *женская шейка*?

Есть даже чрезвычайно *вкусныя шейки!* Ради Бога не подумайте, чтобъ я смѣлъ относить это къ женскимъ шайкамъ, — какъ это можно! я говорю, вкусныя шейки, въ смыслѣ гастрономическомъ.

Навязываться кому бы ни было *на шею*, ни кому не совѣтую.

Навязать на шею легко; но *съ шеи долой* — вотъ это самое трудное.

—

СТОЛЪ.

Я вхожу *въ столовую*: *столъ накрытъ*; я *сажусь за столъ*, и въ продолженіе всего обѣда пресерьёзно разсуждаю о пользѣ и необходимости этой домашней утвари.

Послѣ стола я совершенно убѣдился, что на сколькихъ бы онъ ни былъ ножкахъ, круглый ли, овальный, четыреугольный, многоугольный, изъ какого-бъ ни былъ онъ дерева, съ какими бы ни былъ затѣями, словомъ, всякій столъ есть, конечно, одна изъ первѣйшихъ потребностей домашней и общественной жизни.

Лишь только проснешься и первая мысль: гдѣ обѣдать? или узнать: *что къ столу готовится*?

Хорошо, кто *не держитъ стола* дома.

Всего лучше тому, кто получаетъ *столовыя деньги.*

За то каково тѣмъ, у кого *столъ открытый?*

Вообще, нынче *столъ дорогъ* и *давать столы* чрезвычайно накладно.

Такимъ образомъ, распорядясь на счетъ стола, вы идете въ кабинетъ и обращаетесь къ столу *письменному*; черезъ часъ, черезъ два, васъ везутъ къ присутственному; вы проходите *столы канцелярскіе, секретарскіе;* скоро летите *къ обѣденному*; послѣ обѣда бросаетесь *къ карточному;* иногда подходите *къ чайному* и въ послѣдній разъ наѣдаетесь *за вечернимъ.*

Ясно, что *у стола и за столомъ* проходитъ большая половина нашей жизни.

Говорятъ, что мы объѣдаемся; но что значитъ наша невоздержность въ сравненіи съ прародительскою!

Взгляните на трапезу древнихъ, и вы ужаснетесь. Въ патріархальныя времена угощали, напримѣръ, не меньше, какъ цѣлымъ жаренымъ быкомъ. Мало этого: Гомеровскіе греки на прикладъ къ быку прибавили огромную свинью и полдюжины барановъ. Римскій императоръ Луцій, достойный братъ Вителлія, выставилъ однажды на *банкетный столъ* девять тысячъ блюдъ, мясныхъ и рыбныхъ.

После такихъ примѣровъ обжорства истинно не знаешь, что подумать?....

Говорятъ, что мы пьянствуемъ; но такъ ли пивали дѣды, такъ ли пивали древніе?.... Что зна-

читъ рюмка въ сравненіи *съ застольнымъ кубкомъ?*

Греки пили за здоровье каждой изъ трехъ грацій, каждой изъ девяти музъ, каждой литеры, составлявшей имя какой-нибудь прелестницы!

Нѣтъ, воля ваша, это ужъ не по-нашему; нѣтъ, это, просто, на убой, на-поваль, прямо подъ столъ.... если не хуже.

Я нахожу, что обыкновенье — класть на столъ покойниковъ, чрезвычайно поучительно. Оно, какъ бы указывая на жертву, на орудіе и на самое мѣсто преступленія, говоритъ каждому изъ предстоящихъ: «Мм. Гг. еще два, три сытныхъ обѣда, еще пять, шесть добрыхъ здоровій — и съ вами будетъ тоже самое.»

—

ПАЛКА.

Сегодня вмѣсто мячика я *взялъ палку*, чтобъ вертѣть ею во всѣ стороны.

Подъ палкой мы обыкновенно разумѣемъ кусокъ дерева, довольно тонкій, длинный, круглый и нѣсколько конической формы, то есть, въ низу тоньше, къ верху толще.

Палка, трость, жезлъ, посохъ и славянскія палицы и батоги означаютъ почти одно и тоже, то есть, тѣже палки съ нѣкоторою только разницею въ длинѣ, толщинѣ и набалдашникахъ.

Трость натуральная есть палка изъ камыша и бамбука.

Трости и палки обыкновенно́ носятъ толстымъ концемъ къ верху, тонкимъ къ низу.

Одинъ Геркулесъ свою палку или палицу носилъ иначе, совсѣмъ на оборотъ, то есть, тонкой конецъ онъ держалъ въ рукахъ, а толстый опускалъ къ низу, чтобъ удобнѣе колошматить встрѣчнаго и поперечнаго.

Обыкновеніе *носить палку* и *бить палками* восходитъ до самой отдаленной древности.

Прежде всего носили палки тростниковые.

Гезіодъ разсказываетъ, что точно въ такой палкѣ баснословный Прометей похитилъ съ Олимпа огонь небесный.

Палка въ рукахъ Плутона означала эмблему старшинства и власти.

Вѣроятно по этой эмблемѣ господа древніе философы всегда путешествовали съ палкой и котомкой за плечами.

Чтецы и толкователи Гомера имѣли *палки красныя и желтыя.* — Кто хотѣлъ слушать Иліаду, звалъ красную, для Одиссеи, звалъ желтую палку.

Извѣстно, что римскіе консулы носили палки изъ слоновой кости.

Преторъ — носилъ золотую.

Всѣ лица высшаго духовенства, какъ пастыри стада христіанскаго, носятъ посохи.

Господа военные, до нынѣшняго столѣтія, так-

же носили палки; нынче они остались только у тамбуръ-мажоровъ и на палочномъ *караулѣ*.

Бóльшая часть людей, какъ слѣпцы, не могутъ обойтися безъ палокъ.

Съ ребячества они *ѣздятъ верхомъ на палочкѣ*, учатся *изъ-подъ палки*, щеголяютъ съ палочкой, *заходятъ въ Палкинъ и играютъ въ палки*.

Палки, въ прямомъ смыслѣ слова, бываютъ очень дорогія и прихотливыя.

Палка Бальзака, стоившая 10 т. франковъ, была самая дорогая.

Дубина Петра I-го была самая дѣйствительная.

—

УШИ.

Слушайте-жъ въ оба, а не такъ, чтобъ *въ ухо впустить, въ другое выпустить*.

Вы вступаете въ свѣтъ, *держите ухо остро*.

Иной пріятель *въ ухо влезитъ, въ другое вылезитъ*.

Не все вслухъ, чаще *на ухо!*

Многіе не стыдятся даже *смотрѣть и жить ушами*.

Они рады Богъ знаетъ что *надувать въ уши*.

Мало ли что можетъ *дойти до ушей*, не вѣрьте всякому слугу.

Будьте чутки на добро и *туги или крѣпки на ухо*, на все дурное.

Иногда даже можно имѣть *завѣшенныя уши*, только не золотомъ.

Не стыдитесь *покраснѣть до ушей* — это знакъ совѣсти.

Музыканту нужно *вѣрное ухо*, фальшивое *деретъ ухо*.

Что значитъ *шумитъ*, *звонитъ*, *трещитъ въ ушахъ?* — это вы испытаете въ первой оперѣ.

Всего больше берегитесь.... вы думаете *ознобить* или *отморозить уши?* совсѣмъ нѣтъ, берегитесь *влюбиться*, а всего хуже *задолжать по уши*.

Мой совѣтъ годится для молодежи обоего пола, съ маленькой разницей только въ томъ, что дѣвушка наровитъ какъ бы скорѣе *продѣть ухо*, а мальчикъ, какъ-бы *перо за ухо*.

Часто, очень часто отъ того, что слышимъ, *вянутъ уши*, а все-таки по любопытству человѣческому хотимъ слушать.

Нынче въ магазинѣ Юнкера, для крѣпчихъ на ухо, продается чудесная машинка.

Такъ называемое *ухо тирана Галикарнасскаго* было устроено еще хитрѣе; посредствомъ елипсоидальныхъ сводовъ, онъ, не выходя изъ чертоговъ своихъ, могъ слышать *своими ушами* стоны и жалобы заключенныхъ страдальцевъ.

Признаюсь, такое ухо стоило добраго *наушника*.

ВОДА.

Надобно удивляться, что со временъ Аристотеля до конца XVIII столѣтія, древніе ученые почитали воду стихіею, тогда какъ она передъ глазами каждаго разлагается разными способами.

Пусть вода и не стихія, но конечно между всѣми жидкостями въ природѣ, она, неоспоримо и по количеству и по пользѣ занимаетъ первое мѣсто; это въ числѣ элементовъ, *алмазъ первой воды.*

Безъ воды, какъ безъ воздуха, нѣтъ жизни.

Вода производитъ разнородныхъ рыбъ, амфибій, жемчугъ, янтарь, перламутъ, соль, сталактиты, кораллы и всевозможныя раковины.

Обращенная въ пары, она образуетъ облака, разрѣшается дождемъ, освѣжаетъ воздухъ, плодотворитъ землю. — Стремленіе воды самый подручный и дешевый двигатель. — Разогрѣтая, до извѣстной степени, она образуетъ еще сильнѣйшаго двигателя, что мы видимъ въ паровыхъ машинахъ; наконецъ она составляетъ одно изъ первѣйшихъ украшеній природы.

Безъ воды нѣтъ ландшафта; что величественнѣе теченія большій рѣки и что поразительнѣе бушующаго моря?

Послѣ такого вступленія, вы, можетъ-быть, подумаете, что я пишу похвальное слово водѣ? Совсѣмъ нѣтъ, выпивъ сегодня натощакъ стаканъ холодной воды, что очень здорово, мнѣ пришло въ голову обратить ее въ литературный фонтанъ и позабавиться, *какъ рыба въ водѣ*, перифразами.

Вода, какъ все достойное и великое, имѣетъ своихъ враговъ: это огонь и холодъ.

Въ массѣ она сильно имъ противоборствуетъ, но въ частностяхъ, отъ перваго—*вода испаряется*, отъ втораго — *вода мерзнетъ*.

14 литръ воды при замерзаніи составляютъ 15.

Ясно, что при этомъ переходѣ вода увеличиваетъ свой объемъ и вотъ почему сосудъ, наполненный водою, при замерзаніи ея лопается.

Не хорошо, дурно, что вода позволяетъ вѣтру слишкомъ ворочать собою. Не правда-ли, что это *какъ двѣ капли воды* похоже на страсти человѣческія?

О водахъ минеральныхъ, искусственныхъ и говорить нѣчего; польза ихъ испытана и доказана. — Даже *простая холодная вода*, какъ естественное наше лѣкарство, начинаетъ разыгрывать чрезвычайно важную роль въ медицинѣ. — Увидите, что она скоро затопитъ аптеки.

Мнѣ кажется.... что она затопила даже нашу литературу, въ которой видима водяность.

Одинъ извѣстный гидріатрикъ написалъ цѣлую книгу о способахъ лечить холодною водою.

Правда, эта мысль не новая; докторъ Санградо также лечилъ водою. — Онъ ошибся въ температурѣ, совѣтуя пить теплую.

Кипяточная вода нездорова—въ ней мало воздуха. — Тутъ есть и другая неудобность.... можно обжечься, но это не бѣда: *обжегся на молокѣ, будетъ дуть и на воду*.

О живой и мертвой водѣ мы имѣемъ слишкомъ темныя преданія.

Святая вода извѣстна каждому.

Обрядъ очищенія водою предписывался закономъ Моисея.

Испытаніе водою и огнемъ въ вѣка невѣжества называлось Судомъ Божіимъ.

Для шаткаго челнока нашего нужна *вода вѣшняя, прибылая.* — Вода спадетъ и вы сѣли на мель.

Правда, что *въ полую воду топитъ лужа,* но должно быть осторожнымъ.

Бойтесь *стоячей воды: въ тихомъ омутѣ черти водятся,* говоритъ пословица.

Лжеца и обманщика не грѣшно *вывести на чистую воду.*

Правда, онъ *изъ воды сухъ выйдетъ,* но все-таки проучить не мѣшаетъ.

Если мой литературный фонтанъ надоѣлъ.... что-жъ за бѣда! *я пишу слова на водѣ — и концы въ воду.*

—

ОГОНЬ.

Огонь! берегитесь.

Чудесная стихія! разсѣянная въ тончайшихъ видахъ во всей природѣ, она свѣтитъ, грѣетъ и жжетъ.

Пока физическія науки не подраздѣлили ее на свѣтъ, теплотворъ и электричество, всѣ эти начала

въ совокупности взятыя, почитались древними философами за символъ Божества, за первый источникъ жизни и движенія природы.

Свѣтъ солнца, сказалъ Зороастръ: проистекаетъ отъ свѣта Божія, но въ сравненіи съ нимъ, солнце есть только самый слабый отблескъ Божественнаго сіянія.

И дѣйствительно, никакое физическое явленіе не можетъ великолѣпнѣе солнца свидѣтельствовать о величіи Божіемъ.

И что мудренаго послѣ этого, что люди, не знавшіе истиннаго Бога, покланялись солнцу.

И право не мѣшаетъ задобривать эту грозную стихію. — Мысль, что земной шаръ нашъ, на которомъ замѣчается постепенная убыль морскихъ и рѣчныхъ водъ, можетъ сдѣлаться добычей огня, который видимо беретъ перевѣсъ, есть мысль совсѣмъ не новая: о ней упоминается даже въ Священномъ писаніи.

И такъ, *будьте осторожны съ огнемъ.*

Высѣчь огонь легко, *потушить огонь* очень трудно.

Вы молоды — *вы огонь.*

Молодость поджечь не трудно.

За охотниками поджигать дѣла не станетъ.

Прекрасныя поджигательницы еще опаснѣе; имъ мало того, чтобъ поджигать, онѣ жгутъ рѣшительно.

Если вы писатель, не бойтесь огня.

Если вы актеръ, *играйте съ огнемъ..*

Безъ огня все вяло, *съ огнемъ* все живо.
Огни самые веселые, это *огни потѣшные*.
«Неблагодарная! вокругъ себя взгляни.
«Чьимъ пламенемъ горятъ потѣшные огни?»
Или: «Тушите всѣ огни, они меня сжигаютъ!»
(Ком. Липц. воды)

Изъ огней самые жестокіе.... это *антоновъ огонь* и *огонь геенскій*. — Первый, по крайней мѣрѣ, кончится съ жизнію, но послѣдній — *огонь вѣчный*, одна изъ ужаснѣйшихъ мукъ адскихъ.

Само собою разумѣется, что не дай Богъ никому «ввержену быть въ огонь геенскій.»

Вы давно служите въ военной службѣ — и вѣрно *были въ огнѣ?*... по этому вы знаете, что значитъ *бѣглый огонь* и какъ трудно его выдержать.

Знаете, что все *предавать огню* и *мечу* не дѣлаетъ славы.

Что за Царя надо быть готовымъ *въ огонь* и *въ воду*.

И что Русскіе — *огня не боятся*.

—

ВОЛОСА.

Разсматривали-ль вы когда нибудь въ микроскопъ волосъ человѣческій? если нѣтъ, не смотрите, въ этомъ мертвомъ трубчатомъ волоскѣ вы не найдете ничего хорошаго.

Загляните лучше, если можете, въ теремъ Русской красавицы, въ то время, когда у ней расчесываютъ и убираютъ русую косу, какіе волоса, какая длина, какой цвѣтъ, какой лоскъ, какая прелесть!

Вотъ что значитъ точка зрѣнія. Не только вещи, даже люди, глядя потому, откуда и какъ вы ихъ разсматриваете, кажутся намъ то лучше, то хуже, то крупнѣе, то мельче.

Взгляните на подножія вертограда, имянуемаго табель о рангахъ, на высоту особъ первоклассныхъ, и вы ужаснетесь.

Есть такія человѣческія инфузоріи, которыхъ и въ микроскопъ не увидишь.

Цвѣтъ волосъ черный, русый, бѣлокурый показываетъ съ перваго взгляда холерика, сангвиника, флегматика. — Самое качество волосъ, ихъ густота, мягкость, жесткость, курчавость, кудрявость, вихреватость, точно также означаютъ свойства человѣка.

Бѣлые, какъ снѣгъ волоса, отличаютъ Альбиносовъ.

Шлегель написалъ объ нихъ цѣлую диссертацію.

Древніе имѣли къ волосамъ особенное уваженіе; греческіе отроки посвящали ихъ Аполлону, Геркулесу и Эскулапу, дѣвицы — Діанѣ и паркамъ.

Роскошные и развратные Римляне поступали иначе: они носили бѣлокурые парики и посыпали волоса золотой пудрой.

Народы патріархальные — *отпускали волосы*; росвѣщенные — *ихъ остригли*.

Остричься подъ гребенку — это верхъ про-вѣщенія.

Изъ европейскихъ народовъ никто такъ упорно не хватался за волосы, какъ предки наши.

Право *волосъ становится дыбомъ*, когда по-умаешь, чего стоило Петру Великому обрить имъ бороды.

Они думали, что безъ бороды и въ рай не устятъ.

Брей да не зарежь! кричали они въ одинъ го-осъ.

И тѣже чудаки изъ зависти, зачѣмъ женскіе олоса лучше и длиннѣе мужскихъ, придумали ословицу:

Что будто у женщинъ *волосъ длиненъ, да умъ оротокъ*.

Выраженіе *опростоволоситься*, т. е. обнажить олову, что въ старину считалось неприличнымъ, оже придумано на счетъ женщинъ.

Не смотря однакожъ на упорство и насмѣшки, еликороссійская борода и малороссійскій чубъ римѣтно рѣдѣютъ.

Тотъ, у кого показалось много бѣлыхъ волосъ, азывается сѣдымъ, у кого мало волосъ — лы-ымъ вовсе безволосый — плѣшивымъ. — Первый расить волосы, послѣдніе недостатокъ волосъ за-ѣняютъ такъ называемыми хохлами, тупеями, урами и цѣлыми париками.

Всчесать или *взъерошить* можно всякой тупей

натуральный и искуственный. — Нынче волосъ разстрепанныхъ почти не видно, не отъ того, чтобъ перестали *драть* за *волосы*, но потому, что разчесывать, причесывать, завивать, прибирать *волосокъ* къ *волоску*, заплетать и холить это прекрасное растеніе, по множеству парикмахеровъ, ничего не стоитъ.

Само собой разумѣется, что отъ волоса произошли волосяный и волосяное.

Волоскомъ въ карманныхъ часахъ называется тонкая, на подобіе волоса, пружина, уравнивающая ходъ часовъ.

Волосяницей — одежда тружениковъ.

А задать добрую волосянку? «Станемте, братцы, волосянку тянуть, а кто не дотянетъ, того за волосы драть!»

А пословица: *снявъ голову по волосамъ не плачутъ*?

Ну что жъ.... скажите откровенно: понравились ли вамъ прыжки моего мячика?

О, чрезвычайно! но вашъ мячикъ *виситъ на волоскѣ*, а вы знаете, гдѣ тонко...

Понимаю, гдѣ тонко, тутъ и рвется, хотите вы сказать.

Это ужасно! если такъ, Богъ съ вами, нѣтъ пощады *ни на волосъ*!

—

ЧАСЫ.

Который часъ? еще очень рано; тѣмъ лучше, можно поиграть въ мячики, это *часовое дѣло.*

Извѣстно, что часъ составляетъ 24-ю часть сутокъ.

У древнихъ египтянъ и грековъ было иначе: у нихъ сутки раздѣлялись только на 12 часовъ. Съ нынѣшними 24 часами римляне познакомились не прежде 1-й пунической войны, а до тѣхъ поръ время считалось съ восхожденія и захожденія солнца. — Даже и теперь, во многихъ мѣстахъ Италіи, часы считаются не съ полудня и съ полуночи, а съ того времени, какъ солнце скроется. Такимъ образомъ 24 й часъ есть всегда часъ солнечнаго заката; послѣ него идетъ 1, 2, 3, 13 17 и такъ далѣе по порядку до 24-го.

Живописное воображеніе древнихъ, олицетворивъ часы, помѣстило ихъ на Олимпъ, съ пожалованіемъ въ богини. — Овидій представлялъ въ чертогахъ солнца иногда въ группѣ, а иногда по одиначкѣ въ ровномъ *шестидесяти минутномъ* разстояніи одинъ отъ другова.

Эта мысль была не новая; Гомеръ, гораздо прежде латинскаго поэта, назвалъ часы сподвижницами и ступенями солнца.

Гезіодъ и Апполодоръ называли ихъ дочерьми Юпитера и Ѳемиды.

По словамъ Павзанія, часы имѣли даже храмъ въ Афинахъ и вмѣстѣ съ парками аллегорически вѣнчали чело Юпитера.

И въ самомъ дѣлѣ, если подумать серьёзно — что можетъ быть дороже часовъ, которыми мы мѣряемъ дни, мѣсяцы и годы кратковременной жизни нашей?

Но дорожимъ ли мы часами? скажите откровенно.

Если бы спросить у иныхъ, *въ которомъ часу они встаютъ и ложатся?*

А если бы спросить: *что и въ которомъ часу они дѣлаютъ?*

Правда, часы повсюду въ карманахъ, караульняхъ, въ каждомъ присутствіи, на каждой башнѣ. Часы есть всяческія: съ боемъ, съ курантами, съ музыкой, чортъ знаетъ съ какими штуками и затѣями, часы карманные, стѣнные, городскіе, солнечные, даже песочные... все такъ, все это очень хорошо, но что-жъ это доказываетъ? По моему, это показываетъ только, что мы съ часами, но *имѣть часы не значитъ дорожить часами.*

Мало-ли что мы должны имѣть по необходимости.

Какимъ-бы образомъ, напримѣръ, безъ часовъ *идти на часы? стоять на часахъ и смѣниться съ часовъ?*

А часъ развода? а *часъ присутствія*, въ который прибыть, въ который выбыть? *а часъ адмиральскій*, а *часъ обѣда!*... да помилуйте, кто жъ при этомъ на часы не посмотритъ.

Множеству часовъ удивляться нечего въ Неаполѣ, гдѣ такъ спѣшатъ жить, однихъ городскихъ часовъ считается 300.

Знаете что? Примитесь лучше за *Часы Благо-говѣнія*: эта книга объяснитъ вамъ, что значатъ *часы церковные*, *часы царскіе*, *часы велико-постные*. — Она объяснитъ вамъ, что значитъ *часъ смертный*, *послѣдній часъ*.

Вашъ часъ насталъ!... небойтесь, вы такъ здоровы, что безъ всякаго сомнѣнія часовъ нѣсколько... виноватъ, я хотѣлъ сказать: лѣтъ нѣсколько проживете на свѣтѣ.

Впрочемъ, передъ вѣчностію *часомъ раньше*, *часомъ позже* — ничего не значитъ.

Вы не шутя однакожъ поблѣднѣли, вѣрно не здоровы? примите чего нибудь — *черезъ часъ по ложкѣ* — это сдѣлаетъ вамъ большую пользу.

Надобно знать, что часъ бываетъ добрый и дурной; *въ добрый часъ сказать и въ дурной про-молчать* — дѣло величайшей важности.

Если *подъ часъ* вамъ сгруститея, старайтесь разсѣяться: у васъ есть *часъ досуга*, вообразите, *часъ свиданья* съ вашею любезною, вообразите, что она ждетъ васъ, я не говорю *на послѣднихъ часахъ*, но ждетъ васъ *съ часу на часъ* — и часы полетятъ стрѣлою.

Надобно ловить ихъ!...

У Аріоста, въ его влюбленномъ Роландѣ, есть фея Фелирина, которая, кружась, напѣваетъ: *потерянный часъ* не возвращается!

—

Умъ, разсудокъ и разумъ.

Что за идея? три мячика и почти одного и тогоже названія — Извините, эти слова не только не однозначущіе, но даже не синонимы, и вотъ какъ объяснила ихъ Россійская Академія:

Умъ есть способность понимать вещи и судить объ нихъ.

Разсудокъ есть способность души, силою которой она, сравнивая, соображая многіе предметы, выводитъ заключенія.

И *Разумъ* наконецъ есть способность той-же души, посредствомъ которой человѣкъ, обдумывая и сравнивая предметы, можетъ ихъ понимать, объ нихъ судить и по разсмотрѣніи и соображеніи выводить слѣдствія.

Вы какъ будто задумались.... какъ будто не совсѣмъ понимаете?... какъ будто даже... совершенно ничего не поняли? неужели въ самомъ дѣлѣ? нѣтъ, поняли нѣсколько, но не совершенно ясно, не такъ-ли? но это отъ того, вотъ видите, что объяснять въ короткихъ словахъ психологическія отвлеченности чрезвычайно трудно и сбивчиво.

Не смотря на это, однако-жъ, я понимаю такъ, что *умъ царь въ головѣ*, но онъ своеволенъ, упрямъ, не знаетъ границъ, не терпитъ преграды и потому для придержанія его умственнаго стремленія дана человѣку другая способность, именно: разсудокъ.

Если инстинктъ животнаго учитъ его разнымъ

уловкамъ, какъ-бы прокормить и сберечь себя, то естественно, что разсудокъ внушаетъ человѣку несравненно болѣе.

Высшую степень разсудка, при великомъ умѣ, я почитаю разумомъ.

Умъ безъ разума!... дѣло плохое.

У кого *умъ зашелъ за разумъ* — это еще хуже.

Послѣдній, то есть разумъ, у кого онъ есть, разумѣется, учитъ человѣка правильному употребленію ума, учитъ съ настоящей точки видѣть вещи, различать добро отъ зла, истину отъ заблужденія. — Онъ истинный философъ, подвизающійся для пользы человѣка, для пользы народовъ.

Своевольный умъ знать ни кого не хочетъ; онъ независимъ; разсудокъ и разумъ, напротивъ, подчиняются многому и даже совѣсти, которая часто и *на умъ не приходитъ*.

Съ однимъ умомъ, Монтескью не написалъ-бы *разума законовъ*.

Умъ и разсудокъ въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ даны всякому, и потому утвердительно сказать можно, что дураковъ нѣтъ на свѣтѣ.

Если кого шутя и называютъ дуракомъ, то это въ относительномъ сравненіи съ тѣмъ, у кого *ума бездна*.

Дуракъ только тотъ, кто хочетъ казаться умнымъ.

Выраженіе быть *не въ полномъ умѣ*, ничего не значитъ: это чистый idiотизмъ, я васъ увѣряю.

Вьюжить изъ ума, почти тоже самое, съ нѣкоторымъ исключеніемъ на старости.

Спятить съ ума — вотъ это дѣло другое, но и это не значитъ быть дуракомъ, а просто сумасшедшимъ.

Легко можетъ статься, что разсудокъ и разумъ, которые все соображаютъ, обдумываютъ, тѣмъ и другимъ стѣсняются, покажутся и скучны и холодны. Ничего не бывало, они также позволяютъ многое, очень многое, даже удовольствія, но... удовольствія никому не вредныя, даже и самому себѣ.

Признаюсь: у меня не то было на *умѣ*; я хотѣлъ пошутить и между-тѣмъ кажется *заумничалъ*.

Впрочемъ, я объяснилъ коротко и ясно, какъ понимаю разницу между умомъ, разсудкомъ и разумомъ... развѣ это не дѣло?

Если другой понимаетъ иначе — съ Богомъ! пусть всякой философствуетъ, какъ ему угодно.

Сколько головъ, столько и умовъ; умъ хорошъ, а два лучше, говорятъ пословицы.

А поговорки: что *на умъ придетъ, то онъ и брякнетъ*, что разсудокъ *себѣ на умѣ*, что разумъ *на авось, на обумъ* ничего не сдѣлаетъ — развѣ это не истина?

Чего жъ больше? я думаю кончить послѣ этого....

И очень *умно*, даже *благоразумно*, скажутъ гг. зоилы, а то... что дураковъ нѣтъ на свѣтѣ — развѣ это не утѣшительно Мм. Гг.?

ХВОСТЪ.

Въ природѣ столько хвостовъ, что ихъ не пересчитаешь. Кометы съ хвостами, звѣри, птицы, рыбы, насѣкомыя, листья, послѣднія произрастенія, словомъ, отъ свѣтилъ небесныхъ до рѣпы и петрушки — *все съ хвостами.*

Даже чортъ и тотъ изображается съ хвостомъ.

Послѣ этого человѣку стало завидно, почему онъ одинъ созданъ кургузымъ животнымъ. Вотъ онъ думать-придумывать, какимъ бы образомъ недостатокъ хвоста природнаго замѣнить искуственнымъ, и какъ женскій умъ на многія поддѣльныя вещи гораздо изобрѣтательнѣе, то онѣ первыя придумали *хвостъ у платья.*

Хронологическое начало этого хвоста такъ перепутано, что его трудно распутать.

Извѣстно, что жены египтянъ, іудеевъ, персовъ, грековъ и римлянъ—ходили съ хвостами.

Мужскія хламиды, мантіи и тоги имѣли также хвосты.

Женщины ихъ подшпиливали, подбирали; мужчины величаво забрасывали на плечо, и, щеголяя ими, драпировались.

Израильтяне, аравитяне, потомъ греки носили шлемы съ гребнями или хвостами, изъ лошадиныхъ хвостовъ и гривъ звѣриныхъ.

Нынѣшнія каски европейскихъ латниковъ или кирасировъ не что иное, какъ подражаніе древнимъ.

Съ протеченіемъ вѣковъ, могущественное вре-

мя *подрѣзало хвосты* мужскіе; но женскіе, не смотря на всѣ неудобности — пачкаться, зацѣпляться и быть оборванными — остались неприкосновенны.

Казалось бы, чего-жъ больше? но нѣтъ, женщины придумали хвостъ особый, такой, который бы *волочился за ними*.... не оборонительнымъ, но наступательнымъ образомъ.

Въ театрахъ, въ концертахъ, въ собраніяхъ, на такіе хвосты вы наткнетесь поневолѣ.

«Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой хвостъ!»

Сказалъ Пушкинъ одной прекрасной женщинѣ.

Когда карты замѣнили рыцарство и турниры, мужчины приставили хвосты *къ висту*, *къ пикету*, *къ палкамъ и тянутъ за хвостъ* другъ друга, безъ всякаго милосердія.

Можетъ быть, это чрезвычайно пріятно; но согласитесь, что это наслажденіе келейное: тутъ нѣтъ ни благодарностей, ни публикацій, словомъ, никакой пищи для честолюбія; по этому побужденію, люди могучіе дозволили нѣкоторымъ избраннымъ *прицѣпляться къ хвостамъ* своихъ служебныхъ мантій и, шутя, тащатъ за собой цѣлыя вереницы, какъ паровыя машины.

Въ одной изъ басень Крылова, орелъ, услышавъ голосъ наука на высотѣ поднебесной, спрашиваетъ его:

«Да какъ же здѣсь ты очутился?»
— Да я къ тебѣ же прицѣпился,
И съ низу на хвостѣ ты самъ меня занесъ.»

Турки, какъ сыны востока, породившаго всевозможные хвосты, большіе до нихъ охотники. Правда, Махмутъ II подрѣзалъ имъ хвосты по европейски, но, по крайней мѣрѣ, они сохранили хвосты лошадиные на своихъ бунчукахъ, означающихъ ихъ классное достоинство.

Англичане любятъ *хвосты англезированные.*

Германцы — длинные и тонкіе, на подобіе нѣмецкаго умозрѣнія.

Замѣтимъ, что хвостъ у четвероногихъ составляетъ ихъ красоту и телеграфъ внутреннихъ ощущеній.

По знакамъ этого телеграфа: *вилять хвостомъ* значитъ хитрить; *поднять, растопырить хвостъ* значитъ гордиться; *волочить*—значитъ грустить, *поджать* — значитъ струсить.

Можно, пожалуй, *потянуть за хвостъ,* но имъ *отмахиваются* и даже *плещутъ.*

Птицамъ и рыбамъ хвостъ служитъ необходимымъ рулемъ, въ полетѣ и плаваніи.

Хвосты собольи—самые щегольскіе.

Павлиный — самый красивый.

Хвостъ скорпіона, которымъ онъ уязвляетъ, самый ядовитый.

Наконецъ, *хвостъ* самый важный и самый длинный—это, разумѣется, *женскій.* Длина этого хвоста обыкновенно соразмѣряется съ перпендикуляромъ мужа и числомъ прихвостниковъ.

—

СТОРОНА.

Одинъ *въ сторону*, другой въ другую. Куда ни взгляни, все *разныя стороны*. Изъ нихъ разумѣется, *правая и лѣвая* самыя главныя.

Есть другая сторона, которая также называется правою, но эта сторона условная, какъ и самая правда, отъ которой она происходитъ.

Какъ вы думаете, однако-жъ... отчего *правая сторона* предпочитается лѣвой?

Развѣ не на лѣвой сторонѣ сердце у человѣка?

А знаете ли вы, что *на правой*? то-то и есть: на лѣвой сердце, а *на правой* желчь.

Послѣ этого, само собою разумѣется, что та сторона, которая обливаетъ сердце желчью, и сильнѣе, и страшнѣе, и важнѣе лѣвой.

Сверхъ того намъ извѣстно, что мускулы правой стороны нашего тѣла—толще, крѣпче, гибче, самыя даже кости немножко больше, кровообращеніе сильнѣе.... и вотъ вамъ тѣ физіологическія начала, по которымъ правая сторона господствуетъ надъ лѣвою.

По такому преимуществу правой стороны, всѣмъ старшимъ присвоена она исключительно, въ обрядахъ общественныхъ.

Но оставимъ это; скажите, давно ли вы изъ-за границы, и что тамъ хорошаго?

Что-жъ вамъ сказать?... *на чужой сторонѣ* не дурно; *на своей, на родной сторонѣ*, право лучше.

Разумѣется.

«И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.»

А вы, въ свою очередь... а вашъ мячикъ? не спрашивайте, ради Бога не спрашивайте! за этотъ несчастный мячикъ напали на меня *со всѣхъ сторонъ*.

Конечно, все можно растолковать *въ дурную сторону*; но гг. критики, нападая на прыжки моего мячика, не хотѣли замѣтить его *нравственной стороны*, нравственныхъ направленій, а именно: шутя, остерегать, шутя, говорить правду.

Вы вступаете на поприще Ѳемиды.... не такъ ли? не утерплю, чтобъ и вамъ чего нибудь не посовѣтовать:

И такъ, ради Бога, не полагайтесь на *односторонніе* разсказы: чтобъ судить правильно, выслушивайте *обѣ стороны*.

Не смотрите на то, *чья сторона сильнѣе* и чья слабѣе.

Помните, что законы не алгебраическая формула, и что они также гибки, какъ умъ людей, которые толкуютъ ихъ *въ ту или другую сторону*.

Ищите и защищайте правую, въ настоящемъ смыслѣ слова.

И да будетъ всегда *на вашей* сторонѣ честь и правда.

—

ГЛАЗА.

Возьмемте еще мячикъ, напримѣръ, слово глаза, орудіе нашего зрѣнія. Не ставъ хвататься за

миѳологію, за Аргуса и за Циклопа, оставимъ въ покоѣ *глаза голубые и черные*; они воспѣты и стихами и прозой, что у всѣхъ *передъ глазами*. Сверхъ того, у меня *дурной глазъ* — я боюсь ихъ *сглазить*.

Говорятъ, *глаза вывѣска души*. Этого мало; ихъ можно назвать даже языкомъ любви. Замѣтьте однако-жъ, что *говорить глазами* — совсѣмъ не то, что дѣлать *глазки*. Глазки дѣлаются почти всѣмъ, но говорить глазами можно только съ близкимъ сердцу. Эта наклонность прекраснаго пола современна сотворенію міра, созданью первой женщины; это природный инстинктъ, врожденное чувство. Оно существовало во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ. Древнее *помаваніе очесъ*, которое считалось плодомъ запрещеннымъ, все тоже, что нынѣшніе глазки.

Это, можетъ быть, и отъ того, что въ старину за женщинами слишкомъ присматривали: *у семи нянекъ, часто дитя безъ глазу*.

Я говорю объ этомъ *глазъ на глазъ*, или, пожалуй, *на четыре глаза*. Конечно, лучше бъ пояснить пословицу: *не хвали въ очи, не брани за глаза*, но какъ же быть, если *правда глаза колетъ*.

Если прекрасныя читательницы разсердятся и закричатъ: *съ глазъ долой*! берегитесь!... я *смотрю въ оба*.

Тутъ нечего *подмигивать*!

И что вы мнѣ сдѣлаете. Литераторы мнѣ съ руки, а *воронъ ворону глаза не выклюетъ*... по-

вторяю, помиритесь... *кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ*!

Кстати, я разскажу вамъ театральный анекдотъ и каламбуръ. Когда въ первый разъ давали «Бурю», пьесу Шекспира, въ театрѣ было столько народа, что *глазомъ не окинешь* — столько хорошенькихъ, что *глаза разбѣгались*. Я хватился *за очки*, но они были *не по глазамъ*, и потому я смотрѣлъ *простыми глазами*. Дѣвицы, какъ теперь вижу, сидѣли *потупивши глаза*; напротивъ, молодые люди *забѣгали въ глаза*, *лѣзли въ глаза*, *хотѣли съѣсть глазами*. Люди женатые *пялили глаза* на ложи, женщины *не сводили глазъ съ креселъ*. Я *не вѣрилъ почти глазамъ*, и, между тѣмъ, видѣлъ все это *своими глазами*! Вы можете мнѣ повѣрить, потому что *въ глаза лгать* и *въ глазахъ обманывать* я вѣрно не стану. Дѣло въ томъ однако-жъ, что въ этой пьесѣ первая декорація представляла корабль, носимый волнами, для чего натурально надобно было разшевелить пыльныя театральныя волны. Отъ этого въ самомъ дѣлѣ поднялась такая буря, что сидѣвшіе въ первыхъ рядахъ креселъ принуждены были встать во время увертюры, и оборотиться спиной къ сценѣ. Вотъ что называется, *пускать пыль въ глаза*, сказалъ одинъ изъ зрителей.

—

ТѢСНЫЙ.

Въ моемъ кабинетѣ не разыграешься въ мячики. Онъ слишкомъ *тѣсенъ*.

Конечно, по привычкѣ и *въ тѣснотѣ люди живутъ*, но ужъ вѣрно не прыгаютъ.

Да гдѣ же не тѣсно въ самомъ дѣлѣ?

Пожалуй, цѣлый Петербургъ тѣсенъ по числу жителей; въ Москвѣ только, говорятъ, попросторнѣе.

Слово — тѣсный значитъ въ тѣсномъ смыслѣ: не довольно мѣста для чего нибудь имѣющій; слѣдовательно, тѣснота явно неудобна и не хороша во всякомъ случаѣ.

Не смотря на это однакожъ, явилась *тѣсная дружба*, которую ищутъ, поддерживаютъ, а между тѣмъ въ сущности, по неправильному понятію или по неправильному употребленію слова, явно унижаютъ, величая такимъ образомъ.

Спрашивается: что можетъ быть хорошаго въ тѣсной или сжатой дружбѣ, которой негдѣ развернуться?

Тѣсная связь — это дѣло другое; тутъ пожалуй всякой радъ потѣсниться.

За исключеніемъ тѣсной связи, все остальное тѣсное, рѣшительно никуда не годится.

Мы это чувствуемъ по себѣ, чувствуемъ лично, чувствуемъ съ ногъ до головы, начиная *отъ тѣсныхъ сапоговъ до тѣсныхъ понятій*.

Наконецъ, когда тѣснота изъ уравнительной

степени переходитъ въ превосходную, она обращается *въ давку*.

Это уже не хорошо; это значитъ: *быть въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ*.

Впрочемъ, стѣсниться нѣсколько дѣло привычное.

Протѣсниться.... вотъ это гораздо труднѣе. Извольте попробовать... какъ бы не такъ; да тутъ просто *за тѣснотой не продерешься*.

Сдѣлайте милость, потѣснитесь... дайте мѣсто! дожидайтесь.

Впрочемъ, по христіански, лучше самому стѣсниться, чѣмъ *притѣснить* или *вытѣснить* ближняго.

Конечно, *тѣсное мѣсто* — дѣло тяжелое. Дай Богъ никому не испытать его.

Къ сожалѣнію, у многихъ: «*душа въ тѣснотѣ и духъ въ стуженіи*» съ давняго времени.

—

МѢСТО.

На мѣсто прежняго мячика выберемте новый, чего жъ ближе? возьмемте слово мѣсто, которое такъ богато перифразами. Во 1-хъ) *слово мѣсто* значитъ должность, напримѣръ: выждать, *получить вакантное мѣсто*; во 2-хъ) мѣсто значитъ пространство, гдѣ бы и какое бы ни было, напримѣръ: *прибрать къ мѣсту*, *переставить съ мѣста на мѣсто*, *сдвинуть съ мѣста*; замѣтьте

однако-жъ, что это дѣлается только съ вещами; съ людьми поступаютъ иначе: людей не прибираютъ, но *усаживаютъ*; не переставляютъ, но *перемѣщаютъ*; не сдвигаютъ, но *сталкиваютъ*. Въ 3 хъ) мѣсто значитъ: кучу, ящикъ, свертокъ съ товаромъ, напримѣръ: *мѣсто чаю*; въ простонародіи подъ словомъ мѣсто подразумѣвается всякая необъятность: *экое мѣсто! экая громада!* Въ 4-хъ) *мѣсто въ сочиненіяхъ* — хорошія считаются періодами, дурныя страницами, статьями, даже цѣлыми книгами. И въ 5-хъ) восклицаніе: мѣсто! входитъ въ составъ театральной команды; мѣсто! кричитъ режиссеръ, передъ открытіемъ занавѣсы и всѣ со сцены бѣгутъ за кулисы.

Мѣсто! мѣсто! м.м. г.г., мой мячикъ начинаетъ распрыгиваться.

Съ мѣстами житейскими не станемъ смѣшивать *мѣста святыя*. Они всѣхъ лучше описаны Шатобріаномъ, Ламартиномъ и нашимъ соотечественникомъ г. Муравьевымъ.

Послѣдній описалъ *святыя мѣста Русскія*, и кому не извѣстно, что *наше мѣсто свято*.

Обращаясь къ мѣстамъ житейскимъ, разумѣется, что изъ нихъ *мѣста должностныя* самыя лучшія. Они составляютъ достояніе заслуги и способностей.

Конечно, нѣтъ правила безъ изключенія.... у инаго сынъ, у другаго зять, у третьяго братъ, но что-жъ дѣлать? поставьте себя *на мѣсто другаго* и вы увѣритесь, что всѣ мы люди.

Безъ этихъ исключеній, мѣста должностныя были бъ не только самыя лучшія, но даже самыя лестныя.

Бывало, народъ случайный не зналъ, что значатъ *дѣловыя мѣста*, и все-таки выходилъ въ люди; нынче, когда *штатныя мѣста* составляютъ необходимыя ступени всякаго повышенія, случайные люди по неволѣ отбиваютъ ихъ иногда у людей опытныхъ и способныхъ.

Не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто.

Соколъ съ мѣста, ворона на мѣсто, говоритъ пословица.

Слыхали ли вы старинную простонародную пѣсню:

Мнѣ моркотно молоденькѣ, нигдѣ мѣста не найду!

Напѣвающимъ эту пѣсню я бы совѣтовалъ обратить вниманіе на другія мѣста, именно на тѣ, подъ которыми подразумѣваются пространства земли, въ особенности незастроенной или невоздѣланной. Родимая земля не мачиха: не закладывайте только ее, а лелѣйте—и она воздастъ вамъ сторицею.

Мѣста крѣпостныя составляютъ неотъемлемую нашу собственность, если не потребуются на общественную надобность.

Мѣста хорошія въ сочиненіяхъ, какъ я сказалъ, очень рѣдки. Говорятъ даже, что литература наша шлепнулась. Это несправедливо; если нынче особенно мало пишутъ стиховъ, то это

потому только, что, вмѣсто просвѣщенія литературнаго, принялись за просвѣщеніе философское. Хладнокровіе разума всегда подавляетъ порывы и теплоту душевную.

Слово мѣсто не сходитъ съ языка человѣческаго; куда ни шагнешь, до чего ни дотронешься — *все новое мѣсто!* мѣста *переднія*, *заднія*, *на козлахъ*, *на запяткахъ*, *мѣста за креслами*, *мѣсто справочное*, *складочное*, *торговое*, *плацъ-парадное*, словомъ, ихъ такъ много, что не сосчитаешь!

А перифразы!... *честь и мѣсто*! караулъ Государевъ, говоритъ офицеръ смѣняющійся смѣняющему.

Какія мѣста! (какіе виды).

Онъ не даетъ мѣста! (не даетъ прохода).

Ни съ мѣста! (ни на шагъ)!

Онъ такъ израненъ, что *нѣтъ живаго мѣста*.

Пусть лежитъ! *не пролежитъ мѣста*, говорятъ про вещь ненужную.

Невѣста безъ мѣста значитъ дѣвица въ періодѣ отчаянія, между 30 и 35 лѣтнимъ возрастомъ.

Прибавимъ, что *мѣсто рожденія* человѣка великаго есть достояніе и вѣковѣчный вѣнокъ того мѣста, гдѣ онъ родился.

Такимъ образомъ, Москва гордится Пожарскимъ, Нижній Мининымъ, Симбирскъ Карамзинымъ, Казань Державинымъ, Курскъ Богдановичемъ, Архангельскъ Ломоносовымъ.

Повторяю, не закладывайте, но воздѣлывайте

ѣста привольныя. Обходите элипсически *мѣста* *кользкія* и конически *мѣста кредитивныя.*

Да не соблазнятъ васъ прибавочныя и надба-очныя!

Виноватъ, я пропустилъ еще одно выраженіе, именно: *сдѣлать* или *сказать что-нибудь не ъ мѣсту*, что очень дурно и *неумѣстно.*

И такъ, чтобъ не попасть въ просакъ.... про-цайте; кончено, я запряталъ мой мячикъ *въ доб-ое мѣсто.*

СВѢТЪ.

Пять частей свѣта! Старый свѣтъ, новый вѣтъ, какое поле, какое раздолье для мячика!

Свѣтъ въ прямомъ смыслѣ слова значитъ сія-іе; въ иносказательномъ значитъ: міръ, вселен-ую.

Свѣтъ значитъ также просвѣщеніе, общество.

Ученье свѣтъ, неученье тьма, говоритъ посло-ица.

Раздѣленіе свѣта на *ученый* и *большой*, нату-ально, по числу массъ человѣческихъ, оказалось едостаточнымъ. По этому, подражая французамъ, которыхъ есть *le monde*, *le beau monde* и *le ercle*, мы также приняли слово *кругъ*, какъ эм-лему единства, для классификаціи разнородныхъ бществъ.

Такимъ образомъ, составились всевозможны-руги: высшій, знатный, модный, свѣтскій, кар-

точный, дѣловой, ученый, литературный, средній, тѣсный, площадной, рыночный и проч. и проч.

По числу градусовъ круга, ихъ можно пожалуй насчитать до 360.

Между этими кругами есть натуральные, концентрическіе и эксцентрическіе.

Матеріяльныя средства человѣка составляютъ центръ круга; претензіи составляютъ радіусъ; помножьте этотъ радіусъ на моды и прически, и вы получите квадратуру каждаго круга.

Эти круги имѣютъ свои формы, свои кантониръ-квартиры.

Знатный кругъ квартируетъ въ первыхъ адмиралтейскихъ частяхъ.

Карточный по всему городу.

Дѣловой точно также.

Ученый преимущественно на Васильевскомъ островѣ.

Кругъ драматическихъ писателей въ Коломнѣ и....

Обращаясь къ свѣту, въ прямомъ смыслѣ этого слова, скажемъ, что г.г. геологи открыли *свѣтъ* особый — *свѣтъ подземный*, до котораго мало охотниковъ.

Свѣтъ въ живописи, т. е. освѣщеніе картины, есть дѣло оптики, діоптрики, катоптрики; дѣло есть чрезвычайной важности: дѣло Рафаэля, Клодлореня и Тиціана.

Теорія свѣта объяснена намъ Декартомъ и

Ньютономъ. Теорія Декарта — волненіе; теорія Ньютона — истеченіе свѣта: выбирайте любую.

При такомъ свѣтѣ какъ бы, кажется, *не жить на свѣтѣ?*

А трудно.... чрезвычайно трудно!

Сколько людей, подумаешь, Богъ знаетъ для чего, *скитаются по бѣлому свѣту!*

Главная трудность жить на свѣтѣ состоитъ ужъ и въ томъ, что *на весь свѣтъ не угодить.*

Напримѣръ, попробуйте *что-нибудь значить въ свѣтѣ!*

Не знать свѣта—худо; *не взвидѣть свѣта* — еще хуже.

А если лукавый подстрекнетъ васъ *издать* что нибудь *въ свѣтъ* и, сохрани Богъ, что нибудь порядочное — бѣда! гг. критики и журналисты *сгонятъ* васъ *со свѣта.*

Согласитесь, что это несносно! *непостоянство* и *превратность свѣта* мнѣ такъ надоѣли, что право я готовъ скрыться, бѣжать *на край свѣта,* куда хотите!....

И даже *на тотъ свѣтъ?* спрашиваете вы насмѣшливо; — вотъ прекрасно! я этого не сказалъ; само собой разумѣется, что *отправиться на тотъ свѣтъ* никому не хочется.

—

КОНЕЦЪ.

Наконецъ пора кончить. И такъ, пусть слово *конецъ* будетъ послѣднимъ моимъ мячикомъ.

Конецъ дѣлу вѣнецъ, говоритъ пословица.

Кончить на славу трудно; хорошо и то, что *кончилъ слава Богу!* къ удовольствію многихъ.

Дѣйствительно я такъ заигрался.

Изъ чего жъ? или *на какой конецъ* вы такъ хлопотали? спроситъ меня кто нибудь изъ писателей. — Неужели жъ, отвѣчаю я, для вашего удовольствія? ей Богу нѣтъ; я объ этомъ не смѣлъ и думать. Для денегъ? еще менѣе. Печатать? да это — *раззориться въ конецъ.*

И къ чему бросать деньги, когда и безъ того съ трудомъ *концы сводишъ* или *едва концы съ концами сходятся*?

Тутъ была другая причина. Чтобъ отвратить насмѣшки на счетъ того, что я разыгрался въ мячики, я долженъ откровенно признаться, что принялся за нихъ совсѣмъ не для забавы.

Какъ-то разъ я бесѣдовалъ съ моимъ почтеннымъ докторомъ. Если посредствомъ ортопедіи, сказалъ я ему, выправляютъ шею, плечи, руки и ноги, то нельзя-ли вамъ придать гибкости несчастной спинѣ моей, которая никакъ не гнется, что очень дурно, — я чувствую.

Ну, что-жъ? отвѣчалъ онъ, начните играть въ мячики.. это васъ развяжетъ, пріучитъ и кстати отскочить, и кстати подвернуться, пріучить забѣгать, гнуться и пожалуй, даже ползать, если хотите.

Я послушался, началъ, продолжалъ, какъ вы видѣли, — но увы!! конецъ не увѣнчалъ моихъ желаній.

Странно, когда въ смыслѣ матеріальномъ *вся*